

Имре
ДЪБЕРДЬ

ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПЕКИНА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

**КРИТИКА
БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ
И РЕВИЗИОНИЗМА**

**Imre
GYÖRGY**

**A PEKINGI
SZEMÜVEG**

Kossuth Könyvkiadó 1973

**Имре
ДЬЁРДЬ**

**ЧЕРЕЗ
ПРИЗМУ
ПЕКИНА**

Перевод с венгерского

Вступительная статья
проф. С. ЮРКОВА

Издательство «Прогресс»
Москва 1975

Перевод Ю. Иванова,
З. Катерушиной, В. Федорова

© Imre György, 1973

© Перевод на русский язык

Издательство «Прогресс», 1975, Москва

*Редакция литературы по вопросам ми-
рового рабочего и коммунистического
движения и международных отношений*

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Советский читатель получает возможность ознакомиться с яркой и интересной книгой Имре Дьёрдя. Венгерский журналист, проживший несколько лет в Китае и наблюдавший жизнь этой страны вблизи, задался целью показать механизм политической и идеологической обработки маоистами населения. Обладая острым глазом и хорошо чувствуя обстановку в КНР и ее проблемы, он раскрыл технологию подготовки идеологической пищи на пропагандистской кухне маоистов, показал, как формируются настроения населения, как подготавливаются и пропагандистски сопровождаются те или иные политические акции или повороты в руководстве страной, как маоисты пытаются воздействовать на мировое общественное мнение.

Современный английский писатель Ивлин Во в повести «Незабвенная» изображает бальзамировщика, который в зависимости от обстоятельств придавал покойникам улыбку лучезарного детства или выражение безысходной тоски. Китайская пропаганда делает то же с живой жизнью. Для нее не имеет значения сам факт, само явление, для нее важнее, как их использовать ради целей, преследуемых китайской верхушкой, заставить служить нынешним планам маоистского руководства. Если какие-то факты внутренней и международной жизни невозможно втиснуть в нужную схему, чтобы они работали на политику Мао Цзэ-дуна и его группы, то такие факты не замечают, будто их вообще не существует. В результате не трудно встретить китайцев, которые, например, до сих пор не знают о полете Юрия Гагарина и многих других событиях, о которых известно всему остальному миру.

Анализируя события в Китае за последние годы, Имре Дьёрдь указывает задачи, которые выполняла китайская пропаганда: возвеличение «идей» Мао Цзэ-дуна (при этом умалчиваются провалы «большого скачка» и коммун, вапдализм «культурной революции», измена пролетарскому интернационализму, блокирование с реакцией и т. д.), оправдание разрыва с СССР и со всем социалистическим содружеством и поворота в сторону союза с империализмом, стремление запугать народ «угрозой внезапного нападения» со стороны СССР, чтобы облегчить контроль маоистов над пародом, противодействие оздоровлению международной атмосферы, преувеличение внутренних и внешних успехов КНР, «роботоизация» и оказармливание населения, идеализация нищенского уровня жизни и т. д.

Работники китайской пропаганды отличаются исключительным цинизмом. Правду у них заменяет много раз повторяемая ложь, человеческий разговор — сентенции, анализ — велеречивое пустозвопство или цитата, оторванная от жизни и вырванная из контекста. Надо действительно считать своих читателей «чистым листом бумаги», чтобы так беззастенчиво мараить его. Маоистская пропаганда, как правило, является двухслойной. Сначала руководящим работникам по каналам устной агитации и через закрытый бюллетень «Цань-као сяоси» преподносят соответствующим образом подобранные сообщения агентства Синьхуа или иностранных информационных агентств, откуда они узнают о тех или иных событиях в Китае и за рубежом. В то же время в печати, предназначенной для простого читателя, проскальзывают некоторые намеки. Например, в сентябре 1971 года из газет исчезло упоминание Линь Бяо, который считался «ближайшим соратником» и «преемником» председателя Мао Цзэ-дуна, и появились безличные «мошенники типа Лю Шао-ци». Население памного позже узнало, что под «мошенниками типа Лю Шао-ци» подразумевались Линь Бяо и группа генералов.

Поскольку наблюдения Имре Дьёрдя заканчиваются 1972 годом, видимо, требуется проследить, чем занималась китайская пропаганда после этого, чтобы подвести читателя к сегодняшнему дню Китая.

Из того, как подавались материалы в КНР, как рас-

ставлялись акценты в редакционных статьях, кто из руководящих деятелей в каких встречах участвовал, было видно, что в Китае обострялась борьба между по крайней мере тремя группами: деятелями, поднявшимися на волне «культурной революции», так называемыми прагматиками и генералитетом. Для ослабления позиций генералов объединялись первые две группы, одновременно стремясь схватить за горло друг друга. Можно было довольно ясно уловить и линию разногласий. По вопросам внутренней жизни одни говорили, что нужно выше поднимать знамя «культурной революции», другие заявляли, что необходимо заниматься делом, развивать хозяйство. В области внешней политики одни утверждали, что Советский Союз — главный враг, другие, активно участвуя в антисоветских кампаниях, советовали также время от времени прибегать к антиимпериалистической фразеологии, чтобы Пекин не утратил ими же выдуманного ореола «лидера мировой революции».

В такой обстановке был проведен в августе 1974 года X съезд Коммунистической партии Китая.

В документах съезда и последовавшей за съездом пропагандистской кампании фигурировали известные уже концепции и постулаты Мао вроде теории «продолжения революции при диктатуре пролетариата» (являющейся маоистским вариантом троцкистской теории перманентной революции), тезиса о «двух типах противоречий в социалистическом обществе» и «борьбе двух путей, двух линий» и ряда других обветшалых маоистских догм. Ни одной новой идеи, ни одной свежей мысли.

Съезд прошел под знаком апологии и возвеличивания «культурной революции»; были подтверждены все ее левацкие лозунги и установки. Более того, в новом Уставе КПК, принятом X съездом, она именуется «великой политической революцией... которая будет проводиться много раз». Такая оценка «культурной революции» говорила об усилении позиций тех руководящих деятелей КПК, которые пришли к власти во время «культурной революции».

Под углом зрения исторической неизбежности внутривластной борьбы в КНР в материалах X съезда трактовался и вопрос об «антипартийной группировке

Лишь Бяо». Постановка этого вопроса на съезде уже сама по себе подтверждала наличие серьезных разногласий и острой борьбы в маоистском руководстве. Заявление съезда о внутривластной борьбе как «исторически неизбежном» явлении равносильно признанию непрочности маоистского режима, в особенности его структуры власти.

X съезд КПК, подобно предыдущему, обошел молчанием актуальные проблемы социально-экономического и культурного развития Китая. Он ограничился простым перечислением некоторых установок Мао Цзэ-дуна, выдвигавшихся им со времени «большого скачка» и зафиксированных затем в документах IX съезда. К таким установкам относятся: политика «трех красных знамен» («большой скачок», «народные коммуны», «строить социализм по принципу больше, быстрее, лучше, экономнее»), «сельское хозяйство — основа народного хозяйства, а промышленность — его ведущая сила», «опора на собственные силы», «учиться у Дачина и Дачжая», «ставить на командное место пролетарскую политику» и др. В Уставе не выдвигается задача строительства социализма в КНР, вместо этого провозглашается некая абстрактная задача «завоевания победы социализма над капитализмом» вообще.

Внешнеполитическая программа X съезда характеризовалась усилением правонационалистических тенденций и дальнейшим сползанием Пекина на позиции тотальной борьбы против Советского Союза, всего социалистического содружества.

Учитывая сложившуюся международную обстановку, усиление тенденции к разрядке напряженности, маоисты обошли формулировку IX съезда о неизбежности новой мировой войны. В отчетном докладе приведено заявление Мао Цзэ-дуна от 20 мая 1970 года: «Опасность новой мировой войны все еще существует и народы всех стран должны к этому подготовиться. Однако ныне главной тенденцией в мире является революция». Вместе с тем съезд подчеркнул, что вернейший путь к революции идет через войну, поскольку «разрядка — явление временное и поверхностное, а колоссальные потрясения будут продолжаться и дальше».

Реальная борьба против империализма, его агрессивной политики и идеологии подменена в документах

съезда голыми призывами к борьбе лишь против гегемонии США, а ядро внешнеполитического курса Пекина на деле составляет открытая враждебность к Советскому Союзу как к фактическому главному, по мнению маоистов, их противнику. Новый Устав КПК нацеливает партию и китайский народ на подготовку к войне, «обосновывая» ее необходимость угрозой «агрессии со стороны империализма и социал-империализма», под которым подразумевается Советский Союз. Таким образом, гегемонистские, социал-шовинистические, антисоветские установки Мао Цзэ-дуна в новом Уставе возведены в ранг основных программных положений КПК.

Средствами массовой информации КНР активно развивались и пропагандировались материалы X съезда. В то же время было видно, что борьба в руководящей элите Китая не только не ослабла, но заметно усилилась. Страницы китайской прессы вскоре запестрели материалами, посвященными «критике Конфуция», появились дацзыбао, в которых разоблачается «черная линия» Конфуция на «возрождение древности». В деревнях, на заводах, в учреждениях маоисты проводят многолюдные собрания. Имя Конфуция в этой кампании тесно связывается с именем «честолюбца и заговорщика Линь Бяо», ибо, как утверждала газета «Жэньминь жибао», древний философ и бывший китайский министр обороны Линь Бяо — «барсуки с одного холма».

В числе главных обвинений, которые предъявляются Конфуцию, — его приверженность прошлому, стремление возродить «древние установления», в чем организаторы нынешней «мини-культурной революции» усматривают прямую параллель с действиями Линь Бяо, стремившегося, по их словам, «свергнуть пролетарскую диктатуру и реставрировать капитализм».

Интересно отметить, что наряду с критикой Конфуция идет возвеличивание столь одиозной личности, как император Цинь Ши-хуан. По его приказу миллионы людей сгонялись на принудительные работы, по его повелению была построена знаменитая китайская стена, оградившая Китай от «северных варваров». Цинь Ши-хуан ненавидел «гуманность». Прославился же оп тем, что для пресечения «зла в корне» приказал сжечь

все книги, кроме чисто «прикладных», чтобы «обуздать инакомыслящих», повелел закопать 460 ученых живыми в землю. Человек, шедший к верховной власти в Китае по сотням тысяч трупов, создавший свою деспотию огнем и мечом, человек, имя которого было проклято в народных песнях, ныне вызывает симпатию китайских руководителей. Мао Цзэ-дун явно призывает подражать ему.

В русле «критики Конфуция и Линь Бяо» ведутся также нападки на «горстку классовых врагов», которая «болтовней о мнимой безвредности европейской классической музыки» якобы «тщетно пыталась открыть зеленую улицу потоку буржуазного искусства» (имеется в виду, в частности, исполнение произведений Бетховена во время визита Никсона в Китай).

Разумеется, истинным объектом атаки является не Конфуций, который умер почти две с половиной тысячи лет назад, и не Линь Бяо, которого уже нет в живых, а более реальные противники. Нынешняя кампания является отражением борьбы в руководящей верхушке, свидетельствует о, видимо, одобренном «великим кормчим» наступлении «левых» на другие группировки и означает подготовку перехода власти к новому эшелону сторонников маоизма, с ведущим положением в нем шанхайских деятелей, в том числе Цзян Цин — жены Мао.

Возвращаясь в заключение к книге Имре Дьёрдя, хотел бы добавить, что, по моему убеждению, она поможет читателю взглянуть глубже за «бамбуковый занавес» и лучше понять ту трагедию, которую переживает ныне китайский народ вследствие чуждой его интересам, антисоциалистической политики Мао и его группы.

Проф. С. ЮРКОВ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Двадцать первого февраля 1972 года в 11 часов 20 минут на бетонное поле пекинского аэродрома приземлился сверкающий на солнце бело-голубой воздушный лайнер «Боинг-707». Самолет миновал почетный караул из представителей трех видов вооруженных сил: сухопутных войск, военно-воздушного и военно-морского флотов, сделал поворот и остановился. В огороженном барьером месте 150 журналистов с напряженным вниманием следили за всем происходящим. Установленные на возвышении, специально построенном для этого случая, телевизионные камеры, медленно описав дугу, нацелились на затихающие двигатели, на мгновение объективы выхватили направляющийся к самолету трап, задержались на группе выстроившихся около трапа китайских руководителей, показав первым планом застывшее в ожидании лицо главы китайского правительства Чжоу Энь-лая, а затем остановились на открывающемся люке самолета. В следующую минуту появился президент Соединенных Штатов, одетый в серое пальто, а рядом с ним в красном пальто — первая леди¹. Сотни миллионов людей, находившихся перед экранами телевизоров за много тысяч километров от места события, следили за тем, как спускалась по трапу президентская чета. Во всех редакциях мира заработали телексы, передававшие сообщение о прибытии Никсона в Пекин².

¹ Так обычно называют в журналистских кругах супругу президента США.— *Прим. ред.*

² В августе 1974 г. президентом США стал Дж. Форд.— *Прим. ред.*

Спустя примерно два часа от типографии китайской партийной газеты «Жэньминь жибао», что в 25 километрах от аэродрома, отъехали на велосипедах разносчики газет. На стенде около редакции вывесили шесть страниц свежего номера газеты, посмотреть газету подошло несколько человек, но никакого столпотворения не было. То, что «Жэньминь жибао», считающаяся утренней газетой, вышла днем, случалось и раньше, а в этом номере не было никаких чрезвычайных сообщений. В газете от 21 февраля ни слова не говорилось о приезде Никсона.

Репортаж с аэродрома не транслировался ни китайским радио, ни китайским телевидением. О прибытии президента США во всем мире узнали раньше, чем в самом Китае.

Этот пример, а их можно было бы привести гораздо больше, показывает, что деятельность, компетенция и роль системы информации в Китае имеет свою особую специфику; она совершенно иная, чем в других странах, и занимает особое место в государственной и общественной жизни. Здесь главным критерием служит не оперативность или «хорошая информация», не разносторонность или обстоятельность; суть дела составляет, как правило, вообще не информация. Сообщение здесь скорее только пример, иллюстрация или подтверждение какого-нибудь тезиса. Политическое сообщение в Китае — это не отчет о каком-то политическом событии, это даже не сообщение политического характера; оно само по себе, совершенно независимо является политическим действием. Информация может также играть роль непосредственного указания о том, какую занять позицию по тому или иному вопросу: «за» или «против». Срок помещения сообщения не имеет существенного значения. Информация даже о значительном событии не всегда обязательно будет опубликована; неприятные для пекинского руководства факты могут совсем не попасть на страницы газет или о них после основательного размышления сообщат только тогда и в такой форме, когда они уже «не опасны». В этой области существует свой строго определенный порядок, схема, от которых отходят только при крайне чрезвычайных обстоятельствах. Здесь все имеет свои определенные функции, свой особый символический смысл:

размеры речей, помещение публикации на видное место или на задний план, виды верстки. В конечном итоге способ передачи информации отделяется не самим сообщением, в информации господствуют пропаганда устремлений руководства и правила протокола. Первое служит целям обработки сознания простых читателей, последнее — ориентации иностранных посольств. При подобной системе организации информационной службы газеты представляют собой нелегкое чтение для сотен миллионов людей, для которых печать является основной духовной пищей.

В нашей книге мы хотим рассказать о существующей в Китае системе информации, точнее о том, какие идейные и политические горизонты открывает эта официальная информация и каким в этих условиях китайские читатели могут видеть мир. Основное внимание мы уделяем сегодняшнему дню, так как хотим, чтобы книга помогла прежде всего понять жизнь современного Китая, происходящие в нем события, его политику. Приводимые примеры заимствованы в основном из книг, других печатных изданий и из газет за 1970—1972 годы. Таким образом, мы знакомим наших читателей не с историей системы информации народного Китая вообще, хотя ссылки на прошлое неизбежны, и не с изложением нынешней внешней и внутренней политики Китая после «культурной революции», а только с тем, как эта политика освещается службой информации. Когда мы с начала до конца стараемся проследить за тем, как в китайской печати находит отражение какой-либо поворот во внешней политике, то мы хотим уяснить прежде всего, как пекинская информационная служба излагает и как объясняет массам и всему миру данное изменение в своей политике. Будут показаны те методы, которые применяет китайское руководство для определения линии поведения населения, убеждения его, успокоения или разжигания политических страстей, то есть как китайская печать подключается к системе руководства массами, мобилизации их или манипуляции ими.

В книге рассматривается относительно короткий период из истории Китая, но он был богат крупными событиями. Собственно говоря, в бурной политической истории КНР едва ли можно найти такой период, в те-

чение которого не происходили бы быстрые изменения, часто имевшие значение коренного поворота. Так, после 1949 года основные усилия страны были направлены на укрепление и консолидацию народной власти, в начале 50-х годов было начато осуществление грандиозных планов индустриализации, в 1957 году последовала кампания либерализации под лозунгом «Пусть расцветают сто цветов», которая была затем резко свернута. В конце 50-х годов в результате посеявшей неразбериху волюнтаристской попытки осуществить «большой скачок» страну потряс экономический упадок. В начале 60-х годов в рамках политики «урегулирования» крестьянам в интересах повышения их материальной заинтересованности были сделаны известные уступки (в то время председателем КНР был Лю Шао-ци, а Мао Цзэ-дун — председателем партии); но Мао Цзэ-дун не был доволен этой политикой и уже в 1964 году начал подготовку к контрнаступлению. В 1965 году идут авангардные бои «великой пролетарской культурной революции», а на следующий год Мао и часть руководства использовали хунвэйбинов для расправы со старым партийным и государственным аппаратом, в результате которой Лю Шао-ци потерпел политическое поражение. В 1967 году вспышка анархических действий чуть было не ввергла страну в настоящий хаос, но армия под руководством Линь Бяо к концу 1968 года постепенно прибрала власть к своим рукам. В апреле 1969 года победители «культурной революции» собрались на IX съезд КПК, однако заключенный на нем компромисс соблюдался недолго: по мере того как «нормализация» продвигалась, противоречия между противниками среди руководящей верхушки снова обострились, и борьба за власть осенью 1971 года привела к падению Линь Бяо, назначенного ранее преемником Мао.

Во внешней политике Китая за последние полтора десятка лет точно так же было бы трудно найти такой период, который характеризовался бы продолжительной стабильностью.

С середины 50-х годов постепенно усиливалась враждебность китайского руководства в отношении социалистического содружества, а в начале 60-х годов против последнего уже открыто началось идеологическое, а затем и политическое наступление. В период «куль-

турной революции» пекинское руководство перешло к политике полной изоляции и ксенофобии, которая достигла своего апогея летом 1967 года поджогом канцелярии английского временного поверенного в делах. Но вот за волной ненависти к иностранцам, поднятой «культурной революцией», в начале 70-х годов последовало дипломатическое наступление Китая. И если раньше Пекин сосредоточивал усилия прежде всего на росте своего влияния в международном коммунистическом и национально-освободительном движении, повсеместно поощряя всякого рода раскольническую деятельность антисоветских маоистских групп, то в 70-е годы, продолжая следовать по пути национализма и антисоветизма, он для осуществления своих целей в мировой политике снова стал применять средства классической великодержавной дипломатии. Последовали приглашения в Китай Никсона и Танаки, что внесло значительные изменения в международную обстановку, главным образом на Дальнем Востоке.

Если бы мы попытались изучить механизм информации в Китае в «чистом» виде, независимо от процесса политических изменений, то нужно было бы вернуться очень далеко в прошлое, но это не принесло бы особой пользы. Нас интересует информация как часть постоянно изменяющихся общества и политики Китая, как средство, также меняющееся в процессе происходящих перемен. Вместе с тем следует учитывать, что пекинская печать в ее нынешнем состоянии является в конечном итоге историческим продуктом, результатом всего развития системы: ее отдельные черты, несомненно, носят специфический отпечаток современности, их можно объяснить непосредственным влиянием «культурной революции», но основные черты печати уходят корнями в прошлое. Что же касается изменений, то и в изучаемом нами периоде их было предостаточно: если в самом начале «культурной революции» газеты и дацзыбао¹ хунвэйбинов отличались беспрецедентной с весны 1957 года свободой открытого выражения мнения, особенно в нападках на партийные комитеты и многих руководителей, не угодных Мао Цзэ-дуну, то к середине

¹ Стенные газеты-плакаты, написанные от руки большими иероглифами.— *Прим. ред.*

1968 года контроль за печатью привел к жесткому единообразию, также беспрецедентному в истории китайской информации. Такое положение начало несколько изменяться только к концу 1971 года, но эту модернизацию могли уловить лишь чувствительные антенны профессиональных специалистов по Китаю, синологов.

Таким образом, предметом нашего изучения является лицо китайской печати, которое несет на себе следы истекших двадцати лет (включая также ограниченные взгляды периода «великой пролетарской культурной революции»). Но печать уже сейчас дает возможность почувствовать изменение перспектив, открывшихся во время «нормализации». В новые времена, при новых обстоятельствах и печать начинает медленно переходить на новый голос.

Следует также сказать, что с самого начала «культурной революции», то есть с 1966 года, все, что китайский читатель узнавал, он мог почерпнуть только из прессы, поскольку с этого года на длительное время были закрыты университеты, средние школы, библиотеки и выставки, а учебные материалы запрещены. За исключением тщательно просмотренной части технической литературы и, естественно, произведений Мао Цзэдуна, вплоть до начала 1972 года были изъяты все произведения литературы и искусства. В таких условиях печать была официальной литературой «культурной революции», а также трибуной так называемой «образцовой революционной оперы». «Жэньминь жибао» и даже агентство Синьхуа (Новый Китай) непрерывно излагали либретто опер (это, между прочим, характерно для специфически китайской концепции информации, ибо где еще можно найти такое информационное агентство, которое в передачах на иностранных языках на протяжении многих часов передает либретто оперы?).

Хотя уже есть многочисленные признаки того, что политика в области информации, порожденная «великой пролетарской культурной революцией», оттесняется на задний план и тем самым перед рядовыми китайцами открываются другие каналы знакомства с миром, однако все, что исходит от китайских органов информации, пока определяет официальный идейный горизонт (в самом начале 70-х годов они определяли его цели-

ком и полностью, так что нынешнее положение представляет собой уже значительный сдвиг).

Видимую нам сторону китайской информационной системы, обращенную к внешнему миру, дополняет второй, внутренний канал, через который до довольно широких кругов населения доводится более полная, вернее, более или менее отличающаяся от открытых публикаций, информация о положении в мире.

На матерналах, поступающих от иностранных агентств и газет, агентство Синьхуа издает ежедневный бюллетень небольшого формата, на который могут подписаться китайские кадровые работники, руководители разных уровней, не обязательно только высокопоставленные. Этот информационный бюллетень «Цанькао сяоси» не помещает собственных комментариев. Хотя он и замалчивает сообщения из-за границы о внутренней политике и борьбе за власть в Китае, но тем не менее дает относительно полную картину событий международной жизни и помещает статьи и комментарии из иностранной печати, совпадающие с точкой зрения китайского руководства (для иностранных представительств в Пекине Синьхуа выпускает также ежедневный бюллетень аналогичного характера на английском языке — «Ньюс»). Поскольку до масс доходит только официальная печать, то кадровые работники, руководители и часть населения пользуются несколько более широкой информацией. По оценке самого «Цанькао сяоси», тираж его составляет 6—8 миллионов экземпляров. Значение этого факта несомненно: для относительно большого числа избранных имеется возможность получать определенное, хотя и тенденциозное, представление о различии между действительными событиями, происходящими в мире, и официальной китайской информацией.

Ставка на «дипломатию пинг-понга» весной 1971 года могла быть ясной еще только очень небольшому числу китайских читателей, когда «Цанькао сяоси» сообщила об интервью Эдгара Сноу с Мао Цзэ-дуном, опубликованном в журнале «Лайф», в котором впервые шла речь о приглашении Никсона в Китай. Таким образом, миллионы кадровых работников были извещены о предстоящем чрезвычайном событии и могли начать подготовку населения в форме устной информации к уже

ожидаемому, но все еще неожиданному повороту в китайской внешней политике.

Система двойной печатной информации может с успехом функционировать, в частности, потому, что цель официальной печати состоит не только и не столько в том, чтобы заставить поверить в достоверность даваемого ею изображения мира, а главным образом в убеждении читателя в том, что мир должен быть таким, каким она его рисует. Печать показывает тот оптимальный мир, который создан в представлении китайского руководства, а сведения, получаемые по внутренним каналам, стоят ближе к действительности. Первое — это не информация, а скорее метод пропаганды диктуемых сверху взглядов, а второе — даже вместе со своими противоречивыми фактами — направлено на эффективное осуществление замыслов руководства, несмотря на имеющиеся всякого рода трудности.

На это направлен также и третий, непечатный, устный канал китайской системы информации, а именно — мощный аппарат агитации и политических манипуляций, без существования которого нельзя понять деятельность двух первых каналов. После победы народной власти все стороны жизни Китая оказались опутанными сетью разветвленной организации, в задачу которой входит мобилизация, организация и информирование масс. Уполномоченные этой организации действуют на каждом заводе, в каждой небольшой мастерской, в каждой деревеньке, в каждом жилом квартале. Они являются как раз теми «кадрами местного масштаба», которые заботятся, в частности, о распространении информации из центральной печати, о чтении вслух газет (поскольку тираж газет невелик, а с другой стороны, все еще много неграмотных, особенно среди пожилого населения), об установлении в домах громкоговорителей и прослушивании радиопередач. В их обязанности входит также информирование населения на собраниях или во время бесед с глазу на глаз о таких проявлениях официальной политики, о которых еще не публиковалось в печати. При изучении видимой части системы информации нам следует учитывать всегда и везде присутствующую вышеуказанную разветвленную организацию, эту устную, доходящую до каждого информацию. Следует иметь в виду, что, когда китайская пе-

чать открыто еще ничего плохого не говорила о Советском Союзе, на собраниях уже всем было сообщено, что под «современными ревизионистами» следует в первую очередь понимать Советский Союз. Еще не было напечатано имя Лю Шао-ци, а до сведения почти каждого было доведено, что именно к нему относится такой вычурный эпитет, как «личность внутри партии номер один, следующая по буржуазному пути». И после исчезновения Линь Бяо таким же путем китайские массы узнали, кто они, эти «пролезшие в партию буржуазные карьеристы». Двойная система печатной информации, таким образом, составляет основу устной информации и делает тем самым возможным выполнение кадровыми работниками руководящей роли не только благодаря занимаемым постам, но и в силу имеющейся в их распоряжении дополнительной политической информации. Через этот канал устанавливаются нормы поведения китайского населения. Так, во время визита Никсона население получило точные инструкции о том, как себя вести.

Все это в конечном итоге свидетельствует об особой роли, выполняемой информацией в китайском обществе. Каждый участвует в большой игре в конспирацию. Это одновременно и соблюдение достоинства, и развлечение, особенно в отношении иностранцев. Дезинформация противника — как это можно, например, видеть на сцене в «образцовых революционных операх» — представляет собой вдохновенный, высокий с моральной точки зрения поступок. Китайский читатель, по крайней мере отчасти имея в руках ключ шифра, читает печать между строк, а непосвященному еще нужно специально разгадывать ребус, что иногда не так уж и просто. Здесь все сведено в особую систему ценностей, возникновение которой относится к далекому историческому прошлому страны. В этой системе центральное место, естественно, отводится Китаю. Именно поэтому китайское население соглашается с подобными методами, которые в ином месте невозможно было бы себе представить, и выполняет такие требования, которые в ином месте нельзя было бы осуществить.

Все это, особенно начиная с «культурной революции», возможно, конечно, потому, что информация как бы помещает китайское население в духовно закрытый мир, а также потому, что монополия на информацию

и главным образом монополия на формирование общественного мнения осуществляется, по существу, в замкнутом обществе. В настоящее время система информации является своего рода «китайской стеной», отгораживающей страну от остального мира. Через эту «стену» могут, правда, просочиться «нежелательные» факты или отдельные предводители «враждебных идей», но их армии — никогда. Поэтому такую монополию можно использовать весьма специфическим образом: путем централизованно направляемых повторений влиять на формирование позиций по тем или иным вопросам и нормам внутреннего поведения.

Итак, печать считает своей задачей не информирование населения и не оказание помощи читателю при ознакомлении с фактами в выработке своего отношения или линии поведения, а предоставление информации о том, как нужно мыслить и как нужно оценивать, а на этой основе — как следует действовать. Публикуются не сообщения, а тщательно отобранная иллюстрация для объяснения политического курса; нормы поведения, лозунги повторяются до тех пор, пока они не начинают восприниматься как факт, и если этого не происходит, то старые лозунги не опровергаются, а им дается новое толкование.

Начиная, пожалуй, с «культурной революции», китайская печать все приводит в непосредственную связь с «учением» Мао Цзэ-дуна, отдельные оторванные положения из его философских работ используются в повседневной практике в самых прагматических целях или совершенно формальным образом. Эта централизованная пропаганда действует с автоматической однообразностью, бесконечно повторяя официальные оценки. Однако для китайского читателя печать — не такое чтиво, которое он может по своему желанию или изучать, или отложить в сторону. Она составляет обязательную и неотъемлемую часть его жизни и, как таковая, является весьма важной составной частью нынешней китайской действительности. Он обязан читать то, что ему преподносят, и официальные власти строго следят за этим.

В нашей книге из трех каналов китайской системы информации мы остановимся лишь на первом и будем пользоваться только опубликованными, открытыми, офи-

циальными материалами. Частично потому, что это, естественно, более доступно, а с другой стороны, потому, что предметом нашего изучения является именно этот «официальный горизонт». Мы в первую очередь исследуем не то, каким в действительности видит мир китайское руководство, а все то, что характеризует внутривнутриполитическое и международное положение страны, что это руководство хочет показать своему народу и другим странам, как оно реагирует на различные события и проблемы и как подготавливает китайское население к важным изменениям во внутренней и внешней политике. Там, где мы считаем необходимым, мы ссылаемся на второй и третий каналы, но эти ссылки играют лишь вспомогательную роль.

Первая часть

Глава 1

«ГОРИЗОНТЫ» КНИЖНОГО РЫНКА

Если мы хотим окинуть взором «идейные горизонты» в Китае, определяемые аппаратом службы информации, то, по всей вероятности, мы должны прежде всего взглянуть на книжные полки.

Во всех китайских книжных магазинах в специальном отделе продаются произведения Мао Цзэ-дуна и классиков марксизма, причем на полках стоят также труды Сталина и Энвера Ходжи. В продаже имеется четырехтомное издание избранных произведений Мао Цзэ-дуна, заканчивающееся работами, написанными им в 1949 году, красная книжечка с цитатами в основном из тех же произведений, а также несколько сборников работ Мао Цзэ-дуна на философские и военные темы. На этом теоретическая деятельность Мао Цзэ-дуна и кончается, больше сборников его трудов не издавалось. Заявления, сделанные им в шестидесятых годах, «указания», опубликованные в газетах в период «культурной революции», а также цитируемые в различных статьях положения, которые ранее держались в тайне, не были изданы в Пекине отдельным сборником. (За границей распространяется несколько сборников, составленных на основе этого материала, хотя достоверность цитат можно часто оспаривать.)

ПЕРВЫЕ ЗАГАДКИ

Собственно говоря, уже в книжном магазине бросаются в глаза таинственные черты китайской службы информации (и политического строя). «Великая про-

летарская культурная революция» (цитируем энциклопедическое определение ее китайской печатью), инициатором и руководителем которой был лично Мао Цзэ-дун, по сути дела, завершилась без подведения итогов в какой-либо из его опубликованных прострапных речей или статей. Она закончилась, а Мао Цзэ-дун ни разу не выступил перед массами, которые (часто миллионы людей) собирались для встречи с ним на площади Тяньаньмынь. Хотя это, возможно, объясняется тем, что председатель КПК говорит на хунаньском диалекте, и поэтому его речь не совсем понятна для говорящих на так называемом пекинском диалекте, к распространению которого, между прочим, стремится пекинское правительство. По официальным сообщениям, на IX съезде КПК, завершившем бурный период «культурной революции», Мао Цзэ-дун выступил с «чрезвычайно важной речью», которую, однако, не публиковали. После того как Линь Бяо, выступившего на съезде с докладом (последний только и был опубликован), постигла судьба человека, изгнанного с политической арены, возникла такая парадоксальная ситуация, когда людям стало недоступным и единственное выступление на съезде, хотя формально китайское руководство и в настоящее время продолжает ссылаться на этот съезд. В продаже уже нет книжечки с материалами съезда, изданной в обложке из красного пластика и таким же форматом, как сборник цитат Мао Цзэ-дуна.

Читатель может задать вопрос: почему же стало возможным, что в последние годы в политической жизни Китая, в том числе в области информации, все же господствовали идеи Мао Цзэ-дуна, его труды? Ответ заключается в следующем: наряду с публиковавшимися от его имени краткими указаниями время от времени вновь издавали написанные им ранее произведения, и эти повторные публикации печать преподносила таким образом, как будто руководитель страны выступал с новыми установками. Неизвестно, чем объясняется такая специфическая практика. Мао Цзэ-дун, который в годы «культурной революции» появлялся перед своим народом лишь на далекой трибуне на площади Тяньаньмынь, в то же время принимает иностранных государственных деятелей, непринужденно беседуя с ними в течение длительного времени. Китайская кинохроника

увекочивает эти встречи, но только визуально. Зритель никогда не узнает, что сказал председатель. Если он говорит, то только в форме заявления, причем это становится в стране событием, которое, как, например, краткое заявление, сделанное им 20 мая 1970 года, сотни миллионов людей отмечали на собраниях, демонстрациях, митингах.

«КРАСНАЯ КНИЖЕЧКА»

Наиболее известным в мире символом китайской «великой пролетарской культурной революции» является «красная книжечка» — составленный Линь Бяо известный сборник цитат Мао Цзэ-дуна. Ее можно встретить и сейчас, однако с некоторыми изменениями. В ней уже нет предисловия, которое написал ко второму изданию в декабре 1966 года, то есть в кульминационный период первой волны «культурной революции», бывший министр обороны. Во второй половине шестидесятых годов это издание отпечатали в Китае тиражом в сотни миллионов экземпляров (многие годы большая часть типографий была занята только этой работой). Однако после политической и физической смерти Линь Бяо второе издание «красной книжечки» было полностью изъято из торговли, а владельцев книжечек призывали бритвой вырезать из нее предисловие. Затем было выпущено новое издание, но уже без предисловия.

Долгие годы цитатник играл очень большую роль во внутренней политике Китая, поэтому он заслуживает более пристального внимания. Верно, что в настоящее время он уже потерял свой магический характер, церемониальную роль — им уже не приветствуют, не размахивают, его уже не носят в кармане каждый руководитель, чтобы при случае продемонстрировать, не размахивают в едином ритме стотысячные массы людей. В то время как в период между 1966 и 1969 годами цитировали исключительно фразы из этой книжечки, в семидесятых годах вновь вернулись к источнику, к трудам Мао Цзэ-дуна. Более того, в 1971 году началась кампания по изучению классиков марксизма. Все эти изменения имели свое значение с внутривнутриполитической точки

зрения, о чем и пойдет речь дальше. Сейчас же нашей темой является сама «красная книжечка», которая и до настоящего времени имеет весьма важное значение. В Китае отреклись от ее составителя, но не от ее содержания. Наиболее простой ключ к пониманию роли этой книжечки дает сам Линь Бяо в своем известном предисловии к ее второму изданию (первое издание вышло много лет тому назад без особой сенсации и пропаганды: Линь Бяо, будучи министром обороны, составил его с целью изучения трудов Мао Цзэ-дуна в армии. Особое значение этот сборник получил во время «культурной революции»). Об этом говорится, в частности, в предисловии: «Товарищ Мао Цзэ-дун является величайшим марксистом-ленинцем нашего времени. Он гениально, творчески и всесторонне унаследовал, отстоял и развил марксизм-ленинизм, поднял его на новую ступень».

Такое введение в целом говорит само за себя, причем эту фразу следует процитировать особо, ибо когда ее автор стал подвергаться косвенным нападкам, одно из обвинений, адресованных явно в его адрес, заключалось в том, что он создал теорию о гении. Однако последующее осуждение такого процветания культа личности не внесло никаких изменений в действительную функцию «красной книжечки».

«ИДЕЙНАЯ АТОМНАЯ БОМБА»

Вновь процитируем Линь Бяо:

«Самая основная задача в идейно-политической работе нашей партии состоит в том, чтобы всегда высоко держать великое красное знамя идей Мао Цзэ-дуна, вооружать ими весь народ и неуклонно ставить их во главу угла в любой работе. Широкие массы рабочих, крестьян и солдат, широкие массы революционных кадров и интеллигенции должны по-настоящему овладеть идеями Мао Цзэ-дуна; надо, чтобы каждый изучал труды председателя Мао Цзэ-дуна, слушался его советов, поступал по его указаниям и был его достойным бойцом».

Что касается хороших бойцов, то, возможно, здесь автор предисловия говорил в переносном смысле, по

лишь открытое вмешательство армии в 1967—1968 годах положило конец кровопролитному соперничеству различных «мятежников», размахивающих «красной книжечкой». Китайская печать называла Линя вплоть до его падения «блестящим примером» того, как нужно «творчески применять» учение председателя Мао. Сам он лично предлагал в качестве метода следующее: «Для того чтобы по-настоящему овладеть идеями Мао Цзэдуна, необходимо вновь и вновь изучать целый ряд основных положений председателя Мао. Некоторые наиболее яркие высказывания лучше всего заучивать наизусть, постоянно изучать и применять. На страницах газет необходимо в тесной увязке с действительностью регулярно публиковать выдержки из трудов председателя Мао, чтобы все могли их изучать и применять».

А что же даст изучение произведений председателя Мао? На это Линь Бяо дал следующий ответ: «Идеи Мао — как только ими овладеют широкие народные массы — становятся неиссякаемой силой, всесокрушающей духовной атомной бомбой».

В Пекине цитатник издан в красной пластмассовой обложке объемом 424 страницы, причем на странице размером 10×7 сантиметров напечатано 110—120 слов. Материал книги разделен Линь Бяо на 33 главы по таким темам, как, например, «коммунистическая партия», «классы и классовая борьба», «социализм и коммунизм», «правильное разрешение противоречий внутри народа», «война и мир», «империализм и все реакционеры — бумажные тигры», «служим народу», «патриотизм и интернационализм», «революционный героизм», «с помощью усердия и экономии построим свою страну», «опора на собственные силы и упорная, самоотверженная борьба», «система мышления и методы работы», «критика и самокритика», «женщины», «молодежь» и т. д.

Содержание цитатника само по себе ни в коей мере не могло служить основой линии, проводимой в ходе «культурной революции», поскольку содержащиеся в нем цитаты взяты в основном из произведений, опубликованных до шестидесятых годов. Но хотя в тот период уже обнаруживались определенные отклонения в линии китайского руководства, по которым можно было

предсказывать возможный раскол в будущем, однако в основном они не выходили за рамки различий, вытекающих из национальных особенностей. Поэтому содержание цитатника не проливает свет на антисоветизм «культурной революции» или предшествовавшего ей периода полемики (об этом можно судить лишь по тому, что книга не содержит прежних высказываний Мао Цзэ-дуна, в которых он высоко оценивал роль Советского Союза).

В «красной книжечке» в доступной форме излагаются идеи Мао Цзэ-дуна. В то же время, взятые вне всякой связи, цитаты позволяют познакомиться лишь с отдельными идеями председателя КПК. В меньшей мере можно понять способ его мышления, ибо в книжечке делается попытка с помощью этих разрозненных цитат найти решение любой проблемы или дать ответ на любой вопрос путем «творческого применения» цитат Мао Цзэ-дуна. Однако в этом случае можно уже лучше представить себе истинную роль сборника цитат, поставленного в доминирующее положение. В дальнейшем мы увидим много примеров самого различного вольного и противоречивого толкования этих цитат.

СЛОВА И ДЕЛА

Анализ самих «идей Мао Цзэ-дуна» вышел бы за рамки данной книги. Но этого нельзя сделать лишь на основе вышеуказанного сборника, поскольку в период «культурной революции», когда цитировали того же Мао, многое делалось в явном противоречии тому, о чем говорилось в цитатах Мао Цзэ-дуна. Кроме того, все боровшиеся друг против друга различные группы ссылались на Мао Цзэ-дуна. Так, например, в «красной книжечке» мы можем найти следующую цитату из работы Мао Цзэ-дуна, изданной в 1957 году, в которой идет речь о правильном толковании противоречий, существующих внутри нации: «„Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ“ есть курс на содействие развитию искусства и прогрессу науки, на содействие процветанию социалистической культуры в нашей стране. В искусстве могут свободно развиваться разные

формы и жанры, в науке могут свободно соперничать разные школы. Мы считаем, что принудительное распространение одного жанра, одной школы и запрещение другого жанра, другой школы силой административной власти несет вред развитию искусства и науки. Вопрос о правде и неправде в искусстве и науке должен разрешаться путем свободной дискуссии в кругах работников искусства и науки и в ходе практики в искусстве и науке, упрощенческие методы здесь недопустимы».

Это со ссылкой на «линию пролетарского революционного искусства» сказано Мао Цзэ-дуном — тем самым, по воле которого летом 1966 года в Китае была прекращена культурная жизнь (причем запрет не коснулся лишь нескольких «революционных образцовых пьес»), а ученые были направлены на «перевоспитание» в народные коммуны. Вышеуказанная цитата включена в сборник тем самым Линь Бяо, который подал знак начать проведение «культурной политики», организовав в армии так называемый культурный форум, где выступить в качестве докладчика он попросил жену Мао Цзэ-дуна — Цзян Цин (до того не игравшую никакой политической роли). Конечно, фигурирующие в сборнике положения были сказаны Мао Цзэ-дуном в 1957 году, когда он провозгласил недолговечную программу «либерализации», призвав интеллигенцию к смелой критике. Этот период продолжался недолго. За ним последовала кампания борьбы с «ядовитыми травами». Приведенный нами пример сам по себе свидетельствует о том, что какая-либо цитата из высказываний Мао Цзэ-дуна, взятая в отрыве от контекста, а также от обстановки, в которой она родилась, может производить совершенно иной эффект, чем в исходной политической ситуации. Само собой разумеется, что, хотя вышеуказанное положение и фигурирует в сборнике цитат, его, конечно, не упоминали в период «культурной революции». Какой же материал содержится в конечном итоге в «красной книжечке»? Значительную часть его составляет обобщение опыта партийного строительства и партийной работы, хотя в период «культурной революции» старый партийный аппарат был уничтожен с помощью хунвэйбинов, призванных к «восстанию». Кроме того, в книжечке содержатся материалы об организации ре-

волюционного движения в Китае, его развитии и перспективах, которые перемежаются с заявлениями по военным вопросам, философскими тезисами, призывами к массам, установками в области морали и внешнеполитическими заявлениями. Эти и другие цитаты Мао китайская служба информации использует в качестве универсального чудодейственного средства для объяснения и решения самых различных проблем. Международное коммунистическое движение ведет дискуссию с китайским руководством прежде всего не из-за содержания «красной книжечки»-цитатника, а в связи с толкованием ее содержания и общей направленностью политики китайских руководителей, одним из проявлений которой является публикация цитатника и метод его использования. Эта политика в шестидесятых годах получила яркое выражение уже в открытых антисоветских выпадах и внутривластной практике периода «культурной революции».

Однако факты таковы, что китайская служба информации взяла на вооружение советы Линь Бяо, высказанные им в предисловии к «красной книжечке». Газеты действительно часто публикуют цитаты из этой книжечки, причем настолько часто, что ежедневно на каждой странице «Жэньминь жибао» можно увидеть 10—20 таких цитат. По указанию сверху газеты публикуют каждую цитату жирным шрифтом, поэтому кажется, что их много. С начала «культурной революции» нельзя было представить какой-либо печатный материал без таких цитат, поэтому всеобщее удивление вызвал тот факт, что весной 1972 года журнал «Китайская литература» (выходящий только на иностранных языках) опубликовал научную статью Го Мо-жо, президента Академии наук КНР, известного писателя и ученого, о двух классиках китайской поэзии без единой цитаты Мао Цзэ-дуна.

Все ежедневные газеты помещают на первой странице в рамочке цитату Мао, как правило относящуюся к важнейшей теме дня. Такого рода цитатой многие годы открывался и ежедневный бюллетень агентства Сипьхуа, однако с начала 1972 года с этой практикой было покончено. Следует отметить, что 1972 год и, более того, уже 1971 год отличались некоторым ограничением процесса процветания культа личности, кото-

рый достиг небывалых масштабов. Однако это касалось скорее внешней стороны, чем существа дела (то есть распространения идей Мао Цзэ-дуна).

ОТ МАРКСА ДО ПЛАТОНА

В течение многих лет произведения классиков марксизма на китайских книжных полках служили больше декорацией, но в начале семидесятых годов была вновь начата кампания за их изучение, которая использовалась в качестве оружия в политической борьбе против Линь Бяо. В новом издании были опубликованы труды Маркса, Энгельса и Ленина. Кадровые работники обязаны изучать шесть произведений, начиная с «Манифеста Коммунистической партии» и кончая работой «Материализм и эмпириокритицизм». Газеты украшают набранные жирным шрифтом цитаты из произведений Маркса и Ленина, но, конечно, в такой подборке, чтобы они подтверждали линию Пекина. Кроме трудов Мао и классиков марксизма, на книжных полках китайских магазинов можно встретить, как уже упоминалось, недавно вышедшее в свет полное собрание сочинений Энвера Ходжи в переводе на китайский язык. Таким образом, в свете китайской политики книгоиздания Энвер Ходжа представлен вторым после Мао Цзэ-дуна великим марксистским мыслителем современности. Перечисленные выше произведения можно было купить даже в бурные времена «культурной революции». Вместе с тем на книжных полках сейчас уже можно увидеть и такие труды, появление которых (вернее, их переиздание) свидетельствует о серьезных изменениях, происшедших в начале 1972 года. В связи с тем, что началась новая кампания за изучение классиков марксизма, вновь стали доступными произведения философов и экономистов прошлого. Снова поступили в продажу подготовленные еще до 1966 года сборники сокращенных произведений представителей классической греческой, римской, французской и немецкой философии, а также ранней французской и английской политэкономии. В Пекине опять можно купить труды Платона, Аристотеля, Вольтера, Гегеля, Рикардо и Смита. Узкий круг лиц, для которых важно знание философии и по-

литэкономии, воспринял эти изменения с огромной радостью. Конечно, выбор таких книг не расширился безгранично, и в продаже, естественно, нет в оригинале тех трудов, которые не переведены на китайский язык. Выбор литературы по вопросам текущей политики ограничивается материалами ежедневных газет, издаваемыми в виде брошюр. В числе этих брошюр много таких, в которых выражается поддержка борьбы вьетнамского народа против американского империализма, осуждается возрождающийся японский милитаризм. Наряду с брошюрами, содержащими аптисоветские выдумки, выпады против «ревизионистского социал-империализма», выпущена брошюра, в которой собраны все выступления с приветствиями в адрес делегации КНР в ООН. Вместе с текстами последних заявлений китайского правительства в брошюрах часто помещают статьи четырех- пятилетней давности, давая тем самым понять, что они по своему содержанию актуальны и в настоящее время. Излишне останавливаться более подробно на литературе такого рода, поскольку она не расширяет и не сужает объем информации, определяемой работниками службы информации. Просто речь идет о таких информационных материалах, которые сохраняют свою актуальность в течение более длительного времени. Достаточно лишь упомянуть несколько названий таких брошюр: «Непреодолимый исторический поток» (тексты приветственных речей), «Долой возродившийся японский милитаризм!» (эта брошюра, естественно, исчезла с книжных полок перед визитом японского премьер-министра Танаки в Пекин), «Народы мира, объединяйтесь и боритесь за полное запрещение и всеобщее уничтожение ядерного оружия!» (в этой брошюре речь идет о выступлениях китайского делегата в ООН, где он отверг советское предложение о созыве Всемирной конференции по разоружению), «Окажем решительную поддержку вьетнамскому народу против американской агрессии, в его борьбе за спасение нации до полной победы» (сборник заявлений и наиболее важных статей, относящихся к периоду 1970—1971 годов), «Некоторые вопросы современной ревизионистской литературы, издаваемой в Советском Союзе» (брошюра подготовлена в 1966 году, в ней в числе других подвергается нападкам как «рэнегат» М. Шолохов) и т. д.

Художественная литература не занимает много места на книжных полках китайских магазинов даже сейчас, когда кончается продолжавшаяся много лет монополия «революционных образцовых опер» и уже вновь изданы некоторые произведения классиков китайской литературы. После долгого периода, когда публиковались лишь либретто образцовых опер, менявшиеся из года в год, и продавались художественно обработанные биографии «революционных героев», популяризовавшихся в печати, в начале 1972 года в новом издании были выпущены три наиболее известных китайских классических романа: «Речные заводи», «Сон в красном тереме», «Троецарствие». В продаже вновь появились изданные ранее дорогие сборники стихов старых китайских поэтов, а также собрание произведений китайского писателя XX века Лу Синя — «китайского Горького». Вышли в свет и несколько романов, соответствующих духу «культурной революции». Следует, по всей вероятности, упомянуть здесь и об издании новых трудов по археологии, поскольку первой от шока, вызванного «культурной революцией», оправилась археология, которая стремится доказать величие национального прошлого. Поэтому не удивительно, что возобновившие работу типографии начали издавать в первую очередь работы о прошлом Китая. Так, например, была выпущена очень дорогая, блестяще оформленная книга об истории производства китайского шелка. По истории страны вышло лишь несколько трудов, в основном по древней истории Китая. По-прежнему сохраняется запрет на издание произведений художественной литературы социалистического Китая (которые выпускались до 1966 года), более того, эти произведения продолжают оставаться предметом критики. Совсем не публикуются художественные произведения зарубежных авторов. Сколько еще продлится такое положение? Трудно сказать. Ведь именно в области культуры все еще в определенной степени сохраняется влияние идеологии «культурной революции».

В то же время быстро увеличивается выбор специальной литературы. С 1970 года издательства выпускают не только труды Мао, но и большое количество

технической, медицинской и научной литературы, от брошюр о методах сельского строительства до нового атласа лекарственных растений. Вновь продаются книги по атомной физике. Однако в основном все-таки это книги, изданные до 1966 года и вновь поступившие в продажу.

Среди книжных новинок в Китае наибольшую сенсацию вызвал новый атлас мира, роль которого было бы трудно точно определить, ибо его можно назвать географическим и историческим, но скорее всего, политическим изданием. Поскольку нашей темой является китайская официальная идеология, этот атлас заслуживает более пристального внимания. Атлас, размером со справочник небольшого формата, содержит не только карты частей света и стран, но и сведения о них, вернее то, что хотело кратко сообщить о них китайское руководство. Из этого атласа можно многое узнать о мире, но еще больше о Китае, то есть о том, каким показывает мир китайская пропаганда. Не следует забывать, что в китайских книжных магазинах годами совсем нельзя было найти какой бы то ни было материал о странах мира, их истории, географии, политике. И сейчас атлас является единственным доступным обобщающим материалом в этом смысле.

МИР ГЛАЗАМИ КИТАЯ

При просмотре атласа больше всего бросается в глаза то, насколько материал об отдельных странах и частях света (даже об их далеком прошлом) подчинен китайской теории «сверхдержав», которая, как известно, на словах направлена одновременно против США и Советского Союза, однако практически в настоящее время является в основном средством для нападков на СССР.

Сейчас уже никто из известных специалистов не подвергает сомнению роль Африки в истории всеобщей культуры человечества. Но удивительно, что в то время, как в атласе в сведениях об Азии и Африке упоминается об их античной цивилизации, в общих сведениях о Европе почему-то выделяется капитализм и мировая война. «Азия является родником первой цивили-

зации в мире: китайской, индийской и вавилонской культур», — читаем мы в предисловии. «Африка, — говорится далее, — одна из колыбелей мировой культуры. Трудолюбивый и умный африканский народ блестяще способствовал рождению античной культуры мира». В противовес этому «в Европе сложились капиталистические колониальные системы, Европа была очагом двух мировых войн». В области культуры признание у авторов атласа заслужило лишь «начавшееся в Италии возрождение европейской литературы». Редакторы, однако, не задались вопросом, что же возродилось в эпоху Ренессанса.

Нам не нужно забираться в далекое прошлое Китая, чтобы обнаружить специфические проявления пекинской официальной идеологии. Приведенный выше пассаж об истории наших дней весьма недвусмысленно говорит о ней.

«После второй мировой войны», — читаем мы в атласе, — «большинство центральноевропейских и балканских стран порвало с капиталистической системой и пошло по социалистическому пути. Все европейские империалистические государства ослабли во второй мировой войне, и колониальная система быстро развалилась. Американский империализм захватил гегемонию в мире. При содействии американского империализма в Федеративной Республике Германии возродился милитаризм».

Далее составители этого географического издания касаются Советского Союза и, прибегая к беспардонной лжи, заявляют о «реставрации капитализма» в СССР после 1956 года, обвиняя его в «социал-империализме».

Таким образом обвинение в «реставрации капитализма» считается в Китае основным географическим понятием, что является явно абсурдным утверждением.

Понятие «социал-империализм» китайская пропаганда использует для характеристики политики Советского Союза, в первую очередь для того, чтобы подходить с одними и теми же критериями к СССР и США.

Вероятно, уже вышесказанного достаточно для того, чтобы дать почувствовать, в каком духе атлас представляет мир читателю. Тезисы китайской пропаганды, с которыми мы познакомимся в последующих главах

Книги, превращаются в изданном Пекином атласе мира в «запас знаний», материал, на котором воспитывается целое поколение нынешних школьников.

Поневоле возникает вопрос: что же представляют собой китайские учебники? Посещение книжных магазинов вряд ли позволит ответить на этот вопрос, поскольку учебники в них не продаются. После «культурной революции» основное содержание учебного материала составляет «политика», то есть изучение и применение на практике трудов Мао Цзэ-дуна, «литература», посвященная Мао и героям, следующим его учению.

Обучение всех предметов в Китае стремятся максимально увязывать с политическими вопросами. Например, японская газета «Асахи симбун» в номере от 28 августа 1972 года приводит такую математическую задачу из китайского учебника: «Во время войны против Японии китайское воинское соединение уничтожило в первом бою $3\frac{1}{4}$ вражеских дьявола. Во втором бою было убито в три раза больше. Сколько всего дьяволов было убито?» Об этой задаче рассказала жена одного японского гражданина, работающего в Китае, ребенок которого ходит в китайскую школу. В ходе решения задачи учитель разъяснил китайским детям, что «сейчас все находящиеся в Китае японцы являются друзьями». Многое годы в учебном материале отсутствовала художественная литература (после посещения книжных магазинов можно и не удивляться этому), а на уроках китайского языка в основном занимались изучением политических текстов. Так же проходило и обучение иностранным языкам. Журнал КПК «Хунци» («Красное знамя») в июльском номере за 1972 год поместил статью преподавателя Шанхайского института иностранных языков, в которой он рассказал о проблемах, вызванных таким обучением: «Когда мы (впервые) составили учебный материал, то основной упор в нем был сделан на изучение идеологических вопросов. Учитывая наш односторонний подход, мы подобрали только политическую фразеологию, а не повседневную лексику. Учебные тексты были написаны в стиле политических статей, а не каких-либо литературных жанров. Мы потребовали также, чтобы каждое слово и фраза несли идеологическую нагрузку. Вследствие этого составленный нами материал ограничивался лишь

сложными вопросами. Более того, переход от одного текста к другому был логически несвязанным. В текстах слова почти не повторялись. Так, например, в первом учебном пособии по английскому языку было использовано 648 слов, но половина этих слов встречалась в тексте лишь один-два раза. Поскольку повседневная лексика фигурировала редко, учащиеся почти не встречались с такими словами, как «ужинать», «пить», «чай», «ручка», «комната». Некоторые учащиеся могли выразить на иностранном языке такие сложные понятия, как «избрать социалистический путь», но теряли дар речи, когда им нужно было сказать такие простые слова, как «идти».

Шанхайские преподаватели иностранных языков приводят грубейшие ошибки, допущенные в учебных пособиях. Однако на протяжении ряда лет все обучение в средних школах Китая проходило именно в таком духе. И когда в 1970—1971 годах университеты и институты после многолетнего перерыва вновь открыли свои двери, их учебные материалы были пронизаны все тем же духом.

Как видно из статьи, опубликованной в «Хунци», из учебников были изъяты крайние суждения, явно препятствовавшие практическому обучению, однако основное политическое содержание учебников осталось прежним.

Политический атлас был издан весной 1972 года; но содержащиеся в нем «сведения» сводятся главным образом к повседневным политическим лозунгам.

ПЕЧАТЬ И РАДИО

Что собой представляет китайская печать?

«Некоторые сообщения и статьи написаны не на живом языке масс»... «Отдельные публикации всякий раз выдержаны в одной и той же заданной форме, и этот стиль делает их растянутыми»... «В некоторых сообщениях освещается то или иное явление, но без оценки, а в других оценка отдалается от действительности». «Некоторые авторы предпочитают вставать на позиции абсолютного одобрения или полного отрицания. Когда речь идет о хорошем — нет никаких недостатков, о плохом — не находится ни одного положительного момента. Если они заговаривают о сегодняшних успехах, создается впечатление, что вчера не происходило ничего хорошего, а завтра уже нечего будет улучшать».

Так писал китайский теоретический журнал «Хунци» о современной печати Китая в августе 1972 года. К его критическим замечаниям можно добавить, что такие «некоторые» статьи легко найти на страницах китайских газет.

24 июля 1972 года «Жэньминь жибао» поместила на первой полосе две «хороших и коротких» статьи о проблемах села; это было настолько крупным событием, что редактор предпослал им специальное вступление, к тому же без обычного приукрашивания, без «отдельных» и «некоторых», откровенно признавая, что скучные, пространственные статьи встречаются действительно «часто».

«Многие наши статьи чересчур длинны. Кому захочется их читать?» — спрашивает редактор.

Двумя днями позже «Жэньминь жибао» — опять-таки на первой полосе — публикует материалы о реак-

ции читателей, проявившейся с неожиданной быстротой. Например, один из металлургов Хунани каким-то чудом сумел прислать свое письмо в редакцию «Жэньминь жибао» уже на следующий день, хотя, как можно предположить, сама газета пришла в Хунань только в тот же день. «Лю Шао-ци и другие обманщики провозглашали буржуазный реформизм. Статьи, написанные в таком стиле, заполняли бесчисленные страницы пустословием», — писал металлург.

Эта кампания критики была недолговечной. Серьезный анализ быстро показал бы, что сегодня статьи, возможно, по фразеологии в чем-то отличаются от вчерашних, но механизм китайской печати, извергающий на читателей день за днем сотни стереотипных статей, формулировок, примеров, остается по существу нетронутым. Характерные для него пустословие, формализм, пристрастие к жестким схемам, повторы являются следствием роли, которая отведена средствам массовой информации в политическом аппарате, следствием того, что китайская система убеждения основана на повторении, бесконечном варьировании какой-либо одной основной темы, на кампаниях.

Этот механизм, по сути дела, и сегодня действует в соответствии с теми же принципами, что и до «великой пролетарской культурной революции», однако количество шестеренок и приводных ремней в нем значительно сократилось. До 1966 года в Китае выходило 285 ежедневных газет, в том числе 5—6 центральных, а число специализированных журналов было еще больше. К концу 1972 года остались лишь три центральные газеты, из которых только две поступали в открытую продажу: партийный орган «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао», числившаяся органом «демократических партий» (политических групп, признающих руководящую роль коммунистической партии, о которых в наши дни можно слышать лишь по случаю похорон какого-либо престарелого лидера, где появляются его остальные соратники), а сейчас не имеющая сколько-нибудь четкого статуса. Орган вооруженных сил «Цзефанцзюнь бао» по-прежнему остается одним из ведущих ежедневных изданий, однако его не купишь на улице, а иностранец даже не может на него подписаться.

Помимо трех общекитайских изданий, в каждой провинции и более или менее крупном городе выходит тиражом в несколько сот тысяч экземпляров своя ежедневная газета. Однако эти газеты носят исключительно местный характер и в Пекине не продаются (осенью 1968 года китайское руководство запретило иностранцам приобретать какие бы то ни было ежедневные газеты, кроме «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао»; это распоряжение проводится в жизнь столь последовательно, что невозможно купить даже местную пекинскую газету). Следует отметить, что содержание местных газет ежедневно передается радиостанциями соответствующих провинций и регулярно прослушивается по радио за границей. Правда, их материалы в целом весьма похожи на статьи центральных органов печати, однако, по понятным причинам, содержат больше публикаций о жизни на местах, а подчас и более откровенно излагают указания сверху, чем тщательно контролируемые пекинские издания. В силу этого провинциальные газеты могут быть ценным источником для китаеведов, пристально следящих за мельчайшими поворотами в китайской внутренней политике, хотя и не меняют существа, общего характера механизма массовой информации Китая.

Что касается журналов, то ситуация еще проще: богатого выбора, имевшегося до «культурной революции», больше не существует, на протяжении ряда лет на китайском языке выходил только теоретический орган партии «Хунци». В 1972 году картина пополнилась несколькими новыми изданиями по археологии и регулярно публикуемыми сборниками статей по внешней политике, но в конечном итоге общее положение почти не изменилось.

В 1955 году общий тираж всех ежедневных газет составлял 10,5 миллиона экземпляров. В настоящее время «Жэньминь жибао» выпускается в 3,2—4 миллионах экземпляров, а общий тираж газет, по всей вероятности, значительно превышает уровень 1955 года.

Значительно более широкие массы населения охвачены радиовещанием. Десять лет назад, по официальным данным, в Китае насчитывалось семь миллионов радиоприемников, то есть по одному на 100 человек. За истекший период обстановка существенно измени-

лась. В сельской местности были предприняты большие усилия для создания проводной радиосети, и в основном эта цель достигнута повсеместно, где имеется электроэнергия (то есть все еще в меньшей части сел и деревень). Появились транзисторные радиоприемники, постепенно получающие распространение по всему Китаю, хотя их цена составляет не менее двухмесячной зарплаты рабочего. В крупных городах и местных центрах по утрам и вечерам радиопрограммы передаются через громкоговорители. В некоторых более зажиточных народных коммунах действуют свои радиостудии, программа которых освещает и местные темы; передачи ведутся через уличные громкоговорители или по проводной сети. Сфера действия радиопропаганды в наши дни, несомненно, в несколько раз превышает уровень десятилетней давности.

В то же время телепропаганда находится еще в начальной стадии: количество телевизоров составляло в 1962 году 50 тысяч, в 1966 году — 100 тысяч, сеть телеабонентов расширяется очень медленно и до сих пор ограничивается непосредственными окрестностями крупнейших городов. Цена китайского телевизора с небольшим экраном равна десятимесячному заработку рабочего, и по большей части его закупают коллективы. Кинематография с началом «культурной революции» не выходит за рамки выпуска киновариантов «революционных образцовых опер» и документальных лент; хроникальные фильмы выходят со студий раз в три-четыре недели (телевизионная хроника более оперативна, протокольные мероприятия отражаются в ней, как правило, с запозданием на один день).

Китайские пропагандистские материалы издаются на ряде иностранных языков. Наиболее важным считается еженедельник «Пекин ревью», выполняющий роль официального издания и публикующий основные документы и статьи. Ежемесячник «Чайна реконстрактс» помещает репортажи и корреспонденции о жизни в Китае и в определенном смысле является наиболее содержательным пропагандистским органом, поскольку затрагивает ряд актуальных проблем (разумеется, с официальных позиций и в «удобоваримом» для заграницы виде). «Чайна пикториэл» выделяется прежде всего броскими фотоиллюстрациями. Любопытно, что

И в период «культурной революции» выходил литературный журнал «Чайньцз литерачэр», хотя в то же время один за другим закрывались литературные издания на китайском языке. Правда, на страницах этого журнала на протяжении ряда лет трудно было найти литературные произведения, если не считать стихов, восхваляющих Мао Цзэ-дуна, и сценариев «образцовых» опер и балетов, но с весны 1972 года стали публиковаться отрывки из романов и повестей некоторых китайских авторов.

СИНЬХУА

Совершенно особую роль во внутренней информации и пропаганде на границу выполняет телеграфное агентство Синьхуа, воспроизводящее практически все материалы китайской печати по внешнеполитическим вопросам и значительную часть ее статей на внутренние темы. Сообщения агентства транслируются китайскими радиостанциями, работающими в диапазоне коротких волн.

Синьхуа формально является органом Государственного совета, однако оперативное руководство деятельностью агентства всегда осуществляла комиссия КПК по агитации и пропаганде (за исключением отдельных этапов «культурной революции», когда оно было подчинено «группе по культурной революции»).

В среднем за день объем внешнеполитических сообщений Синьхуа составляет десять тысяч слов, однако временами корреспонденции могут достигать 30—40 тысяч слов, поскольку, по соображениям протокольного характера, зачастую воспроизводятся пространные речи и документы, например выступления на митинге албапо-китайской дружбы. Внутриполитические материалы занимают еще большее место, тем более что отдельные статьи центральной печати передаются для местных газет (в результате материалы комментатора «Жэньминь жибао» публикуются во всех китайских газетах в тот же день).

Внешнеполитическая хроника китайских газет практически совпадает с передачами Синьхуа на иностранных языках, но с материалами на внутренние темы дело обстоит иначе — они подвергаются переработке, как

правило, причесываются и приглаживаются. По этим причинам сообщения Синьхуа по указанным вопросам для заграницы носят препарированный характер (во многих отношениях это относится и к публикациям «Пекин ревью» и остальных пропагандистских изданий).

Сама структура агентства свидетельствует о централизации китайской системы информации: хотя его отделения имеются в каждой провинции, ни в одном из них не составляются самостоятельные материалы. Провинциальные бюро, собирающие сообщения с территорий, на которых могли бы поместиться целые страны, направляют свои материалы в пекинский центр, где принимается решение о том, что должно найти место в общенациональной информации. Областные бюро транслируют единую программу, одобренную в центре, в редакции местных газет и радиостанций, гарантируя тем самым, что каждый китаец, будь то на севере, юге, востоке или западе страны, читает и слышит практически одни и те же материалы, «местное звено» восполняется провинциальными газетами, большинство материалов для которых, как указывалось выше, обеспечивает центр (одно из обвинений в адрес провинциальной печати в период «культурной революции» состояло как раз в том, что она в недостаточной мере перепечатывала материалы из центра, сосредоточивая внимание на местной тематике).

Штаты Синьхуа насчитывают несколько тысяч сотрудников. До «культурной революции» агентство располагало корреспондентами более чем в 50 странах, но в 1966 году их отзывали и направили на «перевоспитание» точно так же, как послов и дипломатических работников (аналогичная судьба постигла значительную часть работников печати, ибо при «культурной революции» органы информации были одной из главных сфер борьбы. В то время хунвэйбины обвиняли различные органы печати в том, что они придерживаются «буржуазной псевдообъективности». В 1966—1968 годах новый стиль подачи материала в Китае определялся словесным насилием и оскорблениями в отношении «врагов» и беспрецедентным культом личности Мао Цзэ-дуня, дошедшим иной раз до того, что авторы трижды-четырежды повторяли превосходную степень эпитетов, характе-

ризуя «самого, самого, самого, самого великого» вождя. Однако было бы заблуждением считать крайние проявления того периода общей особенностью пекинской системы массовой информации...).

В начале 70-х годов агентство вновь стало открывать свои бюро за границей, и к лету 1972 года его сотрудники работали в сорока странах, в том числе впервые при представительстве в ООН в Нью-Йорке, где аккредитовано пять корреспондентов Синьхуа. Таким образом, агентство теперь практически действует и в США, хотя в Пекине нет постоянного американского корреспондента.

На основании сообщений иностранной печати и телеграфных агентств Синьхуа составляет для сведения руководства и ответственных работников информационный бюллетень «Цанькао сяоси», которому, как уже упоминалось, принадлежит весьма важная роль не только в работе средств массовой информации, но и в китайском политическом аппарате в целом. Информационный бюллетень, по данным выходящего в Гонконге журнала «Current Scene» (июль 1972 года), выпускается в трех вариантах: первый исключительно для членов Политбюро, второй — для определенного круга руководящих работников и третий — для более широкого распространения. Чем уже круг адресатов, тем смелее подбор материалов, тем откровеннее информация о событиях, не укладывающихся в рамки официальной китайской доктрины или способных — при публикации в открытой печати — даже повлиять на внутривнутриполитическую обстановку в стране (более массовый выпуск «Цанькао сяоси» ни словом не обмолвился о слухах в мире, связанных с исчезновением Линь Бяо и отменой парада 1 октября 1971 года).

Агентство Синьхуа, как и вся китайская печать, в период «культурной революции» попало под контроль армии, в его руководящих органах многие места были заняты высокопоставленными офицерами, однако после осени 1971 года положение постепенно изменилось, и руководящие посты вновь заняли в основном гражданские лица.

Главным требованием в работе Синьхуа является точное отражение текущей политической линии. Кроме того, должен строго выдерживаться протокол и, соответ-

ственно, иерархическая очередность. Большое значение придается подбору эпитетов, применяемых для определения положения того или иного руководителя, а также месту, на котором он должен фигурировать в списке участников торжественных или официальных мероприятий. Протокольный список лиц, присутствовавших на праздновании 1 октября или Первомая, в котором насчитывается несколько сот фамилий, Синьхуа передавало в прошлом зачастую с опозданием на сутки — приходилось самым тщательным образом выверять перечень, являющийся своего рода рентгеновским снимком расстановки сил в руководстве страны, где назначения и перемещения не предаются гласности. Само собой разумеется, что в этих условиях оперативность не входит в задачи Синьхуа.

Серьезные политические выводы можно делать и по фотографиям руководителей. Передаваемые Синьхуа фотоснимки заседаний партийных и государственных органов характеризуют обстановку в руководстве иной раз красноречивее, чем официальные сообщения или протокольные списки. Случается, что на такой официальной фотографии нет того или иного руководителя, — хотя о его смещении не объявлялось, — позднее выясняется, что его отсутствие имело свои причины. Если на единственной фотографии с первого пленарного заседания Центрального комитета, избранного на IX съезде, в президиуме были видны все пять членов Постоянного комитета, на снимке второго пленума, состоявшегося год спустя, в августе — сентябре 1970 года, показаны только Мао и Линь Бяо. Дело в том, что Чэнь Бо-да потерял свое место среди пяти главных руководителей, о чем в печати не сообщалось. Если бы на фотографии отсутствовал только он, все сразу стало бы ясно, а при таком варианте этот факт еще какое-то время нельзя было недвусмысленно установить. Разумеется, такого рода анализ фотоснимков не всегда дает надежные результаты.

«ХУНЦИ»

Очевидным образом общее направление информации, главные темы, лозунги, кампании определяются на уровне высшего руководства. Выражение «одна-две

сверхдержавы» было впервые употреблено Чжоу Эньлаем в интервью корреспондентам французского телевидения, и, хотя его текст не публиковался в Китае, в дальнейшем эта формулировка вошла в обиход китайской печати.

Вырабатываемая руководством линия получает «идеологическое оформление» в теоретическом журнале партии «Хунци», который в основном и определяет общий тон печати на последующий месяц.

«Хунци» выполняет уникальную роль и является единственным ежемесячником в своем роде. В годы «культурной революции» его редактором был Чэнь Бо-да, считавшийся четвертым человеком в стране. Поскольку этот орган является практически единственным теоретическим форумом в китайской печати, на его страницах можно найти выступления по вопросам философии, производства, идеологии, искусства, науки, техники, экономики. Его материалы — по существу, все подряд — воспроизводятся в центральной печати и доходят до читателей ежедневных газет, хотя такие статьи нередко выдержаны в чрезвычайно абстрактном стиле и, при отсутствии соответствующего навыка, попросту недоступны для понимания.

Наиболее важными статьями китайской печати и важнейшими официальными документами китайского руководства со времени «культурной революции» являются так называемые совместные передовые статьи «Хунци», «Жэньминь жибао» и «Цзефанцзюнь бао». Совместные передовицы и статьи из «Хунци» регулярно передаются и по радио. Таким образом, основное содержание теоретического журнала доводится до всего населения, хотя его читают фактически лишь партийные руководители.

В номере «Хунци» на 60—80 малоформатных страницах помещаются 10—15 пространных статей, написанных как отдельными авторами, так и «авторскими группами» и «группами революционной массовой критики» различных партийных органов, ревкомов, а также коллективами заводов, воинских частей, народных коммун. О чем же пишется в этих статьях?

Содержание апрельского номера «Хунци» за 1972 год разделено на четыре части. Первая из них озаглавлена: «Изучать марксизм, критиковать ревизионизм!». Здесь

помещены четыре статьи под заголовками: «Необходимо держать в поле зрения всю обстановку!», «Правильно относиться к взаимосвязи политики и профессиональной работы!», «Пополнять знания о мировой истории!», «Постоянно улучшать социалистическое обслуживание!».

Уже сами заголовки выражают обращение, указание, напоминают о руководящей линии. Читателям журнала, однако, хорошо известно, что заглавие — это еще не все. Что означает, к примеру, необходимость «держать в поле зрения всю обстановку»?

Автор этой статьи Чжун Ши призывает, по существу, соблюдать государственную дисциплину, выступает против выдвижения на первый план местных интересов: «Общие интересы превыше местных и имеют определяющую роль». Однако важнее этого общего места утверждение, что местные руководители не в состоянии воспринимать общую обстановку и потому «должны сознательно думать так, как думает государство». В китайской печати считается уже весьма конкретным руководящим принципом тезис такого типа, встречающийся на десятой странице этой многословной статьи: «С точки зрения местного уровня и местного руководства, некоторые вещи являются необходимыми и требуют соответствующих мероприятий, но бывает и так, что в них нет нужды для страны в целом и для их реализации не созрели общегосударственные предпосылки. Такие начинания надо осуществлять позднее или не осуществлять вовсе».

Статья о взаимосвязи политики и профессиональной работы затрагивает деликатную тему, поскольку во время «культурной революции» годами выдвигался лозунг, по которому «на первом месте должна быть политика», а производство — если держать в поле зрения только зерно, сталь, нефть — приведет, мол, в конце концов к «реставрации капитализма». Этот тезис, естественно, создал положение, при котором кадры не смели выступать против нарушений трудовой дисциплины и выпуск продукции сократился.

Теперь «Хунци» вновь разъясняет, как следует понимать этот лозунг. Разумеется, командные высоты остаются за политикой. «Но существует ли политика, которая мешала бы социалистическому производству

и профессиональной работе?» — спрашивает журнал. Если и существует, явствует из ответа, то она «выражает контрреволюционную ревизионистскую линию», и из нее вытекает «субъективный идеалистический стиль» тех, кто отклоняется от правильной линии «то вправо, то влево».

Новое разъяснение, конечно, проливает новый свет на старый лозунг: теперь уже можно выступать против тех, кто со ссылкой на политические задачи сдерживает развитие производства.

Статья, призывающая изучать историю мира, могла бы показаться отрадным сдвигом после самоизоляции периода «культурной революции», которая, естественно, изгнала эту тему с горизонта духовной жизни. Вскоре выясняется, однако, что всемирную историю считают вновь достойной внимания лишь для того, чтобы превратить ее в собрание примеров для оправдания современного антисоветизма. Изучение истории мира призвано «укреплять веру в победу пролетариата» (читай — в победу китайской политической линии). Вот одна характерная цитата:

«Британская империя была в XIX веке морской державой, не имевшей себе равных и ставшей с помощью дипломатии канонерок и политики силы обширной колониальной империей. Ее владения простирались на все пять континентов, и «над ними никогда не заходило солнце». Однако политика экспансии не только не смогла разрешить внутренние противоречия капитализма, но, напротив, углубила и расширила их. По мере быстрого продвижения вперед пролетарской социалистической революции и мощного развития национально-освободительной борьбы угнетенных колониальных народов Британская империя вступила в период ускоренного и неудержимого упадка. Подъем и развал Британской империи показывает, как следует рассматривать современный капитализм и социал-империализм» (такой ярлык китайская пропаганда пытается навесить на Советский Союз!). «Сегодня две сверхдержавы, подавляющие своим весом весь мир, кажутся могучими чудовищами, но, находясь на вулкане народной революции, они на самом деле низвергнуты в пучину неразрешимых кризисов. Их звезда, как и звезда Британской империи, закатится».

Едва ли нужно особо доказывать — не говоря уже о путанице с метафорой о пучине, каковой является вершина вулкана,— насколько фальшива такая параллель. Во-первых, что общего у Советского Союза с Британской империей? С другой стороны, не столь проста и параллель между историей Британской империи и перспективами сил современного империализма.

Призвав изучать всемирную историю, «Хунци» затем обращает внимание на значение социалистической торговли, удовлетворения потребностей населения сферой обслуживания. Таким образом, общей чертой всех четырех статей является в той или иной форме призыв к пересмотру практики предшествующих лет: эти темы в последующие недели варьировались в массе более кратких (и более конкретных!) статей.

Вторая группа в этом номере озаглавлена: «Линия — решающее звено, если за него ухватиться, все встанет на свое место». Как можно догадываться по уже приведенным примерам, ухватиться за решающее звено — дело далеко не простое: в трех пространственных статьях рассказывается, как надо управлять предприятиями (излагаются итоги обследования на сталелитейном комбинате в Даляне; разумеется, и тут главное — прежде всего подход к политическим вопросам), какова политика партии в области сельского хозяйства (на примере крупной бригады из провинции Хубэй), какой должна быть на новом этапе связь армии и народа (образец — «героическая восьмая рота Н-ской ланьчжоуской части» Народно-освободительной армии).

Содержание третьего раздела журнал обобщает следующим образом: «Победоносно идти, следуя линии председателя Мао в литературе и искусстве». Здесь журнал, а за ним и вся китайская печать помещает сценарий оперного варианта балета «Красный женский отряд». Есть много примеров тому, как опера или пьеса переделывались в балет — так получился, скажем, китайский балет «Седая девушка», — однако едва ли до сих пор из балета создавалась опера; в каком, действительно, тексте нуждается сюжет, выразившийся прежде средствами одной хореографии? Поскольку, однако, «культурная революция» в Китае радикальным образом свела репертуар к нескольким пьесам, которые считаются подходящими в идейном отношении, китайские ав-

торы пытаются расширить его, превращая балет в оперу. Эту трансформацию, или, как ее называет журнал, «творческую пересадку», совершила коллективно «творческая группа» пекинской оперы, носящая наименование «Красный женский отряд», — ведь со времени «культурной революции» индивидуальных театральных авторов нет.

За сценарием следует один из типичных жанров китайской печати: дифирамб. Критика бывает двух видов: один — восхваление до небес, второй — беспощадные политические обвинения. Первая приветствует новые или же слегка подновленные старые постановки, вторая со времен «культурной революции» берет на прицел произведения, которые годами не шли на китайской сцене (если речь о книгах, которые годами невозможно достать). Критика, которая анализировала бы достоинства и недостатки произведения, постановки или игру актера с точки зрения искусства, в сегодняшнем Китае попросту не существует.

Для примера современной «критики» достаточно нескольких фраз из статьи Сун Хун-хуая: «Успешное перенесение блестящего «Красного женского отряда» с балетной сцены на подмостки пекинской оперы — новый большой успех в полном осуществлении революционной пролетарской линии председателя Мао в искусстве и литературе. Пересадка эта не только сохраняет суть первоначального произведения, но и развивает, заново воссоздает образы героических персонажей».

За искусством следует раздел философии. «Придерживаться материалистической теории отражения, критиковать идеалистическую теорию априоризма», — гласит его общий заголовок.

Борьба с «идеалистическим априоризмом» стоит на повестке дня в Китае с весны 1970 года, и печать рапортует о ней так, как если бы речь шла, к примеру, о борьбе против нашествия саранчи. Борьба против сложной философской школы изображается в печати как повседневная, самоочевидная задача (на деле, конечно, это идеологическая оболочка нападок на Лю Шао-ци, а позднее — «подобных ему обманщиков», которая перенесена китайской печатью и на повседневную жизнь).

Из трех «философских» статей «Хунци» первую написал инженер-выдвиженец, рассказывающий о том, как

от практики он пришел к теории и конструированию нового станка. Автор второй статьи — врач-инглоукалы-ватель — пишет о своих разработках новых методов лечения, третью металлурги Тяньцзиня посвящают новому способу легирования стали. Интересные сами по себе рассказы служат лишь примером для иллюстрации, а скорее вульгаризации тезисов материалистической философии,

В заключение публикуются письма читателей. Здесь в ответе президента Академии наук Го Мо-жо одному рабочему впервые за многие годы упоминаются проблемы упрощения китайских иероглифов и введения латинского алфавита, помещена подборка по вопросам идейного воспитания молодежи. Письма читателей в китайских газетах обычно интереснее других материалов, поднимают действительные проблемы. В статьях трудности затрагиваются, как правило, вскользь, а авторы писем нередко высказывают свое мнение без обиняков.

«ЖЭНЬМИНЬ ЖИБАО»

Как только «Хунци» задает тон, ежедневная печать иллюстрирует установки сотнями примеров. Направленные повседневной пропаганды определяют Синьхуа и «Жэньминь жибао». Руководители средств массовой информации точно указывают, что надлежит перепечатать каждой китайской газете в тот же день из материалов «Жэньминь жибао» и Синьхуа (статьи партийного органа передаются агентством, и таким образом очевидно чрезвычайно тесное сотрудничество двух редакций). Этот порядок распространяется не только на статьи, но и фотографии и даже верстку основных материалов.

Ведущие статьи помещаются на первой странице «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» каждый день в одной и той же верстке, под одинаковыми заголовками. Первая полоса в обеих газетах в большинстве случаев выглядит целиком или почти совершенно одинаково, однако, когда публикуется много важных или протокольных сообщений, о том, что «Гуанмин жибао» — это другая газета, можно догадаться лишь по единственному

отличающемся от «Жэньминь жибао» материалу (и заголовку).

«Жэньминь жибао» выходит на шести полосах размером с газету «Сабад неп» прежних времен, «Гуанмин жибао» — на четырех, причем в партийном органе внешней политике отведено две страницы, а во второй газете по большей части лишь одна. В целом публикации «Гуанмин жибао» на 60—70 процентов совпадают с материалами «газеты-близнеца».

Любопытным свидетельством особой роли печати в проведении повседневной политики руководства является тот факт, что в газетах помещается перечень статей, принятый в других странах обыкновенно для журналов. Издаваемые каждый месяц каталоги группируют все статьи и подборки по темам.

Подзаголовки такого рода каталогов не дают почти никакого представления об однообразии материалов, заполняющих страницы китайской печати. Первая тема — идеи Маркса — Ленина — Мао Цзэ-дуна, затем следуют Коммунистическая партия Китая, внутренняя политика, экономика, культура, история, международные отношения. Разбивка на эти главы, однако, отнюдь не соответствует действительным пропорциям: в июле 1972 года, например, в первом разделе числятся десятки статей, а в последнем — всего две. Раздел внутренней политики содержит следующие подзаголовки: «Вперед, следуя пролетарской революционной линии председателя Мао», «Продолжать идейно-политическое воспитание в интересах изучения линии», «Новые кадры», «Физический труд кадров», «Направление в провинцию молодежи, получившей образование», «Вся страна учится у армии, армия учится у населения всей страны», «Политическая власть в Китае», «Военные вопросы». В этом месяце материалы, перечисленные под первым подзаголовком, печатались в течение пяти дней (обычно речь идет о подборках, помещаемых под общей рубрикой на целой полосе), по второй теме — на протяжении восьми, по третьей — четырех дней и т. д.

В отдельные подразделы перечня вынесены «мировая культура» и «международная спортивная жизнь». Что же указано под этими рубриками? Мировая культура — ничего (!), международный спорт — два сооб-

щепня о работе Федерации настольного тенниса стран Азии, созданной по китайской инициативе.

К специфике механизма китайской печати относятся и перечисление в каталоге печатавшихся изо дня в день цитат (в большинстве случаев это Мао Цзэ-дун, изредка — несколько строк из произведений Маркса, Энгельса, Ленина или Сталина). Поскольку иная цитата воспроизводится в нескольких номерах подряд, ясно, что и здесь действует указание сверху, повторение лозунгов связано с текущей кампанией и, естественно, символизирует основную мысль всего номера. Например, в июле 1972 года шесть раз фигурировала такая цитата Мао: «Искренне изучать и усваивать марксизм!» и двенадцать раз следующая: «Народы мира справедливой борьбой взаимно поддерживают друг друга». Подписчики «Жэньминь жибао» могли трижды читать изречение председателя КПК о том, что «многолетняя выдержка наверняка даст свои плоды», дважды — «правильная или неправильная идеологическая и политическая линии — это определяет все», один раз (в день спорта) — «физкультура — великое дело укрепления здоровья шестисотмиллионного китайского народа» (по официальной китайской статистике, население составляет сейчас 700 миллионов, однако старая цитата приводится без изменений).

Некоторые лозунги имеют неожиданно долгую карьеру, чтобы затем исчезнуть столь же неожиданно. Как правило, читатель уже по судьбе той или иной цитаты может сделать заключение об общей политической атмосфере, текущих кампаниях, о том, что занимает руководство в данный момент.

РАДИОПРОГРАММА

Тот факт, что материалы «Жэньминь жибао» каждый день подробно излагаются по радио, а наиболее важные статьи зачитываются полностью, разумеется, весьма показателен. В централизованном порядке устанавливаются как верстка газет, так и последовательность материалов для радиопередач — другими словами, слушатель получает материал в том же виде, что и при чтении газет.

Поступающий через Спньхуа материал из Центра редко перерабатывается в свойственные радио формы, редакторы обычно группируют его в различные передачи для пионеров, членов «красной охраны», коммун, для рабочих, солдат и т. п. По первой и второй программам пекинского радио передачи ведутся в общей сложности сорок часов в сутки, известия зачитываются восемнадцать раз. Ежедневно особая передача посвящается изучению работ Мао Цзэ-дуна и классиков марксизма, две получасовые программы — международным событиям (разумеется, на базе газетных материалов). Важное место отводится заучиванию песен и «революционных пьес». Обе станции неоднократно передают уроки гимнастики. Значительная часть программ отводится «революционной литературе и искусству», однако выбор едва ли причиняет большие заботы редакторам пекинского радиовещания: их диапазон состоит из музыкального материала считанного количества «образцовых опер» и «образцовых балетов», единственного симфонического произведения — фортепианного концерта «Желтая река», нескольких песенных обработок и революционных маршей. Их и передают с утра до вечера. Слушатель напрасно стал бы ждать радиопостановки или другого подобного жанра — самое большее, на что он может рассчитывать, это сказки и инсценированные рассказы в передачах для дошкольников. В последнее время программу оживляют спортивные репортажи (например, соревнования по настольному теннису стран Азии), пачат курс уроков английского языка.

Кроме Пекина, в каждой провинции есть свои радиостанции, которые отчасти ретранслируют программу центрального радиовещания, отчасти ведут местные передачи. Это необходимо хотя бы потому, что северокитайский диалект пекинского радио не понимают в значительной части страны (в отличие от единых иероглифов, произношение отличается во многих провинциях до неузнаваемости). Подборки из передач провинциальных радиостанций ежедневно транслируются и в Пекине.

В период «культурной революции» многие провинциальные радиостанции прекратили самостоятельные передачи и транслировали только пекинскую программу — в целом это было показателем замешательства,

борьбы противостоящих фракций. Местные передачи возобновились после упорядочения обстановки, и их прослушивание проливает свет на многие стороны внутреннего положения в стране. В Сычуани, например, радиостанция с 1969 года передавала центральную программу, а самостоятельные материалы вышли в эфир лишь 3 августа 1971 года; три недели спустя, 24 августа, был создан партийный комитет провинции. Радиостанция провинции Гуйчжоу возобновила свои передачи днем позже образования провинциального комитета партии — после перерыва, длившегося год и восемь месяцев.

Картина была бы неполной без характеристики пекинских радиопередач на иностранных языках. По данным журнала «Current Scene» от 7 сентября 1971 года, пекинское радио передает программы на 33 иностранных языках и 5 китайских диалектах. Продолжительность передач в сентябре 1970 года составляла 1525 часов в неделю (в феврале 1968 года — 1331 час). Передачи на иностранных языках являются показателем китайской внешней политики не только по содержанию информации, но и по тому, сколько часов отводится каждому району. Например, в период майских событий 1968 года во Франции продолжительность радиопередач для Европы на французском языке возросла с 14 до 56 часов (Китай в тот момент оказывал широкую поддержку ультралевому крылу студенческого движения, а после окончания кризиса продолжительность передач на французском языке снизилась до первоначального уровня). В декабре 1970 года, во время событий в Польше, количество часов радиовещания на польском языке увеличилось с 7 до 14 в неделю; события комментировались пекинским радио в антисоветском духе.

На других направлениях, особенно в отношении «третьего мира», увеличение продолжительности радиопередач в последнее время призвано способствовать налаживанию связей. Резко возросло время, отводимое для радиопередач на Латинскую Америку; одной из главных тем в программах на испанском языке является акцент на дипломатическую поддержку Китаем требования об установлении ширины территориальных вод в двести миль.

ПРОГРАММА ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Телевидение ведет передачи в течение двух-трех часов в день. По мере оживления дипломатической деятельности Китая получасовая передача новостей показывает в основном банкеты, приемы и переговоры (у китайского зрителя может, пожалуй, создаться впечатление, что главным признаком дипломатии является пышно накрытый стол), затем следуют репортажи на производственные темы. Иностранная хроника передается раз в неделю, причем различные страны мира представлены на экране по большей части демонстрантами. Комментатор по вопросам внешней политики — понятие в Китае не известное; более того, дикторы пекинского телевидения вовсе не появляются на экране, и, когда диктор зачитывает программу, проецируется ее текст. Иногда в студии один из репортеров телевидения беседует с каким-либо гостем — участники сидят в обычной комнате с окнами, в стандартной одежде, перед ними стоит обязательная чашка чая, а разговор, как правило, сводится к тому, как приглашенный (рабочий, крестьянин, интеллигент, которого популяризируют и в печати) применил в своей работе идеи председателя Мао.

После известий можно видеть «революционную оперу» (по трансляции или в записи на киноплёнку), документальный фильм или спортивную передачу, а то и цирковое представление (это уже большой прогресс!). Редакторов вовсе не беспокоит положение, при котором музыкальное сопровождение никогда не меняется, а одна и та же пьеса демонстрируется четыре-пять раз в месяц. Если в хроникальной передаче нет свежего материала, зачастую вновь прокручивается фильм, демонстрировавшийся днем раньше.

Такая репертуарная политика, быть может, не способствует бурному росту числа зрителей, зато гарантирует, что телеэкран будет пропагандировать в точности то же, что и вся китайская печать.

Вторая часть

Глава 3

МИР В ИЗОБРАЖЕНИИ ПЕКИНА

Как же выглядит мир из Пекина или, точнее говоря, каким его изображают в Пекине? За последние два десятилетия китайское руководство не раз круто меняло свою внутри- и внешнеполитическую линию, однако в каждом случае стремилось к тому, чтобы этот пересмотр политики лишь в минимальной мере проявлялся в пропаганде. Новый курс, насколько это вообще возможно, всякий раз изображается попросту как логическое продолжение прежнего. Хотя наш обзор ограничен по времени весьма узкими рамками и большинство примеров взято из публикаций 1970—1972 годов, к этому периоду относятся крупные изменения как во внешней, так и во внутренней политике Китая.

В области внешней политики, как отмечалось выше, эти два года были периодом шагов в направлении США и Японии, пекинского дипломатического наступления и поворота в отношении ООН. Во внутренней политике они ознаменовались крахом формулы власти, выработанной на IX съезде, который завершил «культурную революцию», и исчезновением со сцены намеченного съездом «наследника» — Линь Бяо и почти всего руководства армии. Все это в состоянии установить по фразеологии и формулировкам печати лишь тот, кто хочет и может читать исключительно «между строк»; столь же очевиден и тот факт, что многие документы и формулировки составлялись в расчете именно на такого читателя.

СОВМЕСТНАЯ ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ, СОВМЕСТНАЯ ПОЗИЦИЯ

Дежурный баланс положения в мире ежегодно подводится в совместной новогодней передовой статье трех ведущих китайских органов печати: «Жэньминь жибао», «Цзефанцзюнь бао» и «Хунци». «Совместная передовая» выполняет в китайской политической жизни своеобразную роль. Важнейшие оценки за последние годы содержатся не в выступлениях и речах руководителей (за исключением отдельных заявлений и указаний Мао Цзэ-дуна, а также решений руководящих партийных органов), а в совместных передовых статьях. Такие исключения за рассматриваемый период можно пересчитать по пальцам: в 1970 году Мао сделал всего одно заявление, в 1971 году — ни одного, а Центральный комитет, по нашим данным, заседал в последний раз в сентябре 1970 года¹.

Дело обстоит иначе до тех пор, пока в Китае нормально развивались государственная и партийная жизнь. В те времена оценку внешнеполитических и внутренних событий давали на различных форумах руководящие партийные и государственные деятели. С началом «культурной революции» и ликвидацией этих руководящих правительственных и партийных форумов важнейшие официальные оценки стали отчасти излагаться в «совместных передовых статьях». Обычно они публикуются раз в один-два месяца, иногда разрастаясь до масштабов пространной теоретической статьи, иногда оставаясь в рамках простой передовицы о той или иной задаче или, как в Новый год, об общей обстановке. Политический вес этих выступлений обеспечивался тем, что «Жэньминь жибао» и «Хунци» — органы партии, а «Цзефанцзюнь бао» — армии, и, следовательно, совместные статьи отражали согласованное мнение руководства партии и армии, позицию, в которой взвешено каждое слово и каждый эпитет. Такое понимание подтверждается тем, что в сентябре — октябре 1971 года, когда глубокий кризис расколол Политбюро, избранное на IX съезде, и основные руководители армии исчезли с политической арены, перестали появляться и совместные передовые статьи — общая политическая

¹ Книга написана в 1973 г. — *Прим. ред.*

платформа попросту отсутствовала, после происшедших изменений не сложилось новое равновесие в руководстве, не оформилась политическая линия.

В соответствии с этим «совместные передовые статьи» воспринимаются в Китае не как газетный материал, а как важный политический документ. Китайские информационные средства начинают передавать их обычно накануне публикации; с восьми часов вечера их зачитывают по радио и телевидению, распространяют через иностранную службу агентства Синьхуа. На следующий день статья помещается в «Жэньминь жибао» и всех остальных китайских газетах, причем в совершенно одинаковой верстке, на одной и той же полосе. Таким образом, по существу это не статья, с которой выступают три органа, — ведь ее воспроизводит вся китайская печать. Упор делается на то, что эти материалы сформулированы совместно тремя редакциями.

После опубликования средства массовой информации Китая вновь и вновь повторяют полный текст статьи, его неделями передают по радио, по радиосети в поездах и на самолетах, зачитывают на предприятиях и в пародных коммунах. Если речь идет об особо важной совместной передовой (а новогодние статьи входят в это число), печать отдельно рапортует также о том, что ее текст изучает вся страна. Бывает, что в такой статье появляется какая-либо новая цитата Мао Цзэ-дуна (это тоже показатель того, что авторам являются руководящие деятели, ведь кроме них никто не может использовать не опубликовавшиеся раньше изречения Мао), и тогда в сообщениях подчеркивается, что вся страна изучает «важные новые указания председателя Мао».

«НА ПОРОГЕ ВЕЛИКИХ СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ»

Совместная статья от 1 января 1970 года подводит итоги шестидесятих годов, отражая уже в заголовке, какие ожидания хотят вызвать руководители китайской пропагандистской машины на следующее десятилетие. Этот заголовок звучит так: «На пороге великих семидесятих годов».

«Шестидесятые годы завершились. Пролетариат и другие революционеры мира, с боями продвигаясь вперед, гордо вступили в великие семидесятые годы!»

Так начинается подведение итогов, еще несущее на себе печать героизированной риторики периода «культурной революции». На плакатах, посвященных этой теме, народы мира продвигаются вперед с оружием и красной книжечкой цитат Мао в руках. В одной фразе, характеризующей результат десятилетия, перемешаны изречения Мао, факты и свойственные китайской пропаганде штампы.

«Минувшее десятилетие было периодом, когда «враг день ото дня разлагается, а для нас дела идут все лучше и лучше»; когда идеи марксизма-ленинизма-Мао Цзэ-дуна вступили в открытую полемику и суровую борьбу с современным ревизионизмом и одержали великие победы; когда энергично развернулась великая борьба революционных народов мира против империализма, возглавляемого Соединенными Штатами Америки, против современного ревизионизма, центром которого является советский ревизионизм, а также против реакционеров различных стран».

Ясно, что эта огульная констатация настолько далека от реальной оценки действительных изменений шестидесятых годов, что нет необходимости вступать с ней отдельно в полемику. Однако она дает возможность тут же показать, каким изображают мир перед сотнями миллионов китайцев. Итак, враги китайского народа через призму пекинской официальной пропаганды — это, во-первых, империализм во главе с США, затем — со знаком равенства — Советский Союз, о чем говорит ссылка на «советский ревизионизм», и, наконец, «реакционеры различных стран». Если приглядеться к этой фразе поближе, можно заметить, что «ревизионизм» упоминается в ней трижды, а американский империализм всего один раз; неплохая иллюстрация к вопросу о том, кого (в Новом году после китайских пограничных провокаций 1969 года) китайское руководство считает главным врагом.

Действительно, одним из наиболее примечательных — и одновременно наиболее достойных сожаления — событий шестидесятых годов было развертывание раскольнического особого курса китайского руковод-

ства, выступление против генеральной линии стран социалистического содружества и международного рабочего движения. Однако нет никаких причин изображать этот факт единственно решающим событием за десятилетие; что же касается «великих побед» китайской особой линии, то авторы совместной статьи воздерживаются от детализации этого тезиса.

Следует отметить также, что с выраженным «идеи марксизма-ленинизма-Мао Цзэ-дуна» и в том числе «идеи Мао Цзэ-дуна» приходится встречаться довольно часто. В действительности это не что иное, как собирательное название китайской официальной идеологии, призванное возвысить наставления Мао до уровня трудов Маркса и Ленина или поставить их над ними. По-венгерски ее наименование звучит как «маоцзэдуновские идеи», однако это словосочетание воспринимается как не менее странное в официальном китайском переводе на английский («Мысль Мао Цзэ-дуна»), на французский («мысльмаоцзэдуна» — в одно слово с малой буквой!) или итальянский язык («мысльмаоцзэдуна»); к тому же в сложных предложениях, где пойдет речь, к примеру, о «воплощении маоцзэдуновских идей», трудно применять притяжательную конструкцию.

«Марксистско-ленинско-маоцзэдуновская мысль», собственно говоря, и есть то, что принято называть маоизмом. Китайское руководство ссылается в своей идеологии на марксизм-ленинизм, отчасти пользуясь марксистской терминологией, но, как будет показано ниже, вся философская, научная и политическая полемика у этого руководства в действительности протекает в системе координат некоего замкнутого духовного мира, едва ли имеющего что-либо общее — если не считать полемических выпадов — с течениями мысли, которые за пределами Китая берут истоки из учений классиков марксизма-ленинизма, применяя к явлениям современного мира марксистско-ленинские методы, проблематику, постановку вопросов.

Прочитаем целиком следующий абзац из статьи «На пороге великих семидесятих годов», хотя бы ради того, чтобы можно было почувствовать риторику китайской пропаганды, понять, насколько в обобщенной оценке даже такого богатого событиями периода факты подменяются фразами.

«В истекшем десятилетии, в новых условиях, революционная борьба пролетариата и шпрых народных масс пронеслась по всему миру со скоростью лавины, с силой молнии. Национально-освободительное движение хлынуло вперед волнами, громоздящимися одна на другую. Революционные марксистско-ленинские организации (читай: маоистские группы.— *Прим. автора*) росли день за днем в ходе этой борьбы. Капитализм безвозвратно хиреет, тогда как социализм наращивает необоримые силы. Великий социалистический Китай возвышается на Востоке подобно исполину. Еще ярче сияет Албания, маяк социализма в Европе. Героический вьетнамский народ железным кулаком нанес американскому империализму тяжелые удары. Высказанная председателем Мао «большая правда» о том, что винтовка рождает политическую власть, в еще большей мере вдохновляла народы Азии, Африки и Латинской Америки в их вооруженной борьбе. Дамба колониальной системы империализма рушится во всех новых местах. Пламя революционного пожара уже достигло «тылов» империализма. Потрясающие Запад финансовые и валютные кризисы, постоянно усугубляющиеся и углубляющиеся экономические кризисы привели капиталистическое хозяйство в еще более безнадежное состояние. Старый мир содрогается от извержения все новых вулканов, падения все новых корон. Империализм уже нигде на земле не может найти «спокойного оазиса»».

Несомненно, в шестидесятые годы позиции социализма укрепились, а империализм отступал. Однако приведенная здесь оценка положения в гораздо большей мере отражает радикальную демагогию «великой пролетарской культурной революции», чем фактическую обстановку в мире — особенно если учесть при анализе этого абзаца, что авторы статьи, говоря о социализме, исключают из этого понятия Советский Союз и большую часть социалистических стран и, помимо Китая, называют только Албанию и «вьетнамский народ». Что же касается того, где и насколько борьба народов Азии, Африки и Латинской Америки вдохновляется учениями Мао Цзэ-дуна, то, очевидно, лишь авторам статьи этот вопрос представляется таким универсально простым, действительным повсеместно,— если, конечно, они всерьез верят в то, что написали.

В двух следующих абзацах, посвященных положению в мире, говорится об «упадке» «американского империализма» и «советском ревизионизме».

Китайская пропаганда в шестидесятые годы уделяла чрезвычайно много места акциям движений в США за гражданские права и придавала весьма большое значение борьбе «афроамериканцев»; совершенно явно находясь в плену собственных концепций, авторы пишут:

«Реакционные американские руководители сидят на терниях в обстановке борьбы пролетариата и народных масс США против монополистического капитала, афроамериканцев — против насильственного угнетения».

В отношении внешней политики американского империализма в совместной статье говорится, что, продолжая гонку вооружений и военные приготовления, прибегая к агрессивным действиям и строя военные базы, он «накинул себе на шею тем самым еще новые петли, и народы мира плотнее стягивают эти петли».

Если в этом абзаце еще можно обнаружить элементы действительности, то в следующем за ним авторы статьи трех редакций не утруждают себя анализом обстановки, полностью отдаются враждебным настроениям и, не брезгуя личными выпадами и оскорблениями в адрес советских руководителей, — хотя уже тогда, в январе 1970 года, воздерживались от персональных наскоков на Никсона, — обрисовывают положение в Советском Союзе так, как они его видят, а точнее, каким хотели бы видеть.

Нет такого злобного бульварного листка на Западе, который нашел бы более отборную брань в адрес советского руководства, обвиняя его в том, что дома оно придерживается «фашистской диктатуры», а за границей «агрессии и экспансии» (такие обвинения, пытающиеся представить белое черным, едва ли нуждаются в особых комментариях, однако нелишне напомнить, что именно это, хотя и не всегда столь открыто, трубит пропагандистская машина Китая на протяжении уже десятилетия). Отталкиваясь от собственного тезиса, китайские пропагандисты идут еще дальше:

«Появление советского ревизионистского социал-империализма — всего лишь эпизод на пути империализма

к полному развалу. Социал-империализм не может остановить ни исчезновения всей империалистической системы, ни собственной гибели».

Вот какова «духовная пицца» многих миллионов китайских читателей, ориентировка к пониманию мира, в котором мы живем!

Этот антисоветский выпад, разумеется, является лакомым блюдом для западной прессы, которая уже воздерживается от применения таких крайних средств словесного насилия. Кстати говоря, словосочетание «социал-империализм» используется китайской пропагандистской машиной и в тех случаях, когда нападки делаются «косвенно», не называя Советский Союз,— для каждого китайца оно имеет вполне направленный смысл.

«Мучительной агонии ослабевшего, дряхлеющего империализма и социал-империализма» совместная передовая противопоставляет социалистический Китай, который «под руководством великого вождя, председателя Мао, стал еще более крепким, процветающим, могучим и полным сил». Предсказание на будущее звучит следующим образом:

«Семидесятые годы будут периодом, когда еще мощнее развернется вихрь народных революций, когда ускорится распад империализма, опутанного бесчисленными противоречиями, когда революционные силы мира будут вести суровые бои с отчаянно отбивающимися контрреволюционными силами».

Выступая против усилий нормализовать международные отношения, пекинская информационная машина затем ставит Советский Союз на одну доску с американским империализмом, предрекая крах тому и другому.

Противостояние же социалистических стран и империализма китайская пропаганда объявляет просто-напросто «грызней за сферы влияния» между двумя великими державами. Приведенная фраза свидетельствует о явной недоброжелательности, в ней говорится одновременно и о «сговоре», и о «грызне» — но именно так изображает диалектику мирного сосуществования китайская система информации.

Вот так новогодняя статья 1970 года привела к общему знаменателю США и Советский Союз. А в после-

дующие месяцы китайские пропагандисты отштамповали с той же целью и специальное выражение, зачислив обе страны в одну категорию с ярлыком «сверхдержав». Таким образом, китайская «доктрина сверхдержав» появилась на свет не в момент, когда был приобретен ярлык,— компоненты были смонтированы вместе еще раньше.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЦИТАТЫ

Если вернуться вновь к международным аспектам статьи трех редакций, опубликованной 1 января 1970 года, то после чрезвычайно самоуверенного и высокомерного тона этого раздела заметен любопытный диссонанс: во внутривполитической части проскальзывает «новая» цитата из Мао. Вот ее текст:

«Народы всех стран, соединяйтесь и выступайте против любой войны, развязываемой империализмом или социал-империализмом, в особенности против войны с применением атомных бомб! Если разразится такая война, народы всех стран должны прибегнуть к революционной войне для ликвидации агрессивной войны, и подготовку к этому нужно провести уже сейчас!»

Космарная перспектива надвигающейся атомной войны вовсе не вяжется с приведенными выше разделами статьи; обращает на себя внимание и то обстоятельство, что эта цитата фигурирует не в международной части, а в изложении внутренних задач. В Китае в те месяцы проводилась крупная кампания психологической обработки, призванная навязать впечатление вероятности нападения «с севера». По всей стране сотни миллионов людей работали на строительстве убежищ, улицы были засыпаны кучами земли. Очевидно, возникла потребность в том, чтобы чем-то уравновесить оптимистическую картину предыдущих абзацев, которая породила бы у всех вопрос — зачем же тогда рыть по ночам траншеи и убежища.

Еще любопытнее история самой цитаты. Ее текст появился впервые где-то в конце лозунгов, опубликованных перед 1 октября 1969 года. В речи на параде 1 октября Линь Бяо вновь повторил эти слова, опять-таки не

говоря, что цитирует Мао. Лишь в повогодней статье им был придан вид цитаты и предпослао упоминание: «...как указал педавно председатель Мао»...

Кстати, это — нередкое явление в китайском политическом механизме: помещается какая-либо статья, произносится речь, а через несколько недель, а то и лет выясняется, что автором статьи, выступления, лозунга или их определенной части был сам Мао Цзэ-дун, после чего они в китайском официальном понимании становятся аксиомой, выражающей истину. Конечно, как обстояло дело в действительности, мы, вероятно, не узнаем никогда. Возможно, что автором первоначально был кто-то другой, а Мао лишь задним числом «усыновил» то или иное изречение или, может быть, руководство хотело для начала взвесить отклики — как знать? (Тем не менее самая бапальная фраза возводится в ранг священного писания, если ее официально вкладывают в уста Мао. Например, после запуска первого китайского искусственного спутника Земли вся китайская печать опубликовала новую, не известную до того цитату Мао, которая была набрана на первых полосах огромными красными иероглифами: «Нам тоже нужно изготовить искусственный спутник!»)

Если обратиться вновь к упомянутой совместной передовой статье, то «великие семидесятые годы» начались для китайского народа со зловещего предупреждения, однако вскоре сама китайская пропаганда приглушила призывы «безотлагательно готовиться к наихудшему».

Кроме всего, китайские газеты заслуживают внимания не только ввиду того, что в них пишется, но и ввиду того, о чем они умалчивают. Статья, опубликованная 1 января 1970 года, например, не упоминала о двух важнейших в глазах всего мира событиях истекшего года: о китайско-советских пограничных инцидентах и встрече А. Н. Косыгина с Чжоу Энь-лаем, в результате которой 20 октября 1969 года начались китайско-советские переговоры на уровне заместителей министров иностранных дел. Стало быть, призыв безотлагательно готовиться к атомной войне прозвучал среди лозунгов к 1 октября в момент, когда китайские руководители уже знали, что им вскоре предстоит сесть за один стол с представителями Советского Союза, а 1 января, по ходу

переговоров, этот призыв был возведен в ранг изречения Мао.

Если затем посмотреть, как подводился баланс в январе 1971 и 1972 годов — первых двух лет «великих семидесятых годов», — можно заметить, что китайская политика, почти целиком сохраняя свою фразеологию, год за годом совершала крутые повороты. Если в первый день 1970 года был брошен призыв немедленно готовиться к угрозе атомной войны, то в следующем году очередной лозунг — цитата Мао — звучит так: «Народы всего мира, сплывайтесь и громите американских агрессоров и всех их приспешников» (из заявления Мао 20 мая 1970 года). Далее: «Опасность новой мировой войны все еще существует, и народы всех стран должны к этому подготовиться. Однако ныне главной тенденцией в мире является революция» (из того же заявления; процитировано в новогодней совместной статье).

Звучит совсем иначе — а между тем даже полгода не отделяют апокалипсический январский призыв от оптимистического 20 мая. Более того, в указанном выше майском заявлении Мао врагом народа назван только американский империализм, а «социал-империализм» не упоминается вовсе. 400 миллионов китайцев, мобилизованных откликнуться на заявление, приняли участие в демонстрациях, имевших исключительно антиамериканскую направленность.

Это, разумеется, не означает, что в статье, посвященной новому, 1971 году, уже полностью исчезают всякие ссылки на «социал-империализм» (в качестве предлога были использованы события в Польше), но главной мишенью на сей раз являются Соединенные Штаты Америки, о положении которых три газеты пишут в контексте борьбы народов:

«Революционные бои народов различных стран против агрессии смыкаются с борьбой против внутренней реакции; национально-освободительные движения Азии, Африки и Латинской Америки координируют свои действия с массовыми революционными движениями Европы, Северной Америки и Океании; борьба народов мира против американского империализма смыкается с борьбой американского народа против реакционного господства Никсона».

Таким образом, 1 января 1971 года Никсон изображается в нелестном свете — но кое-кто на вершине китайской иерархии власти уже знал, что несколькими неделями раньше Мао дал понять американскому писателю Эдгару Сноу, что президент США может посетить Китай.

ДОКТРИНА «СВЕРХДЕРЖАВ»

В тот же первый день 1971 года перед читателем в почти законченной форме разворачивается китайская доктрина «сверхдержав»:

«Многие малые и средние государства выступали против двух сверхдержав: США и социал-империализма; это стало непререкаемой тенденцией в истории».

В этой китайской концепции место государств мира изображается просто как производное от их размеров и материального потенциала. «Сверхдержавы» как таковые проводят политику «с позиций силы» (при этом, естественно, не учитываются, более того, игнорируются диаметрально противоположные цели указанных сил: империализма — на службе агрессии, экспансии и эксплуатации, а Советского Союза — по защите мира против империалистического шантажа, в интересах обеспечения строительства социализма).

«Сверхдержава хочет поставить себя над остальными и править ими с позиции силы» — к этому сводится пекинский «анализ».

Здесь и речи нет о классовом подходе, о различии общественного строя; такое «обобщение» никак не соотносится с учением марксизма-ленинизма, на которое, кстати говоря, на каждом шагу ссылается китайское руководство. И, конечно, если критерием «сверхдержавы» является превосходство в силе над остальными странами, а в другом тексте можно прочесть, что Китай «высится на Востоке как исполин», то чем будет отличаться наращивающий силы Китай от нынешних объектов его обвинений? Чувствуют это и пекинские пропагандисты. Авторы новогодней статьи спешат заявить:

«Китай никогда не будет себя вести, как сверхдержава, ни сейчас, ни в будущем... Китайский народ вы-

ступал за равенство всех народов, будь то больших или малых».

Что же, звучит неплохо, однако оставлен без внимания тот факт, что равенство в правах не дает равенства в возможностях и ответственности. Между тем поведение стран и весомость их акций определяются этими возможностями и ответственностью. Советский Союз, который в Китае клеймят как «сверхдержаву», способен составлять действенный противовес американскому атомному арсеналу, обеспечивая тем самым условия строительства социализма сотням миллионов людей, в том числе, с точки зрения исторической, и китайскому народу. Именно поэтому советское руководство в связи с кризисными проблемами международной политики проявляет неизмеримо большую ответственность, чем государства, чьи акции не влияют непосредственно на судьбы человечества, на альтернативу между атомной войной или миром.

Разумеется, на страницах китайской печати никто не ставит под сомнение тезисы о роли «сверхдержав», не пытается их истолковывать, обсуждать, анализировать. Концепция, выдвинутая на высшем уровне, является попросту единственной принятой трактовкой обстановки в мире и китайской политики.

«Доктрина сверхдержав» одновременно использовалась для того, чтобы сделать привлекательной начатую Китаем в 1970 году операцию по расширению дипломатических отношений, и давала понять, что Пекин претендует в международной жизни на роль руководящей силы «третьего мира» (как наиболее сильной «несверхдержавы», выступающей во главе «малых и средних» государств против «сверхдержав»).

После того как Китай был принят в ООН и заместитель министра иностранных дел Цяо Гуань-хуа¹ в своем первом выступлении отнес Китай к «третьему миру», этот подход был уже открыто выражен в январской совместной статье за следующий, 1972 год:

«Все большее число средних и малых стран присоединяется к силам, выступающим против гегемонии двух сверхдержав и проводимой ими политики силы; все более позитивную роль играют в международных делах

¹ В ноябре 1974 г. был назначен министром иностранных дел КНР.— *Прим. ред.*

страны третьего мира; все страны и народы, страдающие от агрессии, подрывной деятельности, контроля, вмешательства и запугивания со стороны двух сверхдержав, образуют единый широкий фронт».

ФАЛЬШИВЫЕ АКСИОМЫ — ЛОЖНЫЕ ВЫВОДЫ

Повторение таких тезисов дает читателю постоянной книги почувствовать технику китайской пропаганды: сначала формулируется какой-либо исходный тезис (который, как это нетрудно показать, носит ошибочный характер и сеет заблуждения), из него как из самоочевидной основополагающей истины выводится цепь умозаключений (с помощью формальной логики, в отрыве от фактов), а затем на этой почве делаются выводы и дальнейшие оценки. Такого рода построения могут даже показаться естественными и ясными китайскому читателю, которого льстят возможности ознакомиться с фактической стороной значительной части событий в мире.

Поскольку практическое осуществление этой китайской доктрины означает в понимании Пеккина, что против Советского Союза должны выступать и малые социалистические страны, уместно задать вопрос: на какой основе должен возникнуть «фронт единства против сверхдержав»? Ведь обе державы воплощают собой коренное противоречие современного мира, они являются главной силой двух лагерей в противостоянии — когда мирном, когда «горячем» — социализма и империализма. Эта оценка подтверждается бесчисленными фактами. Следует сразу добавить, однако, что читатель не найдет в материалах китайских средств массовой информации ни этих фактов, ни этих доводов.

Другое дело, что китайская внешняя политика делает все для сколачивания такого желательного для нее единого фронта и в пределах дозволенного ее великодержавными устремлениями действительно выступает в поддержку (нередко нереальных) требований «малых стран». Однако поставленная ею цель и фактическое положение — разные вещи. Со стороны даже трудно себе представить, насколько ощущает эту дистанцию китайский читатель по материалам своей печати.

«РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ» ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МАО

Итак, тезис о «сверхдержавах» вышел на передний план в первый день 1972 года. Как же объясняет китайская пропаганда в этих условиях новый крутой поворот в политике — приглашение президента США Никсона?

Напомним, что 1 января 1970 года китайские газеты писали о «реакционном правлении» Никсона, и, хотя годом позже его имя не появилось в совместной передовой, в 1971 и 1972 годах американский империализм упоминался в таком же тоне. В январе 1972 года китайский читатель находит ответ и на этот вопрос между строк только что выдвинутой на первый план цитаты Мао:

«Мировые дела вызывают необходимость консультироваться. Внутренние дела своей страны должен решать ее народ, международные дела должны решаться всеми заинтересованными сторонами путем консультаций. Нельзя, чтобы эти дела решались двумя сверхдержавами».

Другими словами, приглашение президента США — хотя об этом в статье прямо не упоминается — укладывается в рамки положения о том, что вопросы отношений между странами должны обсуждаться и решаться на «консультациях» руководителей заинтересованных государств. И наконец, может ли быть более благоприятный случай для обстоятельной «консультации», чем непосредственные переговоры государственных руководителей в ходе продолжительного визита?

После приглашения Никсона в китайской печати появилось новое выражение: «революционная дипломатическая линия председателя Мао». Тем самым, хотя Мао лично ничего не говорил о своей внешней политике и в китайских официальных органах печати ничего не публиковалось, кроме приведенной цитаты из двух фраз, его имя связали с «поворотом в сторону Запада», с новым дипломатическим наступлением Пекина.

1 января 1972 года итоговая совместная статья, перечисляя успехи китайской дипломатии от восстановления прав КНР в ООН до установления дипломатических отношений с 15 странами, в заключение указывает:

«Все это вызывает у нас глубокое стремление упорно работать и продолжать осуществление революционной внешнеполитической линии председателя Мао».

«Продолжением» было, как известно, проведение визита Никсона.

По мере развертывания «новой дипломатической линии» китайская пропаганда выработала еще один лозунг, который затем выполнял роль исходного пункта при объяснении различных ситуаций. В округленной формулировке передовой статьи 1972 года он звучит так: «Страны хотят независимости, нации — освобождения, народы — революции».

Здесь опять-таки нет и слова о том, воля каких стран, наций и народов, какие конкретные обстоятельства имеются в виду, и именно поэтому такой лозунг применим для самых разнообразных ситуаций. Во всяком случае, этот лозунг используется китайским руководством, чтобы представить себя в качестве поборника революций, освободительных движений и национальной независимости, вожака «третьего мира», а временами даже приветствовать «стремление к независимости» от США (например, Англии).

«САМЫЙ ОПАСНЫЙ» ВРАГ

Новой фазой в развитии китайской внешнеполитической доктрины явилась совместная передовая статья от 1 октября 1972 года, в которой впервые дело доходит до открытого объявления Советского Союза «самым опасным» врагом, а наименования «первая и вторая промежуточные зоны» и «третий мир» используются вместе для обозначения сил, с которыми пекинское руководство хотело бы объединить усилия против «сверхдержав».

Образы революционного натиска народов мира сменяются в октябре 1972 года не столь пламенными оценками, среди которых расширению «Общего рынка» отведено не менее важное место, чем развитию национально-освободительной борьбы.

«Общим требованием народов различных стран было отрицание гегемонии сверхдержав, их политики с позиций силы. Все большее число стран первой и второй промежуточных зон, — говорится в передовой статье, — в

различных формах и в различной степени сплачивается в борьбе против одной-двух сверхдержав. Третий мир играет растущую роль в международных делах».

«Первая промежуточная зона» в китайской терминологии означает «третий мир», а «вторая» — средние капиталистические державы (к которым после нормализации китайско-японских отношений и визита Танаки эта китайская «теория», как можно заметить, стала относить и Японию).

В этой статье однозначно подчеркивается необходимость вести переговоры с врагом.

«Даже если какая-либо страна ранее занимала враждебную Китаю позицию, мы не отказываемся от переговоров об улучшении отношений, когда она демонстрирует готовность изменить эту политику. Мы остаемся на принципиальных позициях, но в то же время проявляем гибкость, что допустимо и необходимо для осуществления наших принципов».

Далее следует ссылка на пребывание Никсона в Китае — первый китайский «комментарий печати» со времени визита президента США. Вообще же статья не идет далее заявления о том, что теперь «открылись двери для дружеского общения народов обеих стран». Упоминание о визите Танаки гораздо оптимистичнее: в отношениях с Японией «начался новый этап». Главным итогом этих изменений авторы совместной статьи считают провал политики тех, кто «мечтал изолировать Китай», и «крах контрреволюционных планов по окружению Китая».

Вслед за результатами перечисляются враги: сначала, правда, говорится об «американском империализме», однако в гораздо более умеренных выражениях, чем потом о Советском Союзе. В статье без всякого обоснования отвергается курс Советского Союза на обеспечение разрядки, предпринимается попытка посеять сомнения и охарактеризовать его как «обманный», содержится призыв выступать против политики «империализма и социал-империализма».

Излишне продолжать цитаты — и так ясно, что осенью 1972 года пекинская пропагандистская машина по-прежнему (теперь уже открыто) мобилизовывала массы китайского населения главным образом против Советского Союза.

Глава 4 ХРОНИКА ОДНОГО МЕСЯЦА

Для того чтобы проанализировать освещение китайской прессой актуальных международных событий, возьмем март 1972 года, месяц, хотя и не принесший миру бурных событий, но и не лишенный интереса. Один месяц — срок достаточно длительный, чтобы проследить до конца за ходом отдельных событий и иметь возможность установить их характерные черты. В то же время это слишком ограниченный период для глубокого анализа явлений.

Газета «Жэньминь жибао», выходящая ежедневно, в том числе по праздничным дням, в течение этого месяца неизменно из номера в номер посвящала внешнеполитическим вопросам и международной политике более двух страниц.

МИР, ПОКРЫТЫЙ ТАЙНОЙ

Чтобы сразу же дать понять, насколько внешний мир, показываемый «Жэньминь жибао», отличается от реальной действительности, достаточно перечислить наиболее значительные международные события, о которых китайская печать совсем не упоминает.

Вернувшись в начале марта из поездки в Пекин, Никсон сделал на аэродроме заявление, в котором он подвел итоги визита. Он подчеркнул, в частности, что США остаются верны обязательствам по отношению к Чап Кай-ши. Китайская печать опубликовала краткое сообщение о возвращении президента, однако процитировала лишь одну-две фразы из его заявления, опустив все остальное, в том числе относящееся к Тайваню.

Этим сообщением китайская печать анализировала и комментировала шанхайское коммюнике и визит Никсона, в китайской прессе нельзя было найти даже ссылки на него.

Печать Китая вообще не упомянула о поездке в марте американского статс-секретаря по иностранным делам Маршалла Грина по десяти азиатским странам с целью успокоить союзников США в этой части мира. Ранее, когда американские официальные лица посетили Тайвань, пресса Пекина обрушилась на них с нападениями, ибо они «с враждебными целями проникли на территорию Китая — Тайвань». На этот раз, естественно, и слова не было о посещении Грином Тайваня.

Китайская пресса хранила молчание и в связи с вызвавшим большое удивление и широкое обсуждение в мире сообщением о том, что в США началось обучение моряков чанкайшистского подводного флота и что Тайваню была передана подводная лодка.

В марте произошли важные события на Индостанском субконтиненте. В это время стороны, участвовавшие в военном конфликте, предприняли первые шаги в интересах решения назревших проблем путем переговоров. Премьер-министр Индии Индира Ганди посетила Бангладеш и подписала с Муджибуром Рахманом договор о дружбе и сотрудничестве. Индийские войска были выведены из вновь образовавшегося государства, в создании которого большую роль сыграл военный конфликт Индии (и отрядов «мукты бахипи»¹) с Пакистаном. Новый президент Пакистана З. А. Бхутто совершил поездку в Москву, где имел переговоры с советскими руководителями. Вскоре в Москве побывал шейх Рахман, которому был оказан дружеский прием. Стало очевидным, что Советский Союз стремится поддерживать с Пакистаном корректные отношения и в то же время всячески поддерживает новое государство (Бангладеш). Бхутто назначил нового командующего вооруженными силами Пакистана, объявил о намерении провести в будущем земельную реформу. Обо всем этом читатель «Жэньминь жибао» не мог знать, ибо китайская печать публиковала лишь пакистанские ноты протеста, направлявшиеся Индии.

¹ Силы освобождения.

Пекин не считал нужным упомянуть и о мартовском кризисе на Кипре, во время которого греческое правительство попыталось заставить архиепископа Макариоса уйти в отставку. В сообщениях агентства Синьхуа не нашлось также места и для сообщений о споре, разгоревшемся вокруг военной базы на острове Мальта, в связи с которым мировая печать поместила так много статей. И это несмотря на то, что в этом месяце закончился торг между премьер-министром Мальты Минтоффом, с одной стороны, и правительством Лондона и НАТО — с другой, и было подписано новое семилетнее англо-мальтийское соглашение. Однако Китай проявил живой интерес к вышеуказанному торгу, о чем лучше всего говорит тот факт, что после подписания соглашения с Англией Минтофф сразу же поехал в Китай.

Во всем мире с большим волнением ожидали начала предвыборной кампании в США, в том числе результатов предварительных выборов в Нью-Гэмпшире. Пекинская пресса ни словом не обмолвилась об этом.

На Ближнем Востоке состоялось совещание министров иностранных дел исламских стран, призвавшее, хотя и на религиозной основе, к борьбе против Израиля. Пекин игнорировал это событие. Между Северным и Южным Йеменом возникла напряженность, имели место пограничные инциденты, но, поскольку Китай поддерживает хорошие отношения с обеими странами, «Жэньминь жибао» не информировала своих читателей о конфликте двух дружественных Китаю государств. (В то же время трудно представить, что китайская служба информации не дала почувствовать, кто, по ее мнению, прав в этом конфликте.) Пресса Китая уделила большое внимание плану короля Иордании Хусейна, по, когда в ответ на это Ирак предложил образовать федерацию Египта, Сирии и Ирака без участия в ней Ливии, китайская печать обошла данное предложение молчанием. В сообщениях агентства Синьхуа ничего не говорилось также и о совещании стран СЕНТО, в котором принял участие Пакистан.

Китайские органы информации непрерывно обрушивались с нападками на японское правительство Сато, вместе с тем они умолчали об аннулировании письма Посиды, накладывавшего запрет на предоставление

банковского кредита Китаю, ибо этот шаг был расценен в качестве дружественного жеста со стороны Японии. А в то время китайское руководство уже списало Сато со счетов.

В китайскую печать не попала информация о скандале, вызванном деятельностью американской компании ИТТ в Чили, а также сообщение о похищении и убийстве в Турции английских технических специалистов по радарам.

Само собой разумеется, что «Жэньминь жибао» не сообщила не только о точной дате визита Никсона в Москву, но и вообще о его приглашении в СССР. По окончании визита агентство Синьхуа дало очень краткую, в тридцать строк, информацию без каких-либо комментариев.

Читателю может показаться, что все происшедшее в Москве является для китайской печати табу. Помимо важных визитов М. Рахмана и З. А. Бхутто в Советский Союз, пресса Китая обошла молчанием и переговоры в Москве премьер-министра Афганистана, и поездку супруги президента Филиппин. Ни слова не было и о визите министра обороны СССР маршала А. А. Гречко в Белград. Но особую заботу китайская печать проявила о том, чтобы на ее страницы не проникло ни слова о речи тов. Л. И. Брежнева 20 марта, имеющей очень большое значение, в которой советский руководитель подробно остановился на советско-китайских отношениях, заявив, в частности, что Советский Союз готов строить свои отношения с Китаем на основе принципов мирного сосуществования, как этого хочет китайское руководство, хотя этот принцип лежит в основе отношений государств с различным общественным строем. Таким образом, это чрезвычайно важное с точки зрения развития советско-китайских отношений заявление не было доведено до сведения китайских читателей точно так же, как и важные положения речи товарища Л. И. Брежнева, посвященные советско-американским отношениям, ситуации на Ближнем Востоке, в Индокитае и в Европе, в частности касающиеся обострившейся в тот период дискуссии в Бонне вокруг ратификации советско-западногерманского договора. За исключением нескольких ссылок враждебного характера, пекинская печать не опубликовала никаких предвари-

тельных материалов ни о дискуссии в Бонне, ни о договорах между Советским Союзом и Польшей, с одной стороны, и ФРГ — с другой, вплоть до момента ратификации этих договоров. Но и после их ратификации она поместила лишь краткую заметку в сорок строк, без всяких комментариев.

Читатель вправе задать вопрос: о чем же все-таки писали китайские органы информации в материалах о международной жизни, если они обходили вниманием так много событий?

ВЕДУЩИЕ ТЕМЫ

В марте агентство Синьхуа опубликовало 786 внешнеполитических сообщений. Основное место занимали материалы об Индокитае. 163 сообщения, заявления и комментарии были посвящены положению в странах Индокитая, боевым действиям во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе, осуждению американской агрессии, новостям из дипломатической жизни (ежедневно в среднем помещалось 6—7 таких материалов, причем часто довольно значительных по объему). Китайские органы информации постоянно уделяли особое внимание событиям в Индокитае, что проявлялось в том числе и в количестве материалов на эту тему. Значимость событий в Индокитае для Китая, естественно, повышается в связи с тем, что они происходят в непосредственной близости от границ Китая. Однако мы знаем, что не всегда географический фактор играет решающую роль в деятельности китайских средств информации. Китай придает войне в Индокитае особое значение не только с точки зрения геополитики, но в первую очередь с идеологической точки зрения, как конкретному подтверждению китайской теории о народной войне. Этот вопрос занимает центральное место в заявлении Мао Цзэ-дуна, сделанном им 20 мая.

«Укрепляя свое единство, взаимно поддерживая и помогая друг другу, проявляя выдержку в длительной народной войне, три народа Индокитая смогут преодолеть все трудности и добиться окончательной победы», — заявил китайский руководитель. «Американский империализм кажется колоссом, однако на самом деле

это только бумажный тигр, который мучительно погибнет. В конечном итоге, кто же кого боится в современном мире? Не Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Палестина и другие арабские страны и народы мира боятся американского империализма, а американский империализм боится народов мира. По самому незначительному поводу он впадает в панику. Множество факторов свидетельствует о том, что справедливое дело всегда получает широкую поддержку, а несправедливое — самую минимальную. Слабое государство может нанести поражение сильному, а малое — великому. Народ малого государства обязательно победит в борьбе против агрессии великого государства, если у него хватит смелости подняться на борьбу и, вооружившись, взять судьбу страны в свои руки. Таков один из законов истории».

Хотя в наши дни США уже не являются единственной мишенью критики китайского руководства, как это было в то время, когда было сделано вышеуказанное заявление, однако приведенный текст ясно свидетельствует о том, какой идеологический тезис китайских руководителей подтверждается или был подтвержден, по их мнению, борьбой народов Индокитая. Позже, 1 октября 1972 года, тезис о «народной войне» не был включен в передовые статьи трех китайских газет по случаю национального праздника, Китай явно ослабил фронт народов Индокитая, порвав с Советским Союзом, отказавшись от совместных антиимпериалистических действий. Но он продолжает оказывать этим странам помощь на двусторонней основе, стремясь одновременно ослабить влияние СССР на освободительные движения в Индокитае, о чем говорит, в частности, и политика Пекина в отношении принца Сианука.

Особое внимание к Индокитаю в марте 1972 года объяснялось и тем, что едва в Ханое и в рядах борцов за освобождение Индокитая улеглось волнение и замешательство, вызванное приглашением Никсона в Пекин и самим этим визитом, китайское руководство всеми средствами попыталось заверить своих союзников в том, что оно не договаривается за их спиной с американским империализмом в ущерб их интересам.

Китайская печать систематически полностью публиковала все заявления руководства ДРВ, ВРП РЮВ, Патет Лао и Национального фронта Камбоджи, а также

созданных Сиануком других камбоджийских организаций. В марте эти заявления составили 23 процента всех публикаций об Индокитае. Причем «Жэньминь жибао» отводила им много места, поскольку в связи с каким-либо важным событием все четыре стороны в Индокитае не раз публиковали больше по объему документы. В таких случаях китайская печать, своего рода официальный вестник, публиковала полный текст таких документов. Практика вначале закрепляется, а потом обязывает. Если затем газетой «Жэньминь жибао» что-либо выпускается из заявления, то это имеет определенное значение или по крайней мере может быть так истолковано.

В марте Чжоу Энь-лай устроил в Пекине большой прием по случаю двухлетней годовщины прибытия Сианука в Пекин (19 марта). Китайская печать полностью опубликовала его выступления на приеме, как и все предыдущие пространные обращения принца Сианука к соотечественникам. Эти заявления часто занимали в китайских газетах целые полосы, хотя маловероятно, что китайского читателя интересовало больше всего послание Сианука, например, к буддийским монахам. В то же время, когда Сианук весной 1970 года провел свою первую пресс-конференцию в Пекине, более двух часов отвечая на вопросы иностранных корреспондентов, китайская печать не опубликовала его ответы, ибо их характер трудно было бы соотнести с его образом, нарисованным прессой Пекина.

Часто опубликование заявлений, являющихся реакцией на какие-либо события, одновременно означает первое сообщение об этих событиях. Так, например, американцы заявили 23 марта, что они со своей стороны до тех пор прерывают переговоры в Париже, пока ДРВ и ВРП РЮВ не дадут знать, что они готовы «вести переговоры на серьезной основе». Китайские средства информации сообщили о шантаже американцев лишь 31 марта, одновременно с публикацией заявления МИД ДРВ, осуждающего этот шаг американцев. Дождавшись реакции заинтересованной стороны, китайская печать хочет доказать полное совпадение позиций, а с другой стороны, — избежать видности, что она иначе оценивает то или иное событие, чем вьетнамское руководство. Хотя, конечно, проявляются отдельные нюансы, а часто

и существенные различия в их оценке событий. Например, пекинская пресса опубликовала заявления вьетнамцев с критикой лично в адрес Никсона, но в собственных комментариях в это же время воздержалась от нападок на американского президента.

Многие годы пекинская пресса уделяла немало места освещению военных действий в Индокитае. Источником информации служили всегда сообщения патристических сил, и лишь в редких случаях — западные агентства печати (только в тех случаях, когда они сообщали о победах народных сил).

«Положение в районе Индокитая в настоящее время прекрасное» — эта фраза часто повторялась на страницах китайских газет независимо от эскалации американской агрессии, а в определенном смысле и параллельно с ней. Именно так, например, пекинская пресса характеризовала обстановку в Камбодже и в Индокитае в целом в статьях по случаю второй годовщины переворота в Камбодже, хотя и в Камбодже, да и во всем Индокитае усилились американские бомбардировки и боевая активность. Так, в передовой статье «Жэньминь жибао» от 23 марта (по случаю годовщины заявления Сианука 1970 года) подчеркивалось: «Позиции народов Индокитая в борьбе против американской агрессии, за спасение нации стали еще лучше».

Вечный оптимизм, задающий тон в целом, не исключает, конечно, ссылок на существующую опасность. Печать всегда обращала внимание на то, что американский империализм не отказался от своих агрессивных стремлений, хотя и отмечала, что новые провокации обречены на верную неудачу.

Другим постоянным лейтмотивом пекинской прессы в последние годы было утверждение о том, что Китай оказывает всестороннюю помощь борьбе народов Индокитая, является их прочным тылом. В отличие от прежней практики материалы об Индокитае в последнее время не содержали открытых нападок на Советский Союз, однако иногда китайская пресса перепечатывала заявления Албании, касающиеся этого района мира, которые носили антисоветский клеветнический характер.

В марте 1972 года из социалистических стран важное место в материалах пекинской службы информации занимала КНДР, которой было посвящено 46 сооб-

щений. Большая часть их касалась трудовых успехов КНДР, информировала о выступлениях корейских руководителей, передовых статьях печати КНДР. Меньшая часть статей освещала положение в Южной Корее, начавшиеся в тот период переговоры между Севером и Югом Кореи по линии организации Красного Креста.

Лишь в 16 статьях шла речь об Албании. Китайская пресса перепечатывала в первую очередь антисоветские статьи из албанских газет. Правда, в большинстве случаев албанская печать выступает в качестве рупора Китая (хотя, например, вызвало удивление молчание тирацских газет во время визита Никсона в Пекин).

Что касается европейских социалистических стран, не считая Албании, то в марте 1972 года пресса Китая больше всего статей посвятила Румынии и Югославии. Кроме того, многие статьи касались Кубы.

Особое внимание после Индокитая пекинская служба информации уделяет прежде всего событиям на Ближнем Востоке, о которых шла речь в 84 статьях. Точнее, Ближний Восток был темой 84 сообщений (китайская пресса акцентирует свое внимание не столько на событиях, сколько на позициях различных стран). Половина сообщений содержала различные заявления, комментарии и лишь 22 процента материалов давали информацию о хронике событий. Это объясняется в первую очередь тем, что король Хусейн объявил в марте о своем плане преобразования Иордании в Объединенное Арабское королевство, согласно которому на оккупированной сейчас Израилем территории было бы создано «палестинское федеративное государство», подчиняющееся королю Иордании. Как известно, этот план был отвергнут как Организацией освобождения Палестины, так и подавляющим большинством арабских государств, заявления которых были опубликованы в китайской печати.

Реакция Китая на план Хусейна является, между прочим, характерной для организации кампаний в пекинской прессе. Если служба информации намерена подчеркнуть большое значение какого-либо вопроса, то нередко на многих страницах печати публикуются связанные с ним сообщения, заявления, которые поступают из всех районов мира.

Из материалов о событиях на Ближнем Востоке 22 процента касалось Иордании (в связи с планом короля Хусейна), 16 процентов — Египта и 10 процентов — борцов за освобождение Палестины. Обычно чаще всего помещаются материалы о Палестине, но много места заняли сообщения о плане Хусейна и визите в Пекин Махмуда Риада, советника президента Садата по внешнеполитическим вопросам. Кстати, этот визит означал и то, что китайское руководство уделяет особое внимание Египту, играющему важную роль на Ближнем Востоке. Однако китайские органы информации ни словом не обмолвились о том, что президент АРЕ Садат весной 1972 года дважды посетил Москву, а позже опубликовали многочисленные статьи о трудностях в советско-египетских отношениях. Все, что происходит в Москве, является для китайской печати в большинстве случаев запретной темой, хотя в настоящее время значительное число событий и переговоров, имеющих важное значение для всего человечества, происходит в Москве. Да и вообще нельзя дать полной картины событий ни в одном районе мира, игнорируя или искажая истинную роль Советского Союза.

Как мы знаем, Китай уделяет большое внимание «третьему миру». В своем первом выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН руководитель китайской делегации Цяо Гуань-хуа подчеркнул, что его страна «относится к третьему миру». Китай стремится проводить такую политику, которая создает видимость, что он является представителем или даже руководителем стран «третьего мира» в борьбе со «сверхдержавами».

Китайская дипломатия пытается использовать любые объективно возникающие противоречия и разногласия в отношениях между индустриально развитыми и развивающимися государствами. Эти действия направлены практически прежде всего против Советского Союза и других социалистических стран, поскольку развивающиеся государства уже ранее на своем опыте познали устремления крупнейших капиталистических стран. Однако китайские дипломатия и пропаганда путем шумной поддержки некоторых необоснованных, хотя легко объяснимых требований развивающихся государств пытаются доказать, что Советский Союз и

США (поскольку в ряде случаев обе страны не поддерживают отдельные требования) стоят на одних позициях в отношении «третьего мира». Так, например, китайская пропаганда полностью стирает различие между характером и целями помощи, оказываемой капиталистическими государствами и Советским Союзом. Она замалчивает тот факт, что многие страны, которые Китай объявляет своими союзниками, наибольшую помощь получают именно от СССР.

Таким образом, лейтмотивом китайской информации о «третьем мире» является шумная поддержка требований вышеуказанных стран. Особенно усердствует китайская служба информации, когда Советский Союз не поддерживает какое-либо требование стран «третьего мира», например, требование латиноамериканских стран «установить 200-мильную зону территориальных вод». В таком случае подробно освещается ход дискуссий, выступление китайского делегата в соответствующей организации или же публикуются специальные комментарии с выражением поддержки позиций стран «третьего мира». Общей чертой опубликованных в марте 1972 года материалов о Латинской Америке (35) и Африке (41) явилось то, что в них подчеркивались успехи развивающихся стран, оказываемая им со стороны Китая помощь, сообщалось об их конфликтах с индустриально развитыми государствами, но ничего не говорилось об их внутренних проблемах (например, китайская печать умолчала о попытке переворота в Сальвадоре).

ВИЗИТЫ

В марте 1972 года наибольшую долю материалов на международные темы составляли сообщения о внешних связях Китая, что отражало переход от самоизоляции в период «культурной революции» к большой дипломатической активности. 138 сообщений было посвящено визитам зарубежных делегаций и деятелей в Пекин, 41 — поездкам китайских делегаций за границу, 40 — различным событиям в дипломатической жизни (приемы, визиты послов и т. п.), 17 — таким международным спортивным встречам, в которых участвовали и китайские спортсмены. В итоге: 236 сообщений из

786 (напомним, что некоторые сообщения частично повторяются. Так, например, при рассмотрении вопроса о том, какое внимание уделяется китайской службой информации Индокитаю, мы уже учитывали сообщения о посещении Китая делегациями из стран вышеуказанного района мира). Это, естественно, не означает, что в Китае, например, побывало 138 зарубежных делегаций, поскольку печать о каждой делегации, ее членах, заявлениях публикует несколько материалов. Сообщения такого рода строго определяются правилами протокола, тем, какого ранга иностранный гость, каков характер визита.

О двусторонних переговорах китайская пресса обычно ничего не сообщает, кроме «атмосферы». Таким образом, читатель может сделать вывод об их содержании лишь на основании выступлений на приемах и текста коммюнике, если оно публикуется. Выступления не всегда даются полностью. Их сокращения, если они имеют место, могут многое сказать тому, кто знаком с полным текстом.

Хотя китайское правительство часто оказывает большую помощь другим странам (иногда более богатым, чем Китай, государствам, стоящим на более высоком уровне развития), однако в печати в большинстве случаев это находит отражение в сообщении, что две стороны подписали «соглашение о сотрудничестве». Иногда говорится о «предоставлении кредита», но об оказании помощи сообщается лишь в отношении ДРВ. Размеры помощи тоже почти никогда не публикуются. И это понятно, ибо, хотя пропаганда постоянно подчеркивает, что «Китаю пужно оказывать большую помощь делу всего человечества», китайский читатель явно поразился бы, если бы узнал о крупных размерах помощи, часто исчисляющейся суммой в 100 миллионов юаней или больше, которая служит великодержавным интересам китайских политиков.

Китайское официальное мнение делит внешние связи на две категории: официальные, то есть межпартийные и межгосударственные, и «связи между народами» (сюда относятся спортивные встречи, культурный обмен, туризм и др.). Более того, для содействия развитию таких связей при министерстве иностранных дел был создан «народный внешнеполитический инсти-

тут», который принимает неофициальных и полуофициальных гостей.

Парадоксально то, что в Китае, где все связи с иностранцами находятся под контролем со стороны государства и где практически невозможны непосредственные личные контакты между иностранцами и китайцами, «связи между народами» тоже строго регулируются в соответствии с интересами государства. Характерно, что «пингпонговая» дипломатия способствовала быстрому переходу от «связей между народами» к приглашению Никсона в Китай. А после пекинской встречи, где началось сближение КНР и США, последовала поездка китайских спортсменов на соревнование по настольному теннису в США. О дипломатическом характере спортивных встреч лучше всего говорит ритуал двусторонних встреч в Пекине: после соревнований присутствовавшие высокопоставленные китайцы и посол страны, откуда приехали гости, или же какой-либо другой политический руководитель фотографируются вместе с игроками. Газеты помещают о большинстве встреч не фотографии о соревнованиях, а вышеуказанные протокольные фотографии. А в сообщениях прессы говорится не о результатах встречи, а перечисляются присутствующие (не спортсмены, а политические деятели, присутствовавшие на трибунах).

Материал, который мы рассмотрели, показывает с пекинской точки зрения «повседневную сторону» внешних связей; рассказывает о странах, которые Китай считает своими союзниками, о борьбе, поддерживаемой Пекином, касается внешних связей Китая, причем в этих материалах используются самые вежливые выражения даже в отношении тех стран, с которыми у китайского руководства имеются разногласия.

Ниже мы проследим за информацией, которую давала пекинская служба информации о странах, относящихся, по мнению китайского руководства, к враждебному миру.

ХАРАКТЕРИСТИКА «СВЕРХДЕРЖАВ»

После отъезда Никсона из Пекина в последний день февраля Соединенные Штаты, по крайней мере в печати, по-прежнему рассматриваются как враг, как одна

из «сверхдержав», как основная сила, олицетворяющая империализм.

В сообщениях о военных действиях в Индокитае, в комментариях на эту тему врагом, естественно, всегда признается американский империализм. Но после визита американского президента в Пекин «империализм» получает более резкие характеристики, чем сам Никсон, о котором китайская печать стала писать в более умеренном тоне.

Вторая «сверхдержава» — Советский Союз — в марте 1972 года реже фигурировала в материалах средств информации, однако тон сообщений был таким же враждебным. За исключением известий протокольного характера, все материалы о Советском Союзе, публиковавшиеся на страницах «Жэньминь жибао», носили только негативный характер. В то время как нападки на американский империализм основываются на фактах, агитация китайской службы информации против СССР построена на искажении фактов.

В марте в китайской печати, можно сказать, не проводилось особой антисоветской кампании, велась обычная полемика. В этом смысле пекинская пропаганда в качестве одного из методов использует публикацию зарубежных, в основном албанских, материалов, содержащих выпады против Советского Союза. Эти материалы частично обвиняют в равной степени советскую и американскую «сверхдержавы», а частично направлены исключительно против СССР. В мартовской хронике насчитывалось около 10 таких материалов.

Со времени восстановления прав Китая в ООН пекинская печать с особым старанием публикует антисоветские выступления китайских делегатов во всемирной организации.

Время от времени в атаку идут и такие мистические личности, как «комментатор» «Жэньминь жибао», который, например, 4 марта выступил с обвинениями в адрес «пропагандистской машины советского ревизионизма» в связи с тем, что советская печать поместила сообщения (опубликованные и в западной печати) об импорте Китаем хромовой руды из Родезии, несмотря на объявленное ООН эмбарго. Китайская служба информации не опровергла сообщение об импорте руды из

Родезии, а организовала в ответ антисоветскую полемику.

Китайская пропаганда поднимает большой шум и в том случае, если обнаруживает в советской прессе такие сообщения, где определение тайваньского режима не соответствует пекинской терминологии. 25 марта агентство Синьхуа охарактеризовало как «новое доказательство старого заговора» сообщение в журнале «Новое время» о «переизбрании» Чан Кай-ши, названного при этом «генералиссимусом», о чем китайская печать ничего не писала.

Китайская пресса уделяет много внимания фактам о наличии разногласий между Советским Союзом и какой-либо страной «третьего мира» независимо от ее политического курса. Так, например, Индонезия и Малайзия объявили Малаккский пролив внутренними территориальными водами, для прохода через которые требуется разрешение двух стран, поскольку его ширина уже 24 морских миль, а внутренние территориальные воды Индонезии и Малайзии составляют 12 миль. Таким образом, эти две страны попытались изменить прежнее положение в ущерб другим морским державам, в том числе Советскому Союзу. Однако в сообщении китайской печати от 11 марта этот вопрос был представлен таким образом, что именно Советский Союз хотел превратить морской пролив, являющийся внутренними территориальными водами двух стран, в международный пролив.

Для характеристики статей, перепечатываемых из тиранской печати, достаточно привести заголовки, под которыми они публикуются: «Разоблачение албанской газетой американо-советского обмана относительно разоружения», «Разоблачение албанской газетой продолжающейся советско-американской грызни в районе Средиземного моря», «Албанский журнал разоблачает колониалистскую политику советского ревизионизма» и т. д. Пекинская служба информации уже в заголовках выражает свое полное согласие с содержанием албанских статей.

Антисоветская пропаганда, конечно, не ограничивается только материалами, в которых фигурирует слово «советский». В сознании китайского читателя с Советским Союзом могут ассоциироваться и такие очень

часто встречающиеся в статьях, выступлениях и заявлениях термины, как «ревизионизм», «современный ревизионизм», «социал-империализм», «одна или две сверхдержавы», а в некоторых случаях даже «империализм». Антисоветская пропаганда включает в себя как обвинения лично в адрес советских руководителей (правда, в марте 1972 года этого не было), так и косвенные нападки, но все это пронизано антисоветским духом.

ДВА ЛИЦА ЯПОНИИ

В материалах китайской службы информации в марте 1972 года наибольшее беспокойство вызывал вопрос о возрождении «японского милитаризма». В то же время Япония является одним из важнейших внешнеэкономических партнеров Китая. В этот период было опубликовано 37 материалов о Японии, то есть по одному или даже больше в день. В большей части их содержалась критика в адрес Сато.

Правительство Японии, которое до сих пор непрклонно следовало американской политике изоляции Китая, в итоге узнало о визите Никсона в Пекин лишь за несколько минут до объявления об этом. Японское правительство было в замешательстве, которое настолько усилилось после шанхайского коммюнике, что члены правительства ежедневно, более того, ежечасно делали весьма противоречивые заявления. В одном заявлении признавали Тайвань частью Китая, в другом указывали на определенные оговорки. Китайская печать реагировала на это саркастически. Например, 3 марта в статье «Жэньминь жибао», подписанной «комментатором», говорилось следующее: «Посмотрите, как тот же самый Сато сегодня высказывает одно мнение, а завтра — другое по одному и тому же вопросу, тем самым противореча себе, то есть сам дает себе пощечину. Что бы он [Сато] ни говорил, он придерживается враждебной политики по отношению к Китаю». В статье использовались такие термины, как «Сато и его сторонники», «реакционные лидеры Японии», которые «никогда не прекратят плести интриги против Китая» и т. д. Китайская пресса никогда не упускала возможности бичевать япон-

ское правительство, оставляя без внимания шаги Японии, направленные на улучшение отношений между двумя странами, не в последнюю очередь потому, что китайское руководство уже с 1969 года списало со счетов Сато как будущего партнера и ожидало его отставки (предположительно летом 1972 года). Когда Сато вышел в отставку, сразу же прекратилась пропаганда Пекина против правительства Японии и японского милитаризма.

Неутомимая пропаганда против японского правительства в то же время мирно уживалась в материалах китайской службы информации с высокой оценкой интенсивных связей между двумя народами, обмена делегациями. Следует указать, что Япония является самым крупным внешнеторговым партнером Китая и большая часть «дружественных» делегаций приезжает в Китай из Японии. Часть делегаций направлялась оппозицией японского правительства. Эти делегации в совместных китайско-японских заявлениях критиковали политику японского правительства. Китайская пресса, ссылаясь на эти заявления, подчеркивала, что японский народ неутомимо борется против политики правительства Сато в целом и особенно против его политики в отношении Китая. Такого рода пропаганда явно подготовила примирение с правительством Танаки.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА ИЗДАЛЕКА

Наконец, посмотрим, что сообщала китайская служба информации о Западной Европе. Пекин оценивает западноевропейские планы интеграции главным образом с той точки зрения, как это может уравновесить роль «сверхдержав». Поэтому подробно, в одобрительном тоне сообщалось о переговорах относительно увеличения числа членов «Общего рынка», а также о заявлениях отдельных западноевропейских лидеров, которые (хотя и с иными целями, но иногда, пользуясь фразеологией, аналогичной китайской) подчеркивали необходимость самостоятельности отдельных стран в противовес гегемонии «двух сверхдержав». Особенно усердно китайская печать цитировала Помпиду и других французских лидеров.

Агентство Синьхуа опубликовало 22 марта сообщение своего лондонского корреспондента о встрече Помпиду и Хита, состоявшейся 19 марта. В этом сообщении переговоры лидеров двух стран были оценены следующим образом: «Англо-французские отношения в последние годы быстро улучшались по мере того, как западноевропейские страны все более склонялись к тому, чтобы, сплотив свои силы, противодействовать господству супердержав в Европе».

Проблема здесь заключается в том, что вышеуказанные правительства с их программой, столь привлекательной с точки зрения политических интересов Китая, все же стоят во главе крупнейших капиталистических государств. Поэтому китайская служба информации пишет о них в разной тональности. Иногда в адрес правительств этих стран выражается признательность за их «независимую» позицию, а иногда — критика за то, что они «представители эксплуататорского строя». Публикуются также материалы с поддержкой забастовочного движения, борьбы «народа Северной Ирландии». В сообщениях о бюджете Великобритании агентство Синьхуа отмечает, что он свидетельствует об «экономических трудностях» англичан.

Таким образом, китайская служба информации, пожалуй, именно в отношении европейских капиталистических стран использует наиболее объективный тон.

ЗА ЧТО БОРЕТСЯ НАРОД СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ?

Естественно, «объективная» информация, использование фактов ограничены и кончаются в том случае, если факты противоречат какой-либо из догм официальной идеологии. Так, например, агентство Синьхуа сообщило 25 марта о том, что английское правительство ввело новую систему управления в Северной Ирландии. Публикация этого сообщения в Китае была удивительно оперативной в китайских условиях (через день после заявления английского правительства). «Этот шаг является следствием быстрого обострения противоречий между английским правительством и североирландскими властями, результатом огромного влияния борьбы

североирландского народа», — подчеркивается в начале сообщения размером в 800 слов. Но как китайские органы информации освещают религиозные аспекты положения в Северной Ирландии, как объясняют экономические и политические причины столкновений между бедным католическим меньшинством и зажиточным протестантским большинством? Эти вопросы даже не ставятся в материалах Синьхуа. Борьбу с 1969 года ведет просто «североирландский народ».

В сообщении ничего не говорится о целях борьбы, указываются только меры подавления, принимаемые английскими властями. При этом подчеркивается, что эти меры не разрешат кризиса и не запугают «североирландский народ».

ПРЕДСТАВИМ КАРТИНУ МИРА, ИЩОДЯСЬ В КИТАЕ

Попытаемся теперь представить общую картину на основе чтения газет за один месяц.

Как мы видели, подписчики «Жэньминь жибао» получали в первую очередь информацию о том, сколько делегаций прибыло в Пекин и беседовало с китайскими руководителями, сколько китайских делегаций побывало за рубежом и какие прекрасные отношения сложились у Китая с различными странами мира. «У нас есть друзья повсюду в мире» — этот лозунг часто звучит в материалах китайской службы информации. Может показаться, что Китай — Чжунго, то есть Среднее государство, по-прежнему является центром мира, по крайней мере центром «добрых» сил мира. Конечно, он не «сверхдержава», а, как может сложиться впечатление на основе чтения газет, надежда и знаменосец всех тех, кто выступает против «сверхдержав», и, таким образом, он занимает самое важное, особое место среди других стран, но не в качестве «сверхдержавы».

Конечно, у Китая имеются и враги, но они «сидят на вулкане», их сметет борьба народов мира, как бы хитры и опасны они ни были. Будущее «сверхдержав» не сулит им ничего хорошего, в то время как положение Китая блестящее и становится все лучше и лучше (каков же критерий сравнения?). Одновременно Китай

самоотверженно помогает борьбе революционных народов (а где можно найти ссылку в китайской печати на то, как, например, вьетнамские руководители с большим беспокойством следят за антисоветской полемикой в Пекине, которая в тот период облегчила развязывание американским империализмом агрессии во Вьетнаме?). Китай ведет переговоры с врагом, если он меняет свою позицию (об изменении китайской позиции не может быть и речи). И если «империализм» и «социал-империализм», а также «японский милитаризм» представлены в «Жэньминь жибао» как угрожающие силы, то «американский народ», «советский народ» и «японский народ», по мнению китайской печати, свергнут эти «правлящие круги» и «ревизионистские клики» или по крайней мере борются против них. Если же с вышеуказанными странами отношения улучшаются, всегда можно напомнить: у китайского народа с соответствующим народом существует давняя дружба, оба народа помогали в борьбе друг другу. Когда в сентябре 1972 года Танака прибыл по приглашению Чжоу Эньлая в Пекин, китайский премьер заявил, что китайский народ, следуя учению председателя Мао, всегда делал различие между «очень небольшим числом японских милитаристов» и народными массами Японии.

Мы знаем, что обошла молчанием китайская печать, но, исключая привилегированных читателей «Цанькао сяоси», как может узнать об этом подписчик «Жэньминь жибао»? Да и вышеуказанное китайское издание для служебного пользования содержит тщательно отобранный материал! Трудно представить, каково было бы не знать того, что мы знаем. Но попробуем все же нарисовать мир таким, каким он предстает перед китайским читателем на основе сообщений, тщательно отобранных службой информации Китая. Учтем также, как преподносит информацию китайская пресса. Кроме того, картина мира складывается на основе вышеуказанных манипуляций не за месяц и не за год работы органов информации, а в течение долгих лет. В результате этого можно понять, что сотни миллионов жителей КНР вряд ли могут видеть действительные черты реального мира через его отражение, созданное китайскими средствами информации. Они вряд ли могут, находясь внутри страны, выработать критическое мнение

об этом отражении и, более того, на этой основе подвергнуть сомнению политику руководства.

Таким образом, представленная китайскими средствами информации картина мира становится опорой руководства, то есть одним из наиболее важных средств манипуляции массами. Не следует забывать: основной задачей и устной пропаганды в конечном итоге является дополнение и подкрепление этой картины мира, а информация для служебного пользования доходит только до руководящих кадров и надежных лиц, подкрепляя хотя и в более сложной форме, но то же самое искаженное мировоззрение, тот же анализ международной обстановки, сделанный сквозь призму Пекина.

Глава 5, ВОЙНА И ДИПЛОМАТИЯ

Вероятно, мы получим более полную характеристику деятельности аппарата службы информации КНР, если внимательно проследим, как он занимался освещением некоторых значительных международных событий и конфликтов.

1971 год был богат важными событиями, которые прямо или косвенно затронули и Китай. О секретном визите Киссинджера в Пекин и о приглашении Никсона в КНР мы скажем более подробно ниже, однако здесь же следует отметить, что в китайско-американском диалоге главное место занимала проблема восстановления прав Китайской Народной Республики в ООН. Для Китая в 1971 году первоочередное значение имели также индо-пакистанский конфликт и создание нового государства — Народной Республики Бангладеш.

ВРАГ МОЕГО ВРАГА

Какое отражение нашел на страницах китайской прессы конфликт, возникший на субконтиненте Южной Азии? Необходимо принять во внимание тот факт, что в конце 50-х годов политика Китая была последовательно направлена на ослабление Индии. В 1962 году КНР и Индия оказались в состоянии скоротечной пограничной войны, в ходе которой китайские войска глубоко вторглись на территорию своего западного соседа, а затем отступили на признанную ими линию границы. Наряду с пограничными спорами более глубокая причина возникших разногласий между ними, как сви-

детельствуют многочисленные факты, заключается в том, что китайское руководство, стремясь занять лидирующее место в «третьем мире», хочет показать «неполноценность индийской модели», ибо, учитывая размеры территории среди развивающихся стран, лишь Индия может быть соперницей Китая. Вместе с тем внешнеполитическая ориентация Индии также не отвечает нынешним политическим целям Китая. Вероятно, исходя из принципа «враг моего врага — мой друг», Китай установил теплые отношения с феодальной, олигархической реакционной военной диктатурой Пакистана¹, который к тому же был членом СЕАТО, созданного в свое время Даллесом. В 1965 году, в период никем не выигранной индо-пакистанской войны, Китай предъявил Индии ультиматум и позже стремился к тому, чтобы насильственно созданное, состоящее из двух удаленных друг от друга частей государство Пакистан явилось на субконтиненте своеобразным противовесом Индии, в значительной мере связывая руки ее правительству.

В таких условиях вполне понятно, почему Пекин с большим беспокойством следил за положением, сложившимся в Восточном Пакистане. Лишь в порядке напоминания воспроизведем сейчас наиболее важные события для того, чтобы затем более подробно рассмотреть, как они освещались на страницах китайской прессы.

На всеобщих выборах Народная лига получила в Восточном Пакистане подавляющее число голосов избирателей, и таким образом в стране, традиционно управляемой из Западного Пакистана, она завоевала абсолютное большинство в парламенте. В свою очередь созыв парламента угрожал Яхья Хану потерей власти. Яхья Хан попытался разрешить кризис с помощью грубого насилия. 25 марта он арестовал шейха Муджибура Рахмана, ввел в стране чрезвычайное положение и отдал распоряжение армии путем массовых репрессий и террора подавить силы сопротивления. В ходе кровопролитной гражданской войны родилась Народная Республика Бангладеш. Пакистан ответил угрозами Индии, оказывавшей поддержку бенгальскому пароду в его борьбе.

¹ Имеется в виду режим при Яхья Хане.— *Прим. ред.*

В такой напряженной обстановке в августе 1971 года был подписан Договор о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией, который укрепил положение последней. Индийские войска вместе с освободительной армией Бангладеш во взаимодействии с вооруженными отрядами «мукти бахини» положили конец террору западнопакистанских вооруженных сил и в борьбе добились рождения нового государства.

Очевиден и тот факт, что в движении за национальную независимость Восточного Пакистана было сильное маоистское крыло, и нередко крестьяне, выступавшие против армии западнопакистанских угнетателей, несли с собой портреты Мао или «красные книжечки» с его цитатами. Это, однако, ни в коей мере не помешало Пекину выступить на стороне исламабадского режима, причем явно не по принципиальным, а по откровенно великодержавным соображениям.

Итак, китайские газеты хранили глубокое молчание о ходе событий, которые имели место в Дакке 25 марта. В то время как вся мировая пресса была полна сообщений о кровавой расправе, проводимой пакистанской армией в Дакке, об аресте шейха Рахмана, в китайских газетах невозможно было найти даже самого незначительного намека на эти события. В конце концов 11 апреля «комментатор» газеты «Жэньминь жибао», имя которого никогда не называют, но который, высказывая ту или иную позицию, по существу, выражает мнение китайского руководства, осветил в данном случае лишь одну сторону вопроса, а именно то, что Индия протестует против мер, проводимых исламабадским правительством в Восточном Пакистане, и выступает в поддержку освободительного движения в Бенгалии. Однако о том, что же в действительности там произошло, комментатор в своей статье не упоминал, но читатель мог кое о чем догадываться хотя бы из такого рода замечаний: «Меры, предпринятые Яхья Ханом в связи с ныне сложившимся положением в Пакистане, являются внутренним делом этого государства, и в них ни одна страна не имеет права вмешиваться». Действия, предпринятые индийским правительством в целях приостановления кровопролития, а также в интересах политического урегулирования, и в первую очередь освобождения шейха Рахмана, китайская газета описывала

следующим образом: «Индийское правительство лихо-радочно плетет интриги ради международного вмеша-тельства, заигрывая с двумя сверхдержавами». (В это время США еще проявляли двойственное отношение только позже стало ясно, что они точно так же, как и Китай, стремились к поддержке антинародного режима Яхья Хана.) В сообщениях индийской прессы о собы-тиях в Восточном Пакистане, согласно китайской ин-терпретации, находило выражение то, что «индийские реакционеры подключили весь свой пропагандистский аппарат для разжигания шовинистических настроений против Пакистана... Все эти крайние действия вновь разоблачают экспансионистские черты индийских реак-ционеров».

«ОБЪЕКТИВНАЯ» ПУБЛИКАЦИЯ

Китайская пресса относительно осторожно касалась прочих международных аспектов этого конфликта. Так, например, она без каких-либо комментариев сообщила об обмене в первых числах апреля посланиями между Н. В. Подгорным и Яхья Ханом. (Несколькими меся-цами позже она квалифицировала мирное послание (об-ращение), направленное Н. В. Подгорным, как вмеша-тельство во внутренние дела Пакистана.) Принимая во внимание то, что Советский Союз являлся постоянной мишенью для китайской критики, а Пакистан рассмат-ривался как союзник и что публикация посланий не сопровождалась специальными комментариями, китай-ская служба информации тем самым давала понять, на чьей стороне она стоит. Например, «Пекин ревью» со-общил об обмене посланиями под таким заголовком: «Пакистан полон решимости не допустить вмеша-тельства какой-либо страны в свои внутренние дела», доба-вив при этом следующий подзаголовок: «Президент Пакистана Яхья Хан отвечает Председателю Прези-диума Верховного Совета СССР Подгорному». И только после этого было помещено обращение Н. В. Подгор-ного. Во всяком случае, после опубликования обращения главы советского государства китайский читатель смог получить какое-то представление о том, что же на са-мом деле произошло, ибо Н. В. Подгорный в своем обра-

щении ссылался на арест Рахмана и призывал к прекращению кровопролития.

После опубликования посланий и некоторых сообщений из Пакистана в китайской печати наступило длительное молчание, так как читатель даже на основании исламабадских сообщений мог уже почувствовать весь драматизм событий, разразившихся в Восточном Пакистане. Одновременно Китай, как мы уже упоминали, был еще и заодно с маоистскими движениями в Бенгалии, а поэтому и не старался высказывать своего подлинного мнения относительно существования происходящих событий. Так, китайская пресса вообще ничего не сообщала об углублении конфликта, о фантастическом потоке беженцев, направляющихся в Индию. В течение долгого времени она не информировала и о советско-индийском договоре.

Сам конфликт китайская пресса вновь начала освещать только тогда, когда бывший пакистанский министр иностранных дел Бхутто по поручению лидера Народной партии Яхья Хана в первых числах ноября 1971 года выехал в Пекин для того, чтобы обратиться за помощью к китайским руководителям. В то время средства массовой информации КНР старались всячески смягчить заявления пакистанских политиков, а также очень осторожно высказывали свое мнение и по вопросу «территориальной интеграции» соседнего государства, хотя министр иностранных дел КНР Цзи Пэнфэй и заявил, что, поскольку Пакистан «подвергается иностранной агрессии», Китай окажет ему «решительную поддержку». Примечательно, что в ходе индийско-пакистанского вооруженного конфликта, да и позднее эта «решительная поддержка» проявлялась главным образом словесно, а именно в антисоветских выступлениях делегации КНР, прибывшей в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН.

Китайская пропаганда, исходя главным образом из своих основополагающих критериев, совершенно очевидно считала, что разделение Пакистана до сих пор вело к отвечающему интересам пекинского руководства нарушению равновесия сил на субконтиненте. А, учитывая, что Советский Союз оказывал Индии значительную поддержку и тем самым способствовал рождению Народной Республики Бангладеш, что, следовательно, вело

к усилению влияния и повышению авторитета СССР в данном районе земного шара, китайская пропагандистская машина неистово начала пападки как на политику Индии, так и Советского Союза. Умолчав, по существу, о предшествующих событиях, она с легкостью интерпретировала эту войну как «неприкрытую агрессию индийских экспансионистов, поддерживаемую советским социал-империализмом» и направленную на аннексию части территории суверенного Пакистана!

О ЧЕМ НЕ ГОВОРИЛИ

Пекинская пресса ничего не писала о том, что произошло в Пакистане, и о том, что бенгальцы действительно вели неравными силами «народную войну» против захватнической армии, присланной из лежащей более чем за 1500 километров от них и говорящей на другом языке части страны, — против армии, устроившей песьханное кровопролитие. Все то, что происходило внутри границ Пакистана, Пекин считал внутренним делом этого государства даже тогда, когда события переросли пределы его территории, например когда миллионы беженцев, хлынувшие в Индию, подвергли серьезной опасности и нарушили жизнь, внутренний порядок соседней страны.

Поскольку эти вопросы все же невозможно было оставить без внимания, то китайская пропагандистская машина в конце концов постаралась дать на них ответ с помощью проведения фальшивой аналогии. Говоря, например, о проблеме беженцев (хотя никогда не сообщая никаких данных о количестве беженцев), комментатор «Жэньминь жибао» 6 декабря писал следующее: «Каждый знает, что так называемая проблема беженцев является следствием того, что индийское правительство нагло вмешалось во внутренние дела Пакистана» (!). В связи с тем, что китайская пресса не сообщила количественных данных о беженцах, у читателя не могла возникнуть мысль о том, что вмешательством извне едва ли можно объяснить бегство десяти миллионов человек, к тому же еще в Индию, вмешавшуюся во внутренние дела Пакистана! Китайская пресса не поместила также ни одного репортажа или сообщения о по-

ложении в лагерях беженцев; таким образом, нельзя было понять, что только поистине крайние обстоятельства могли вынудить людей покинуть свои дома, родную землю и избрать для себя удел ужасной нищеты в лагерях.

Газета «Жэньминь жибао» сравнивала вопрос о восточнопакистанских беженцах с проблемой тибетцев, бежавших в Индию во время восстания в Тибете, и эту фальшивую аналогию преподносила следующим образом: «Разве не индийские реакционеры более чем десять лет назад создали так называемый вопрос о тибетских беженцах? Когда восстание рабовладельцев, которое они организовали в Тибетском автономном районе Китая, провалилось, более 10 тысяч жителей Тибета — граждан КНР было угнано в Индию и данный инцидент был использован для проведения ожесточенной антикитайской деятельности». Представитель КНР в ООН Хуан Хуа прямо спросил о том, что неужели Индия хотела бы использовать вопрос о тибетских беженцах также «для агрессии против Китая».

Китайская пропаганда, например комментатор «Жэньминь жибао» в статье, опубликованной 7 декабря и отвергающей заявление ТАСС от 5 декабря, сравнивала Народную Республику Бангладеш с марионеточным государством Маньчжоу-Го, созданным японцами на оккупированной ими китайской территории. Сравнение было абсолютно надуманным, ибо если китайская государственность имеет тысячелетнюю историю, а Маньчжоу-Го было искусственным государственным образованием японских империалистов, то расположенные друг от друга на расстоянии более 1500 километров Восточный и Западный Пакистан были объединены английским империализмом в единое государство на чисто религиозной основе в целях ослабления Индии. Именно события 1971 года доказали, что одна религия не является основой для создания государства, а бенгальский народ не изъявлял желания, чтобы ему была навязана тирания господствующего класса урду. Однако какие ассоциации и рефлексывывало это сравнение у китайского читателя, для которого все эти факты были малоизвестны, в то время как он хорошо знал, что такое Маньчжоу-Го. Историческую же подоплеку не могли оценить даже и те, кто получал более подробные сведения со страниц «информацион-

ного бюллетеня», ведь редакторы этого издания выбрали не те статьи, которые доказывали справедливость дела бенгальского народа. На этом примере также выяснилось, что «информационный бюллетень» редактируют «наверху», используя весьма односторонний подход и различного рода манипуляции.

ЦЕЛЬ: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

И в связи с событиями, касавшимися Пакистана, китайская пропаганда с наиболее резкими нападками выступала против Советского Союза, на свой лад оценивая тот факт, что советско-индийский договор упрочил положение Индии против необузданных действий военной администрации Пакистана. Например, представитель КНР на заседании Совета Безопасности 5 декабря 1971 года, используя шаблонную «доктрину сверхдержав», говорил о том, что целью Советского Союза, оказывающего поддержку Индии, является не что иное, как «распространение своего влияния» на Южноазиатский субконтинент и Индийский океан для того, чтобы использовать это в борьбе с другой «сверхдержавой» за мировую гегемонию. Следовательно, выступление американской администрации в данном конфликте на стороне Пакистана отнюдь не создало никаких проблем руководителям китайской пропагандистской кампании. У них не возникала мысль о том, что, противостоя воле бенгальского народа, они тем самым попали в один лагерь с Вашингтоном.

Поскольку и в китайских основополагающих документах классовый анализ соотношения сил был подменен «доктриной сверхдержав», возникшей в результате политических инспираций Пекина, то и по конкретным вопросам руководителей китайских органов пропаганды также волновало не то, что усиливаются или ослабляются позиции и возможности прогрессивных сил в классовой борьбе на международной арене, а то, как события в мире воздействуют на позиции «сверхдержав» и, естественно, на устремления националистической и антисоветской внешней политики Китая.

Поддержка китайским руководством кровавого военного режима Пакистана поразила даже самых предан-

ных сторонников Пекина в других странах. В то же время большое удовлетворение у западных политиков вызвал метод, с помощью которого делегация КНР в ООН полемизировала с делегациями Советского Союза и других социалистических стран относительно событий на Южноазиатском субконтиненте. Дипломаты капиталистических государств, голосовавшие за восстановление законных прав КНР в ООН, вероятно, потирали от удовольствия руки, ибо пекинская делегация нападала во всемирной организации на права социалистических стран и главным образом на права нового развивающегося азиатского государства!

В августе 1972 года Китай по вопросу о приеме Народной Республики Бангладеш занял обособленную позицию в ООН и в конце концов впервые воспользовался своим правом вето именно для того, чтобы это молодое государство оказалось вне всемирной организации. У себя в стране пекинское руководство представило это как образец «принципиальной политики». Данный шаг Китая передовая статья «Жэньминь жибао» комментировала под заголовком «Мы отстаиваем свои принципы и выступаем за справедливость». В то время как весь мир с удивлением комментировал тот факт, что право вето использовала именно та страна, которая сама в течение более двух десятилетий была лишена права участвовать в работе ООН, газета «Жэньминь жибао» воспользовалась этим случаем для новых нападок на Советский Союз.

Китайская пресса полностью оставила без внимания то, что автором предложения о приеме в ООН Народной Республики Бангладеш был даже не СССР (советский делегат только заверил организацию в своей поддержке данной инициативы). Право вето, как известно, вытекает из статуса великой державы, когда же об этом напоминали китайским политикам, то они давали следующий ответ: «Господа советские ревизионисты, именно вы — те люди, которые по всему миру совершают всевозможные злодеяния и таким образом обнажают свой отвратительный облик». Другими словами, вся китайская «аргументация» сводилась здесь к одному: «что бы ты ни сделал, все равно останешься злодеем».

Пекинским политикам, конечно, приходилось считаться с тем, что вышеуказанные шаги могут привести

к тяжелым политическим последствиям на субконтиненте. Китайская печать именно поэтому пыталась представить дело так, что она выступает не против Народной Республики Бангладеш, а против позиции Советского Союза. Статья «Жэньминь жибао» заканчивалась такими словами: «Китайский народ питает глубокие дружеские чувства к народам субконтинента». В свою очередь Цяо Гуань-хуа, выступая на заседании сессии Генеральной Ассамблеи ООН 3 октября 1972 года (уже после использования права вето), заявлял, что «Китай питает дружеские чувства к народу Восточной Бенгалии и не испытывает никаких предубеждений в отношении шейха Муджибура Рахмана».

Итак, после вето сразу же последовали «дружеские» слова, хотя упоминание о Восточной Бенгалии вновь свидетельствовало о недобром умысле. Пекин уже не говорил о Восточном Пакистане, однако не упоминал и Народную Республику Бангладеш. Восточная Бенгалия вновь упоминалась только для того, чтобы задеть Индию, ибо Западная Бенгалия являлась провинцией Индии. Конечно Муджибур Рахман и народ Бангладеш, по-видимому, оценивали чувства Китая, а вернее, чувства китайского руководства, исходя не из слов Цяо Гуань-хуа, а конкретных поступков представителя КНР в ООН Хуаи Хуа, воспользовавшегося правом вето.

БРЕЙ И «ЖЭНЬМИНЬ ЖИБАО»

Известно, что вопрос о восстановлении законных прав КНР в ООН вызвал особый интерес у мировой общественности, по сути дела, после голосования, состоявшегося на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 1970 года. Ведь тогда впервые за 20 лет получило большинство голосов предложение о восстановлении законных прав КНР в ООН. В то время этот результат (более 50 процентов, не менее 67 процентов голосов) был недостаточен для решения данной проблемы, поскольку накануне благодаря ухищрениям американцев сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию о том, что «любое предложение об изменении представительства Китая является «важным вопросом», для принятия

решения по которому необходимо большинство в $\frac{2}{3}$ участвующих в голосовании членов ООН».

В результате этого голосования стало ясно, что время работает на Пекин и позиция Вашингтона все более и более становится несостоятельной. Поскольку Никсон уже интенсивно занимался разработкой нового политического курса по отношению к Китаю, в американской администрации верх взяли такие взгляды, что в интересах сохранения в ООН членства тайваньского режима в дипломатической деятельности необходимо отойти от тактики обороны, которая практически себя исчерпала и становилась все более и более несостоятельной, и перейти к выработке нового политического курса.

Таким образом, политика США стала в это время постепенно перестраиваться, отходя от концепции, согласно которой существует один Китай и его представляют тайваньские чанкайшисты, к концепции двух Китаев или по крайней мере существования двух равнозначных законных китайских правительств. На этой основе Вашингтон пытался начать диалог с Пекином. Для КНР ввиду того, что после окончания гражданской войны первоочередной национальной задачей являлось освобождение Тайваня, вышеуказанная принципиальная основа, естественно, была непримлема.

Представитель госдепартамента по вопросам печати Чарльз Брейн на пресс-конференции 28 апреля 1971 года заявил, что вопрос о суверенитете Тайваня является «нерешенной проблемой, которую необходимо урегулировать на международной основе» и в этом отношении к определенной договоренности должны прийти «два китайских правительства». (Не следует забывать, что это американское заявление прозвучало уже после «пингпонговой дипломатии», когда появилась известная статья Сноу о том, что Мао был бы рад видеть Никсона в Китае.) Комментатор «Жэньминь жибао» 4 мая, то есть спустя неделю, реагировал на это следующим образом: «Заявление Брея является новым доказательством вины американского правительства, заключающейся в паглом вмешательстве во внутренние дела Китая, а также в поддержке паспльственной оккупации Тайваня, законной территории Китая, и во враждебном отношении к китайскому народу».

Китайская гибкость, выразившаяся в приглашении в КНР американской команды по пинг-понгу, не имеет отношения к разрешению кардинальных спорных вопросов, стоящих между двумя странами, предупреждал на свой лад этот китайский комментатор. И в дальнейшем мы также могли быть свидетелями этой двойственности: в то время, как китайско-американские контакты становились все более интенсивными, в своих заявлениях, носящих принципиальный характер, китайцы неизменно резко критиковали политику США. Вплоть до приезда Никсона в Пекин, а собственно говоря, даже и в совместном коммюнике, подписанном в Шанхае, хотя и в более вежливой форме, продолжалась полемика. 2 августа американцы изложили в ООН свою принципиальную позицию, согласно которой в будущем есть необходимость в том, чтобы КНР была представлена во всемирной организации, но в то же время следует препятствовать исключению из нее Китайской Республики (чанкайшистской клики). Правительство КНР в опубликованном 20 августа заявлении назвало этот американский план «заговором администрации Никсона» и объявило, что «правительство КНР ничего общего не будет иметь с ООН, если в ней сложится такое положение, когда будут представлены «два Китая» или «один Китай, один Тайвань», а также если будет провозглашено, что «статус Тайваня нельзя изменить», или же сложится какая-либо аналогичная ситуация».

В то же время китайская пресса обеспечила широкое освещение проекта резолюции, представленного Албанией и еще 16 странами, который связывал восстановление законных прав КНР с удалением представителей Чан Кай-ши из ООН и всех ее органов.

Не следует забывать, что внесение американской резолюции и реакция на нее Китая последовали уже после визита Киссинджера в Пекин и объявления о приглашении Никсона в КНР. Понятно, что сообщение о предстоящем визите американского президента в Пекин напугало союзников США и заставило воздержаться от единогласной поддержки позиции Вашингтона, на которую с такой яростью нападали китайское руководство. Было совершенно очевидно, что, в то время как американцы могли позволить себе лидировать в процессе сближения с Китаем и одновременно проводить в ООН

политику, неприемлемую для КНР, другие страны, руководители которых не были приглашены в Пекин, не могли рассчитывать на сохранение такой двойственности в американской политике.

ОСОБЫЕ КРИТЕРИИ ОТНОШЕНИЯ К САТО

Характерно, что японское правительство Сато поддержало проект резолюции США, внесенный 22 сентября 1971 года относительно двойного представительства Китая в ООН, лишь после разрешения затянувшегося внутривнутриполитического кризиса. Комментатор газеты «Жэньминь жибао» посвятил этому статью, осуждающую не только американский проект резолюции, но и решение Японии о поддержке вышеуказанного проекта. Уже в первой фразе этой статьи подчеркивалось, что «американское правительство, действуя заодно с реакционным правительством Сато, вылезло со своим проектом резолюции». Статья заканчивалась тем, что «все ухищрения американского империализма, направленные против китайского народа, неизбежно потерпят позорный провал». Китайская пресса прямо предупреждала главу японского правительства: «Поскольку Сато, отстаивая свой политический курс, идет против хода истории, то он сам себя уничтожит, ибо, как гласит пословица: «Не рой другому ямы, сам в нее упадешь». Это звучало довольно недружественно. Однако китайское руководство в то время с полным основанием исходило из того, что дни Сато уже сочтены¹.

Китайская пресса едва упомянула о явном маневрировании американцев в ООН, шумной кампании, предпринятой Бушем и Роджерсом, повороте в ходе дискуссии на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН, различных сообщениях по этому поводу в мировой печати. О втором визите Киссинджера в Пекин, который совпал с решающим моментом дискуссии в ООН, на страницах китайской прессы появилось лишь несколько сообщений и фотографий протокольного характера. Вместе с тем во всем мире оживленные толки вызвало время, вы-

¹ На смену ему пришел кабинет Такаки, а с декабря 1974 г. премьер-министром Японии стал Такэо Мики.— *Прим. ред.*

бранное для официального визита в Пекин помощника президента по вопросам национальной безопасности¹, которое напомнило некоторым колеблющимся делегатам в стеклянном дворце ООН, что в одной части земного шара американцы произносят страстные речи в защиту Чан Кай-ши, а в другой ведут переговоры с Чжоу Эньлаем. Китайский читатель ничего не мог знать обо всем этом так же, как и о содержании выступлений на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, ибо его об этом не информировали. Китайское руководство, очевидно, хотело сначала дождаться исхода данной дискуссии, а уже затем представить народу более подробный отчет о ней. Китайская пресса со своей стороны сообщила о начале дискуссии на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, опубликовав только выступление на ней албанского представителя.

НАСТАНЕТ ВРЕМЯ И ДЛЯ СЕНСАЦИЙ

По пекинскому времени голосование по проекту резолюции о восстановлении законных прав КНР в ООН состоялось утром 26 октября 1971 года, а несколько позднее с аэродрома китайской столицы поднялся спецсамолет, на борту которого находился Киссинджер. В этот момент уже было известно, что «американский» проект резолюции потерпел провал. Однако пекинская служба информации в течение нескольких часов хранила молчание. Наконец, китайский народ последним узнал о победном завершении длительной дипломатической борьбы, которую вела его страна (вряд ли кто-либо вспомнил о том времени, когда в начале 60-х годов Китай с презрением говорил об ООН и торопил с созданием новой «революционной ООН»). Вечером 26 октября китайские руководители на банкете впервые заявили о событии большой важности: министр иностранных дел Цзи Пэн-фэй в своем тосте дал оценку этому событию. На следующий день в газетах данная оценка была представлена как позиция правительства.

Особенность китайского информационного аппарата заключается в том, что он дает понять важность того

¹ Генри Киссинджер позднее стал также государственным секретарем США.— *Прим. ред.*

или иного события чаще всего не с помощью оперативных сенсационных сообщений, а путем публикации в дальнейшем большого числа материалов об этом событии. О восстановлении законных прав КНР в ООН вначале появился только подробный отчет, затем правительственное заявление, а несколько позже важность данного события была подчеркнута в сообщении о торжественных проводах китайской делегации, направляющейся в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. В течение двух дней «Жэньминь жибао» отводила целые страницы публикации полных текстов выступлений в ООН, в которых представители различных стран приветствовали китайскую делегацию. Таким образом среди масс формировалось представление о важности этого события.

Впрочем, характерно, что китайское руководство, несмотря на то что Советское правительство с самого начала последовательно отстаивало права законных представителей китайского народа в ООН, не упустило данного случая для того, чтобы поставить Советский Союз на одну доску со странами, которые в течение двух десятилетий вели борьбу против восстановления законных прав КНР во всемирной организации. «Жэньминь жибао», комментируя результаты голосования, в передовой статье 28 октября 1971 года с полным правом констатировала, что они говорят о банкротстве американской политики (другой вопрос, конечно, что американская политика в этой области потерпела банкротство значительно раньше, а комедия, разыгранная в ООН, на сей раз, скорее, послужила для того, чтобы сохранить у союзников вашингтонской администрации видимость мнимого благополучия). Несомненно также и то, что, как писала китайская газета, этот результат явился победой народов мира и стран, выступавших в защиту справедливости. В передовой статье перечислялись страны, которые были соавторами проекта резолюции, внесенного Албанией, а также выражалась благодарность всем делегациям, которые голосовали за эту резолюцию. Дружба с китайским народом — это «неудержимый ход истории», констатировала газета, а затем следовал неожиданный поворот: «Итоги голосования отражают также и то, что все большее число стран выступает против вызывающих действий американского империализма, против

навязывания им своей воли другим народам. Теперь одной или двум сверхдержавам будет все труднее монополизировать эту организацию и манипулировать в ней» (мы знаем, что «одна или две сверхдержавы» в пекинском словаре означают Соединенные Штаты Америки и Советский Союз).

Что бы ни случилось, китайская пропаганда всегда ищет способ каким-то образом очернить Советский Союз. В статье, кроме американцев, фигурирует еще один обвиняемый, названный по имени — правительство Сато. В заключительных словах статьи выражается не удовлетворение достигнутым успехом, а предупреждение о том, что американские и японские реакционеры еще попытаются поддержать «движение за независимость Тайваня».

«До тех пор пока американские и японские реакционеры продолжают плести свои заговоры, китайский народ ни на один день не прекратит борьбу против интриг, предусматривающих представительство в ООН «двух Китаев», или «Китая и Тайваня». Китайский народ полон решимости освободить свою священную территорию — Тайвань. Тайвань непременно будет возвращен своей родине!»

Естественно, изгнание чанкайшистов из ООН китайское руководство рассматривает лишь как один бой, выигранный в дипломатической войне за Тайвань.

ОБЯЗАННОСТЬ ВЫСКАЗЫВАТЬ СВОЕ МНЕНИЕ

Членство во всемирной организации, естественно, создало для Китая во многих отношениях новую ситуацию: раньше он должен был высказывать свое мнение лишь по тем вопросам, по которым он считал это необходимым или желательным, однако теперь он должен был изо дня в день занимать позицию по многим конкретным вопросам. Тот языковой стиль, который использовался внутри Китая или в лучшем случае для вдохновения маоистских движений, для ООН явно не подходил.

Китайское руководство тщательно изучило данный вопрос, прежде чем направить в Нью-Йорк делегацию

во главе с Цяо Гуань-хуа. Руководитель китайской делегации использовал известные китайские концепции с некоторыми изменениями, принимая во внимание при формулировании тех или иных положений время и место их применения. Характерно, что высказывания Мао глава китайской делегации в ООН Цяо Гуань-хуа не ставил в кавычки и не ссылался на их автора, ибо делегации этой всемирной организации не привыкли к тому, чтобы при самой обычной констатации тех или иных фактов цитировался Мао. Китайские же читатели, естественно, хорошо знали, что если глава китайской делегации заявил, что еще существует опасность новой мировой войны, по основной тенденцией в мире является революция, то в этом случае он процитировал заявление Мао от 20 мая 1970 года.

Мы вышли бы за рамки нашего исследования, если бы стали анализировать первые выступления делегации КНР на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Здесь достаточно напомнить о том, что несколько позже, после относительно сдержанного выступления Цяо Гуань-хуа, в котором он заявил о принадлежности КНР к «третьему миру», китайская делегация в связи с индо-пакистанским конфликтом начала в стенах всемирной организации неслыханную по остроте антисоветскую кампанию, не останавливаясь даже перед личными оскорблениями. Страницы китайской прессы в течение ряда недель были заполнены такого рода выступлениями и статьями.

В связи с восстановлением законных прав КНР в ООН стоит вернуться к тому, как публиковались в Китае приветственные выступления в ООН представителей различных стран по поводу вышеуказанного события. По этому случаю каждый выступающий, естественно, произносил по крайней мере вежливую, в целом теплую речь. Всего выступило 56 человек. Все выступавшие высказывали свое мнение о Китае, говорили о том, чего ожидают от китайской делегации, включившейся в деятельность ООН. В выступлениях тех времен чаще всего не использовались формулировки китайской пропаганды, не упоминалось о ее целях. Нельзя не отметить, что отдельные ораторы говорили о 700, другие о 750, 800 и даже 850-миллионном китайском народе. Один выступивший, основываясь на каком-то загадочном ис-

точнике, заявил, что население Китая составляет не менее 816 миллионов человек. В Китае же официально в течение многих лет говорили о 700-миллионном населении страны. Однако китайская пресса поместила все эти отличные друг от друга данные, передавая тем самым, что думает мир по данному вопросу. Один из ораторов (надо же было сказать такую неприятную вещь!) назвал Китайскую Народную Республику «сверхдержавой». Китайские газеты без каких-либо комментариев опубликовали и данный тезис. Все это было, однако, незначительной платой за то, что население Китая таким образом могло узнать оценку китайского народа, КНР и китайского руководства, хотя кто бы использовал в иных целях момент приветствия большой страны и ее народа? Кто бы стал подчеркивать в такое время существующие расхождения во взглядах или имевшие место конфликты? 56 выступлений явились совместным хвалебным гимном китайскому народу, даже если они и имели различную политическую и философскую окраску.

Но о такого рода приветствии со стороны других государств китайское руководство (хотя об этом следовало бы сделать только самый незначительный намек) сообщило своему народу как о признании, выраженном в его адрес. Пекинское издательство литературы на иностранных языках издало эти 56 выступлений отдельной брошюрой на нескольких языках под заголовком «Ход истории нельзя задержать».

Глава 6 В ОЖИДАНИИ НИКСОНА

Мы уже могли видеть, как китайская пропаганда встраивает элементы действительности в здание созданного ею мира, самостоятельно решая, о чем ей сообщить с помощью фактов, о чем — с комментариями, о чем — в искаженном виде и о чем вообще ничего. Однако что же происходит, когда ей приходится публиковать материал, противоположный существовавшему до сего времени мнению. Механизм изменений в пропаганде перед визитами Никсона и Танаки в Пекин во многих отношениях был идентичным. Поэтому остановимся лишь на одном из них.

ДО ПРИБЫТИЯ ЭДГАРА СНОУ

Действия аппарата китайской службы информации в такой ситуации (в плане мировой политики) можно нагляднее всего проследить в связи с визитом Никсона в Пекин.

КНР в течение 22 лет своего существования считала своим врагом номер один США, в соответствии с чем все американские правительства в этот период подвергались мощному огню критики в китайской печати. Причиной для нападок служили сами действия американской администрации, так как основная цель политики США в Азии заключалась в «сдерживании» китайского коммунизма. К этому они стремились уже непосредственно в конце второй мировой войны, когда пытались достичь компромисса на организованных при их помощи переговорах между Чан Кай-ши и Мао Цзэ-

дуном в Чунцине (в пользу первого). Затем, когда наступил разрыв, США поддерживали Чан Кай-ши против Красной армии Китая. Американцы препятствовали освобождению Китайской Народной Республики части ее территории — острова Тайвань. А когда во время войны в Корее КНР послала своих добровольцев на помощь КНДР, США направили в этот район свой 7-й флот. «Сдерживание китайского коммунизма» было основной целью и той системы союзов в Азии, которую построил вокруг Китая еще Даллес (тот самый Даллес, который на Женевской конференции 1954 года не захотел даже пожать руку Чжоу Энь-лаю, когда случайно встретился с ним в одном из залов конференции). США помешали своим союзникам признать КНР. С помощью США вновь встала на ноги и превратилась в экономическую державу номер один в Азии Япония, войска которой в 30—40-х годах поработили значительную часть Китая, а еще ранее, в 1895 году, во время китайско-японской войны, отторгли от него Тайвань.

Изменения начались с того, что в конце шестидесятых годов китайская печать уже с равной силой, более того, иногда с бóльшим усердием нападала на Советский Союз и его политику, чем на США. Вашингтонская администрация по мере развертывания китайской политики, направленной против СССР и социалистического содружества, учтя предоставившиеся возможности, постепенно начала пересмотр своей политики в отношении Китая.

Однако непосредственно до китайского читателя (читателя «Жэньминь жибао») мало что дошло об изменениях в американской политике. Пекинская печать ничего не сообщала о жестах администрации Никсона. Как в таких условиях простой китаец узнал о визите американского президента? Каким образом пекинская информационная машина объяснила это событие, удивившее весь мир? В информационном бюллетене закрытого характера в апреле 1971 года было опубликовано интервью Мао Цзэ-дуна Эдгару Сноу, в котором уже шла речь о возможности приглашения Никсона. Довольно общепознанным является тот факт, что на основе вышеуказанного интервью и других распространенных среди активистов документов среди китайского населения была организована методическая агитация

с целью объяснения причин визита. Таким образом, в распоряжении кадровых работников, агитаторов имелись две статьи Сноу о беседах с Мао, ряд интервью Чжоу Энь-лай западным журналистам (которые китайская пресса также не публиковала), статьи ведущих американских и других публицистов о предпосылках и значении визита Никсона. На основе этих материалов и устных разъяснений весной 1971 года после приглашения в Пекин американских игроков по настольному теннису были организованы митинги на улицах, собрания небольших групп, где проводилась соответствующая информационная работа. Ясно одно: поворот в политике был настолько резким, что такого рода разъяснения были крайне необходимы. Нас же прежде всего интересует то, как освещался визит Никсона в официальных, открытых информационных материалах.

Мы уже могли понять из предыдущих глав, что в китайской пропаганде всегда делалось различие между американским народом и официальными правительственными кругами.

Органы печати всегда с симпатией, в соответствии с китайскими представлениями и пожеланиями, писали об американском народе как об однородной массе, который (как все живущие в капиталистических странах угнетенные народы, по сообщению китайских газет) ведет неутомимую «героическую борьбу» против своего господствующего класса. Черты этого отвлеченного понятия — американский парод — формируются на основании обработанных в соответствии с целями китайской пропаганды самых различных сообщений о движениях протеста, которые якобы в целом охватывали почти всех граждан США.

В качестве примера можно привести цитату из опубликованной в 1970 году в третьем номере журнала «Пекин ревью» статьи «Размах революционного движения масс в США в шестидесятых годах»:

«Американский народ постепенно освободился от бремени «пацифизма» и «реформизма» и избрал путь противопоставления революционного насилия контрреволюционному. Это является существенным доказательством того, что в шестидесятых годах у американского народа родилось новое самосознание. Особенно интенсивно и быстро в этот период ширилась вооруженная

борьба афроамериканцев (негритянского населения. — *Прим. авт.*) против насильственного подавления. Самосознание афроамериканцев еще больше укрепилось после 1963 года, когда наш великий вожьд Мао Цзэ-дун опубликовал «Заявление о поддержке справедливой борьбы афроамериканцев против политики расовой дискриминации, проводимой американским империализмом». Они вели героическую борьбу против расовой дискриминации».

Таким образом, в китайской статье заявление Мао, если не в качестве причины, то по крайней мере по времени, связывается с обострением борьбы американских негров. А «американский народ» в конечном итоге изображается на страницах печати в качестве непосредственного союзника Китая в его политике. Лучшие представители американского народа действительно всегда выступали против политики угнетения, проводимой правящими кругами, выступали в том числе и против антикитайского курса. Однако нарисованная Пекином преувеличенная картина конфликта между народом, поднимающимся на героическую борьбу, и правящим эксплуататорским классом является слишком упрощенной. В то же время китайская печать постоянно сообщала о заявлениях симпатизирующих Китаю «американских друзей», часть которых живет в Пекине, а часть приезжает туда.

Среди «американских друзей» были такие писатели, как, например, Эдгар Сноу, который вошел в доверие лично китайских руководителей, когда в 1936 году, прорвавшись через блокаду гоминьдановцев, оказался первым западным журналистом, написавшим о красной власти в Китае. Действительно и то, что, несмотря на дружеские чувства, Сноу всегда сохранял независимость мышления и время от времени выступал с критическими замечаниями. В период «великой пролетарской культурной революции» он не получил даже визу на въезд в Китай. Многие «американские друзья» Китая жили в Пекине, как, например, Анна Луиза Стронг, в интервью с которой Мао впервые развивал свою теорию о том, что «империалисты и все реакционеры — бумажные тигры». Всего несколько десятков американцев, покинувших по различным причинам США, поселились в Китае. Несколько человек прибыли в качестве

представителей различных американских прогрессивных или маоистских движений, несмотря на запрет правительства США.

Осенью 1970 года Эдгар Сноу вновь приехал в Пекин в качестве «гостя» Китая. Ему была предоставлена возможность поехать по стране, взять интервью у Чжоу Энь-лая. Однако то, что Сноу встречался и беседовал с Мао Цзэ-дуном сначала на трибуне (в числе других зарубежных гостей) на площади Тяньаньмынь, а затем в декабре 1970 года — в кабинете Мао, представило интерес и для простого китайца, хотя в печати публиковалось сообщение лишь о самих фактах встреч и ничего о содержании состоявшихся бесед.

НИЗШАЯ ТОЧКА?

В то же время китайская печать ничего не писала о зондирующих шагах американской администрации, предпринимаемых с целью разработать конкретные пути улучшения отношений с Китаем.

Официальные связи в этот период находились на низшей точке. Возобновившиеся после многолетнего перерыва в начале 1970 года китайско-американские переговоры на уровне послов ограничились двумя встречами в Варшаве, а после переворота в Камбодже были прерваны. В феврале 1971 года, во время начавшегося наступления армии южновьетнамских наемников, поддерживаемого американцами, в китайской столице состоялась полумиллионная демонстрация протеста против США, ибо Пекин подозревал, что вышеуказанное наступление имеет своей целью вторжение в сферу китайских интересов в Северном Лаосе. Комментатор «Жэньминь жибао» предупредил непосредственно американского президента: «Не теряй голову, Никсон!» (Таков был заголовок статьи.)

По мнению наблюдателей в Пекине, под комментатором, подписывающим статьи в «Жэньминь жибао», обычно скрывается высокопоставленный китайский руководитель (по крайней мере как инициатор и редактор статей). И если учесть, например, события различного уровня, имеющие место в области китайско-американских отношений, то вышеуказанная статья с коммен-

тариями к ней, несомненно, подтверждает такую точку зрения. Эта статья комментатора была адресована как китайскому общественному мнению, так и Белому дому, но имела два разных значения.

Вышеупомянутая статья, опубликованная 20 февраля 1971 года, называла президента США «главарем американских империалистов» (в тот период «Жэньминь жибао» уже редко пользовалась такими терминами в отношении Никсона), подчеркивая, что заявления Никсона в связи с наступлением в Лаосе «разоблачили его дьявольскую натуру поджигателя войны». В то же время Никсон на пресс-конференции, состоявшейся 17 февраля 1971 года, на которую и реагировала «Жэньминь жибао», отмечал, что южновьетнамский режим решаст вопрос, предпринимать ли ему вторжение в Северный Вьетнам. Он заявил далее, что не будет ограничивать использование ВВС США. Однако он заметил, что акция в Лаосе не представляет опасности для Китая; в частности, сказал: «Я не думаю, чтобы у Китая... были какие-либо основания для ответной реакции». Ответ китайской газеты был следующим: «Попытка Никсона связать руки китайскому народу, поддерживающему лаосский и другие индокитайские народы, никогда не сможет достичь цели. Лаос находится не на северо-западе Европы и не в Южной Америке, а в северной части Индокитая. Лаос и Китай связывают одни и те же горы и реки, а также общая граница протяженностью в несколько сот километров. Никсону не следовало бы терять голову и забывать о таких простых географических понятиях. Распространяя пламя агрессивной войны до границ Китая, американский империализм серьезно угрожает ему. Китайский народ не может оставаться безразличным к таким бешеным агрессивным действиям американского империализма. Китайский народ обладает богатым опытом борьбы против американского империализма, и мы очень хорошо знаем, как нужно обращаться с американскими агрессорами. Нам следует вновь предупредить Никсона: 700-миллионный китайский народ не допустит, чтобы он свободно бесчинствовал в Индокитае».

Если учесть, что статья напоминает также о том, что, по мнению американской печати, Никсон следует по тому же пути, что много лет назад администрация

Трумэна в Корее, становится очевидным смысл предупреждения, сделанного лично Никсону: войска Трумэна в Корее в конечном итоге встретили сопротивление со стороны китайских добровольцев.

Заметим, однако, что почти через год после предупреждения, сделанного комментатором, Никсон встретился с Чжоу Энь-лаем на пекинском аэродроме. Американского президента приветствовал почетный караул, то есть части той самой Народно-освободительной армии, артиллерия которой через день (хотя и символически) стреляет по чанкайшистам, вооруженным и поддерживаемым американцами.

Американский президент мог прочитать февральскую (1971 год) статью в «Жэньминь жибао» иначе, чем китайское население. Китайского читателя статья комментатора прежде всего предупреждала о том, что положение тяжелое: Китаю угрожает новая волна американской агрессии, поэтому нужно быть наготове. Однако Никсон через Сноу уже явно знал о предложении Мао. Советники, вероятно, обратили внимание Никсона на то, что Китай расценил бы расширение военных действий в Лаосе или нападении на Демократическую Республику Вьетнам как вторжение в сферу его интересов, как «угрозу Китаю», что ликвидировало бы представившуюся возможность визита в Китай, более того, вызвало бы опасность конфронтации двух стран.

Через несколько дней после опубликования вышеуказанной статьи Чжоу Энь-лай поехал во главе делегации в Ханой и заявил там, что, «если американцы пойдут дальше по пути расширения агрессии», китайский народ не остановится перед «самыми большими национальными жертвами». Это, в другой форме, явилось повторением вышеуказанного предупреждения.

ПИНГПОНГОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Однако военные акции в Лаосе, как известно, завершились разгромом войск сайгонского режима. Вторжение на Север не состоялось. И этого уже было достаточно для того, чтобы открылся путь к продолжению ки-

тайско-американского диалога. Китайские спортсмены, участвовавшие (впервые после «культурной революции») в мировом чемпионате по пинг-понгу, где завоевали 4 из 7 золотых медалей, передали там приглашение американской команде по настольному теннису посетить Китай. Так началась пингпонговая дипломатия.

Некоторые посвященные слои китайского населения, возможно, уже знали кое-что о жестах администрации Никсона, в частности о прекращении патрулирования кораблей 7-го флота США в Тайваньском проливе, об ослаблении эмбарго на торговлю с Китаем, снятии запрета на поездки американских граждан в Китай. Но для подавляющего большинства китайского населения эти факты были неизвестны, поскольку печать ничего о них не писала. Если посещение американских спортсменов по настольному теннису и не вызвало в таких условиях удивления у тех, кто в апреле 1971 года был свидетелем этой спортивной встречи, то главным образом благодаря традиционному проведению различия между «правительством» и «народом» (а спортсменов по настольному теннису можно отнести к народу).

Между прочим, после многолетнего перерыва в период «культурной революции» спорт в Китае был возрожден в 1970—1971 годах под лозунгом: «Главное — дружба, а затем соревнование». В таком духе и писали газеты об участии китайских спортсменов в международных соревнованиях. На балетах на стадионы было напечатано указание аплодировать игрокам зарубежной команды, уважать судью, обеспечивать спортивную, дружескую атмосферу. Таким образом, зрители в соответствии с этим указанием могли аплодировать американскому игроку по настольному теннису Гленну Коуэну, носящему длинные волосы, хотя в Китае китайский юноша с такими же волосами до плеч вряд ли смог бы прогуляться по улицам более получаса. С другой стороны, организаторы, все продумав, пригласили не только американских, но и английских, канадских, колумбийских и нигерийских спортсменов по настольному теннису. Таким образом, первая официальная поездка американских граждан в Китай формально означала то, что среди других участников дружеских соревнований по пинг-понгу имеются и американцы. В конечном ито-

ге из пекинского спортивного зала убрали плакат с призывом сплотиться против американского империализма (цитату из заявления Мао от 20 мая 1970 года), вместо него был вывешен другой, с приветствием «великого единства народов мира».

Пингпонговая дипломатия вызвала на Западе сенсацию. Китайское руководство знало об этом, но в своей стране представило все это как часть спортивного события! Во время пребывания в КНР американской команды по пинг-понгу Эдгар Сноу получил от Пекина поручение опубликовать адресованное Никсону интервью, в котором содержался намек на приглашение, однако об этом факте, как мы уже упоминали выше, было сообщено лишь по каналам информации для внутреннего пользования. Прибывшие со спортсменами американские журналисты и постоянные корреспонденты западных агентств дали подробные сообщения о поездке, описав самые незначительные детали. Однако китайская пресса поместила очень краткие сообщения сугубо протокольного характера о программе пребывания игроков различных команд. И наконец, когда Чжоу Энь-лай принял всех участников соревнований, обратившись с несколькими фразами к каждой спортивной делегации, американская команда была представлена лишь в качестве одной из других команд, ей было посвящено одно сообщение, одна групповая фотография из остальных пяти, опубликованных на страницах «Жэньминь жибао». Таким образом, китайский читатель мог увидеть не просто жест в отношении американской команды в форме обращения к ней премьера, а мог расценить прием как выражение уважения к зарубежным спортсменам по настольному теннису. Это, конечно, не означает, что суть всего дела не была ясна многим китайским читателям. Они, естественно, научились читать свою прессу...

Во всяком случае, слова Чжоу Энь-лая, с которыми он обратился тогда к американским спортсменам, звучали уже недвусмысленно:

«В прошлом контакты между народами Китая и США были очень частыми, но затем они были прерваны на длительное время. Ваш приезд в Китай по нашему приглашению открыл путь к дружеским связям народов наших стран. Мы считаем, что большинство на-

ших народов благоприятно воспримет и будет поддерживать такие дружеские контакты».

Таким образом, смысл заявления китайского премьера заключался в том, что в Китае в рамках «дружеских связей между народами» будет приезжать много американцев. Китайские внутренние органы устной агитации могли теперь продолжать свою работу в соответствии с этим заявлением.

Новые визитеры не заставили себя долго ждать, одна за другой прибывали различные американские группы, которые, как правило, быстро попадали на прием к Чжоу Энь-лаю. В то же время пекинские газеты ничего не писали об имевшем место в тот период диалоге между правительствами двух стран, в частности о том, что руководитель американской команды по настольному теннису отчитывался о своей поездке самому Никсону, о заявлении Никсона, где он выразил пожелание лично посетить Китай, о другом его заявлении, когда он намеревался послать в Пекин свою дочь, об ответе Чжоу Энь-лая (данном в интервью одному иностранному корреспонденту), что «неясно, чего же хочет в конце концов президент», то есть обо всем том, что в то время весьма интересовало мировое общественное мнение. Вместе с тем, как мы уже отмечали ранее по другому поводу, китайская печать с повышенным интересом следила за процессом пересмотра Вашингтонской администрацией своей политики в отношении членства КНР в ООН. Она остро реагировала на сделанное с целью зондажа заявление представителя госдепартамента США Брея о том, что статус Тайваня «не определен». Позднее пекинская пропаганда подвергла такой же резкой критике все попытки, связанные с американской стратегией в отношении ООН, в частности попытку Вашингтона связать восстановление прав КНР в ООН с сохранением членства чанкайшистов. Продолжалась также полемика и в связи с различными проявлениями американской внешней политики.

Между тем в период с 9 по 11 июля Киссинджер, помощник Никсона по вопросам национальной безопасности, совершил тайную поездку в Пекин, где договорился с премьером Чжоу Энь-лаем о визите американского президента в Пекин.

Читатель может задать вопрос: в чем заключался смысл всего вышесказанного? Не рисковало ли китайское руководство тем, что население могло воспринять известие о визите американского президента в Пекин с большим удивлением или даже возмущением? Ведь к моменту объявления о визите не прошло и полгода с тех пор, как китайские газеты называли Никсона главарем американского империализма, а тон пропаганды, по существу (исключая навешивание ярлыков на Никсона), остался без изменения.

В этом случае, конечно, и речи не могло быть о подчеркивании различия между «народом и правящей верхушкой».

Однако китайская служба информации по-своему даст знать о чем-либо, даже если не сообщает об этом. Для общественности признаком китайско-американского диалога была беседа со спортсменами по настольному теннису, в то время как кадровые работники имели полную информацию. Китайское руководство всегда уделяет большое внимание тому, чтобы даже самые резкие изменения создавали видимость непрерывности, поэтому оно предпринимает модифицированные политические шаги частично с неизменными лозунгами. Более того, поскольку китайско-американский диалог находился еще только в начальной стадии, пекинское руководство не считало обоснованным изменять тон пропаганды.

Если мы прочтем сообщение о визите Киссинджера, которое, несомненно, вызвало сенсацию не только за рубежом, но и в Китае, то мы поймем и более глубокие причины неизменного полемического тона. Это сообщение китайские газеты опубликовали на первой странице без каких-либо комментариев, под ничем не говорящим заголовком («сообщение»). Текст его был следующим:

«9—10 июля в Пекине состоялись переговоры между премьером Чжоу Энь-лаем и Генри Киссинджером, помощником президента по вопросам национальной безопасности. Имея в виду выраженное Никсоном намерение посетить КНР, премьер Чжоу Энь-лай от имени китайского правительства пригласил Никсона посетить Китай в удобное для него время, не позднее мая

1972 года. Никсон с удовлетворением принял это приглашение.

Встреча руководителей Китая и США будет способствовать нормализации отношений между двумя странами и обмену мнениями по вопросам, интересующим обе стороны».

Никсон лично сделал это краткое сообщение в своем выступлении по радио и телевидению, дополнив его пространным заявлением. Китайская печать поместила сообщение в несколько строк и больше непосредственно не затрагивала этой темы (в том числе заявления Никсона, которое тоже не было прокомментировано в китайской прессе). Но о чем говорит такой текст китайскому читателю? В первую очередь о том, что Никсон сам обратился с просьбой о посещении Китая, что тем самым представляет эту поездку президента своего рода походом в Каноссу¹ (не следует забывать, что заявление Мао во время интервью, данного Э. Сноу, не было опубликовано на страницах «Жэньминь жибао»). Таким образом, то, что ранее китайская печать не сообщала о намерении Никсона посетить Китай, теперь смогло стать таким пропагандистским средством, с помощью которого приезд Никсона можно было недвусмысленно и односторонне представить как жест США в сторону Китая. Иностранцы, побывавшие в Китае после опубликования вышеуказанного сообщения, всюду, где только имели возможность задать вопрос, получали следующий стереотипный ответ: «Никсон сам просил о визите, признав таким образом крах антикитайской политики американского правительства. Это является большой победой китайского народа». В сообщении ни слова не было сказано о том, каким образом Киссинджер оказался в Пекине. И лишь впоследствии было замечено, что китайская печать ничего не писала о предшествующих поездках Киссинджера в Южный Вьетнам и Пакистан, хотя обычно китайская пресса всегда сообщала о поездках американских государственных деятелей в Азию, что такой-то деятель прибыл в такую-то страну «для ведения подрывной деятельности». (Хотя если бы обстоятельства какого-либо такого визита и

¹ «Идти в Каноссу» — значит пойти на любые уступки и унижения. — Прим. ред.

были похожи на «подрывную деятельность», то в этом смысле тайная поездка Киссинджера в Пекин могла бы наверняка служить темой даже для детективного романа.) Фраза о цели поездки также схематична, по все же она дает минимальную информацию о характере встречи. Китайские официальные лица постоянно цитировали ее, отвечая на вопросы своих зарубежных партнеров в связи с приглашением Никсона в Пекин. В конечном итоге лишь одно зерно правды было во всей этой пропаганде: речь шла не только об отказе от прежней внешней политики Китая, но и о действительном крахе прежней антикитайской политики США.

КТО ЯВЛЯЛСЯ «ГЛАВНЫМ ВРАГОМ» ЛЕТОМ 1971 ГОДА?

Кроме вышеуказанного, не было никаких комментариев, разъяснений, откликов мировой печати. В течение недель в китайской прессе не было ни единой прямой ссылки на приглашение Никсона. Мы знаем, что в то же время среди населения велась интенсивная устная информационная кампания, о которой в материалах средств информации встречались, однако, лишь косвенные намеки. Эти косвенные намеки, весьма характерные для китайской печати, появляются в статьях на совершенно другие темы (как кажется на первый взгляд), но китайские кадровые работники, хорошо знакомые с такой практикой, естественно, сразу же применяют их в своих конкретных целях.

Через две недели после опубликования сенсационного известия вышел августовский номер «Хунци». В нем «группа писателей Хубэйского провинциального комитета КПК» (в венгерском понимании это больше соответствует теоретической группе) посвятила большой материал работе Мао Цзэ-дуна «О нашей политике», опубликованной в 1940 году. Внешне кажется, что это отвлеченные размышления о том, какое важное значение придавал Мао Цзэ-дун выбору правильной политики. Однако когда среди приводящихся в статье цитат Мао мы встречаем такие положения, которые давно уже не цитируются, но специфически согласуют-

ся с новой обстановкой, то сразу же исчезает историческая удаленность времени, когда была написана работа Мао. Например: «Коммунистическая партия выступает против всякого империализма, но мы проводим различие между японским милитаризмом, который совершает сейчас агрессию против Китая (статья написана в 1940 году.— *Прим. авт.*), и теми империалистическими государствами, которые проводили различную политику при различных обстоятельствах и в различные периоды времени».

Вывод: «Проводя на научной основе различие между врагами, председатель Мао очень четко разделяет их на первоочередных и второстепенных врагов, временных и косвенных союзников и благодаря этой конкретной и тщательной дифференциации оградил китайский народ от первоочередного в данный момент врага».

Затем в статье современное положение рассматривается в духе работы, написанной в сороковых годах. В первую очередь в ней перечисляются основные противоречия современности (естественно, здесь идет речь о мировоззрении, проповедуемом пекинской пропагандой, которое полностью порывает с марксизмом и по уже известному рецепту ставит на одну доску империализм и Советский Союз). В соответствии со статьей для современного мира характерны следующие четыре непримиримых противоречия:

«противоречие между угнетенными народами и империализмом, социал-империализмом»;

«между пролетариатом и буржуазией в капиталистических и ревизионистских странах (под «ревизионистскими» следует понимать социалистические страны, отвергающие китайские взгляды; но что же следует понимать под «буржуазией»?);

«между империалистическими и социал-империалистическими странами, а также между отдельными империалистическими государствами»;

«между социалистическими странами и империализмом и социал-империализмом» (в трех новогодних статьях в китайских газетах, как мы уже говорили выше, в качестве социалистической страны, по существу, признавались лишь Китай и Албания, а в других материалах печати к ним причисляли также ДРВ и КНДР),

Как видно из вышеуказанного, китайская пропаганда не гнушается ничем, чтобы найти «теоретическую» основу своего антисоветизма. Однако для нас представляют интерес выводы, сделанные «теоретической» группой Хубэйского партийного комитета. После вышеуказанного вступления в статье разбирается состояние советско-американских отношений, точнее, «сговор и грызня между американским империализмом и социалимпериализмом», а затем делается вывод, что соперничество между двумя странами будет постоянно усиливаться, а их сговор и грызня вызовут растущее сопротивление народов. «Анализ положения в лагере врага, сделанный председателем Мао, представляет для нас установку для правильной оценки современной обстановки».

Если перевести эту аргументацию с китайского на венгерский не только в смысле языка, но и содержания, то можно прочесть вышеуказанное так, что Китай должен использовать противоречия между Советским Союзом и США и определить, кого из них он считает своим главным врагом. Приглашение Никсона уже дало понять читателям «Хунци», к какому выводу пришло китайское руководство.

Тактические принципы председателя Мао, говорится далее в статье, «представляют диалектическое единство твердых принципов и большей гибкости». Эта гибкость, как ее раскрывают далее в статье, означает, что «контрреволюционной двойственной тактике врага нужно противопоставлять революционную двойственную тактику». Хотя в качестве основной формы следует рассматривать революционную борьбу, нужно бороться различными методами, «гибко». В статье Хубэйского партийного комитета в равной мере критикуются «крайние правые» и «ультралевые» взгляды, при этом подчеркивается: «Наше мышление должно соответствовать изменяющимся объективным условиям». Затем авторы приводят следующую цитату из работы В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»: «...на одном революционном настроении строить революционной тактики нельзя»¹.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 47.

Далее следует предупреждение: все это составляет первоочередной государственный интерес. Вышеупомянутые тактические принципы, говорится в теоретическом журнале КПК, «в концентрированном виде воплощают в себе самые высшие интересы всей партии и народа». Далее: «Мы никогда не сможем подменить политику своими чувствами».

Таким образом, на случай, если бы члены партии удивились или даже возмутились приглашением Никсона, в статье, где Никсон и не упоминался, был готов ответ: нельзя подходить к вопросам с эмоциональных позиций!

Другой вопрос, что эта статья, вероятно, не только содержала в себе доводы для многочисленных кадровых работников для объяснения приглашения Никсона, а отражала также разногласия внутри китайского руководства. Ведь вскоре после ее опубликования с политической арены исчезли министр обороны Линь Бяо и группа военачальников. По мнению многих китаеведов, одной из причин, приведших к их падению, было приглашение Никсона в Китай. Эта группа после приглашения Никсона уже не могла публично выступать. И, возможно, статья в «Хунци» уже являла собой скрытую критику в ее адрес.

Читатель вправе задать вопрос: не слишком ли далеко заходит наше толкование китайских текстов? Постановка такого вопроса обоснованна, если читатель знаком лишь с одной-двумя китайскими статьями. Само собой разумеется, что поскольку авторы статей не прилагают к ним указаний об их применении, то «разгадка смысла» часто может быть неправильной. Однако фактом остается то, что китайская печать в большинстве случаев выражает суть дела косвенным образом, намеками, ссылками, новый смысл статей, как правило, скрывается среди нагромождения чрезвычайно длинных, давно известных общих фраз, обычных для китайской прессы, но часто непонятных для иностранного читателя. Но читателями «Хунци» являются, в общем, такие люди, которые долгие годы учились читать между строк. Не случайно китайская печать всегда перепечатывает статьи из «Хунци» через одну-две недели после их опубликования, ибо сначала их должны прочитать кадровые работники, истолковать в журналах, и лишь

затем их публикуют в «Жэньминь жибао» и других китайских газетах, то есть когда партийные работники уже подготовлены к их разъяснению и изучению.

СИАНУК ОБЪЯСНЯЕТ

Возвращаясь к освещению китайской печатью визита Никсона, следует отметить, что в ней с момента объявления о визите Никсона в Пекин и с увеличительным стеклом не найдешь прямой ссылки на визит, не говоря уже о китайских комментариях.

В начале августа китайская пресса опубликовала одно из посланий принца Сианука, живущего в Пекине со времени переворота правых в Камбодже в марте 1970 года. Принц в своем 24-м по счету послании заявил, что визит Никсона в Китай не облегчит положения проамериканского режима в Пномпене и что Чжоу Энь-лай, глава китайского правительства, лично заверил его (Сианука), что Китай не оставит в беде своих союзников. Наблюдатели обычно рассматривают заявления Сианука как косвенное выражение китайской позиции, поскольку принц живет в Пекине на его счет и китайские средства информации публикуют его заявления.

Двумя днями позже пекинская печать и радио ознакомили население с выступлением Ким Ир Сена от 5 августа, а также со статьей пхеньянской газеты «Нодон синмун»¹, в которых говорилось, что Никсон едет в Пекин с «белым флагом». В таких случаях заявление из иностранного источника становится китайской точкой зрения, так как перепечатывание их китайской прессой без каких бы то ни было комментариев всегда означает согласие с ним. Заявления, с которыми китайская печать не согласна, она или кратко комментирует, или критикует, или же в чрезвычайных случаях, исходя из интересов протокольного характера, подает в соответствующей форме. К категории таких заявлений относятся заявления зарубежных высокопоставленных государственных деятелей, посещающих Китай. Например, так было в период пребывания Никсона в Китае.

¹ «Рабочая газета», центральный печатный орган Трудовой партии Кореи.— *Прим. ред.*

Не следует забывать, что мы выделяем здесь все касающиеся Никсона скрытые намеки и сообщения, так как китайские газеты почти ничего не писали о предстоящем визите американского президента. Если кто-нибудь читал только заголовки статей, то впервые о визите он мог узнать лишь в феврале 1970 года. Конечно, в Китае, где «политику» преднамеренно ставят на «центральное место» в жизни, такое событие не ускользнет от внимания читателей, даже если о нем поместят сообщение, набранное мелким шрифтом.

Глава 7 **ДВА ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦА** **В «ЖЭНЬМИНЬ ЖИБАО»**

Как мы узнали из предыдущих глав, тактика молчания имеет свои преимущества. Не информируя о международных откликах на сообщение о визите Никсона в Пекин, неизменно критикуя цели американской внешней политики, китайское руководство своей официальной позицией (естественно, независимо от сложных мотивировок китайско-американского сближения) внушало, что якобы Китай осуществляет резкие повороты в своей политике таким образом, что при этом «не меняется его принципиальная позиция» и он продолжает «выступать против» американского империализма.

ОТРАЖЕНИЕ **МИРОВОЗЗРЕНИЯ НИКСОНА** **В МИРОВОЗЗРЕНИИ ПЕКИНА**

С этой точки зрения особый интерес представляет сообщение, которое появилось в китайской печати за три дня до того, как специальный самолет американо-американского президента приземлился на пекинском аэродроме.

9 февраля 1972 года Никсон направил конгрессу США послание по внешнеполитическим вопросам, а 15 февраля министр обороны в те годы Лэйрд¹ опубликовал годовой бюджет министерства. И хотя Никсон, выступая по американскому радио и телевидению, лично выделил основные пункты своего внешнеполитического послания (объемом в 90 тысяч слов), подготов-

¹ После него министром обороны США стал Джеймс Шлесинджер.— *Прим. ред.*

ленного под руководством помощника президента по вопросам национальной безопасности Киссинджера, служба информации Пекина вообще не реагировала на это. Спустя десять дней агентство Синьхуа обобщило доклады Никсона и Лэйрда и опубликовало с комментариями пространный обзор этих двух документов, который затем был перепечатан всеми китайскими газетами. Однако предварительно (это также характерная особенность работы данной службы) на страницах китайской прессы уже в течение нескольких дней публиковались зарубежные комментарии в связи с посланием Никсона, хотя пекинские газеты не поместили текст самого послания и не сообщили даже о том, что значительная часть его была посвящена китайско-американским отношениям.

Перед пропагандистским аппаратом Пекина стояла чрезвычайно сложная задача. Доклад Никсона по внешнеполитическим вопросам, в котором президент обещал продолжать политику «вьетнамизации», наращивания американских вооруженных сил, оказывать и впредь поддержку таким союзникам США, как сайгонский, пномпеньский, тайбэйский и сеульский режимы, а также помогать Израилю в увеличении его военного потенциала и т. п., естественно, вызвал резкую критику в тех странах, которые Китай считает своими союзниками. (Эту критику китайская пресса также предварительно опубликовала.) С другой стороны, дело происходило накануне визита Никсона в КНР, и слишком резкая критика его послания могла сказаться на атмосфере переговоров. И наконец, надо было включить этот американский документ в сферу пропаганды Пекина, информировать о нем таким образом, чтобы он не противоречил известным китайским тезисам, а в крайнем случае фигурировал как «отрицательный пример».

Возможно, что сложностью задачи объясняется запоздание с публикацией послания президента США. Оно появилось в печати, когда Никсон уже находился в пути, направляясь в Пекин.

Китайский обзор (объемом в 2500 слов) фактически был комментарием. Его тон характеризует уже само вступление: «В то время как Никсон в своем послании подчеркивал, что США стремятся к тому, чтобы «наше поколение жило в мире», Лэйрд в своем докладе обри-

совал обширную программу вооружения и военных приготовлений. Эти два взаимодополняющих документа ясно показывают, что внешняя политика американского империализма остается великодержавной политикой, политикой глобальной агрессии с помощью силы».

Уже одно это предложение говорило о том, что во время визита Никсона не может быть и речи о приветствии его народом. Танцующие девушки не могут приветствовать государственного деятеля, политику которого китайская пресса таким образом характеризовала накануне его прибытия. Агентство Синьхуа в то же время отмечало, что «с учетом объективных последствий развития и ослабления американской мощи правительству США пришлось внести определенные коррективы в свою политику и тактику».

Если рассмотреть эти два взаимодополняющих вывода Пекина, то становится ясным их основное содержание (которое в данном случае обоснованно, по крайней мере в отношении их некоторых мотивировок): постоянные цели, великодержавные устремления американской политики неизменны, но, поскольку мощь США ослабевает, они вынуждены пересматривать свою политику по отдельным вопросам. То есть, как мог констатировать китайский читатель, визит Никсона в Пекин объясняется ослаблением американской мощи и является следствием «пересмотра» американской политики. (Другая причина — попытка использовать советско-китайские разногласия. Однако на это мы ссылки не находим.)

После сопоставления постоянных целей и изменившихся возможностей США в китайском обзоре на первом месте цитировались заявления, касающиеся войны в Индокитае, однако не американские формулировки политики «вьетнамизации», а только то, что Никсон отклоняет быстрый и полный вывод своих войск из этого района. Было также отмечено (в качестве факта, независимого от сообщения в целом), что американцы усилили мощь своих ВВС на Дальнем Востоке, но, как далее подчеркивалось, это не может запугать три индокитайских народа. Затем агентство Синьхуа подробно, в духе требований этих народов излагало, что должны сделать Соединенные Штаты, «если они действительно хотят установления мира во Вьетнаме и Индокитае».

Смысл включения этой части в обзор ясен. Китайские руководители знали, что в ДРВ и в освободительном движении в Индокитае критически отнеслись к приглашению американского президента в Пекин, которое было сделано именно в то время, когда дипломатическое наступление ДРВ и ВРП РЮВ (предложения из «7 пунктов» по мирному урегулированию вьетнамской проблемы, выдвинутые ВРП РЮВ и поддержанные ДРВ) поставило американскую администрацию в затруднительное положение. Сообщение о приглашении Никсона в Пекин одним ударом ослабило давление, которое оказывалось на вашингтонскую администрацию как в Соединенных Штатах, так и за их пределами, с тем чтобы в обмен на освобождение американских военнопленных были выведены американские войска из Южного Вьетнама.

Специальный абзац, адресованный Вашингтону, по существу, был написан для союзников КНР в Индокитае, проявлявших законное беспокойство. Китайская пресса хотела успокоить их по крайней мере с помощью громких фраз и словесной поддержки их позиции. (Другой вопрос, что это, согласно полученным сведениям, не совсем удалось: личные нападки против американского президента никогда не были такими резкими, например, в прессе ДРВ (естественно, не без причин), как во время его пребывания в Китае.)

Агентство Синьхуа представило США в качестве врага союзников КНР, а после этого оно изложило такие части послания Никсона, из которых выяснилось, что США являются союзником врагов Китая — Японии, «чанкайшистской клики и южнокорейского марионеточного режима», ибо вашингтонская администрация подтвердила, что заключенные с ними договоры безопасности «остаются краеугольным камнем региональной стабильности». Общественное мнение в Китае из всего этого могло понять, что Никсон и в дальнейшем обеспечит защиту тайваньскому режиму. Интересен тот факт, что в данной части обзора (а это было сразу же подмечено в Вашингтоне) выражалось негодование главным образом не из-за гарантий, предоставленных США чанкайшистам, а в связи с нажимом, оказываемым Никсоном на Японию с целью получения от нее «большей помощи». Эта помощь на страницах китайской прессы фигу-

рировала как поддержка «американской агрессии против других азиатских стран», причем таким образом, как будто это было сформулировано так самим Никсоном. Ко всему этому агентство Синьхуа добавило лишь одну фразу: «Это свидетельствует о том, что американский империализм намерен использовать японский милитаризм для агрессии против Кореи, Китая и других азиатских государств».

В упомянутом сообщении, посвященном посланию Никсона по вопросам внешней политики, ни разу не фигурировало обвинение такого характера, что США готовят агрессию против Китая, хотя именно в этом агентство Синьхуа обвиняло Японию. (Несколькими месяцами позже, во время формирования правительства Танаки, такого рода обвинения сразу же исчезли со страниц китайских газет. Тогда же вдруг выяснилось, что в Японии имеется «лишь небольшое число милитаристов». Средства массовой информации КНР вновь похоронили «возродившийся японский милитаризм».)

Точно так же как и в период дискуссии о восстановлении законных прав КНР в ООН, союзники американцев, о которых шла речь в обзоре, подверглись более строгой критике, чем вашингтонская администрация. Такие нюансы, собственно говоря, важнее, чем сам текст обзора. Новое отношение к США характеризовалось не тем, что о них писали в более дружелюбном тоне, а тем, что самые резкие слова были адресованы уже не Никсону, а другим зарубежным политикам — Сато и советским руководителям. Во всяком случае, новая политика США в Азии, в которой большая роль отводилась союзникам, «могла лишь вызвать упорное сопротивление со стороны Китая и народов других азиатских государств», писала «Жэньминь жибао». Однако наиболее интересная часть данного обзора, несомненно, та, в которой говорится, как президент США определяет американо-китайские отношения.

ОБЪЯСНЕНИЕ ТЕКСТА

В течение длительного времени Никсон занимался этим вопросом, подчеркивая свою добрую волю. Он заявлял, что цель его визита в Пекин состоит в том, чтобы

ограничить столом переговоров конфронтацию между двумя странами в будущем. О возможных результатах этого визита президент говорил осторожно, отмечал, что визит не направлен против других стран, особо упоминая при этом Японию, Советский Союз и чанкайшистский режим. Американский президент сказал также и о том, что уже через две недели после официального вступления на пост он стал готовиться к визиту в Пекин. Соединенные Штаты и Китай начинают диалог на основе «национального равенства и взаимного уважения», заявил Никсон и, касаясь Китая, перечислил шесть принципов, отметив, что «мирный и процветающий Китай отвечает национальным интересам США», что в мировых делах «должны найти соответствующее отражение талант и успехи китайского народа» и что мир и прогресс в Азии «требуют, чтобы и Китай внес свою лепту». Он подчеркнул, что «Китай так же, как и Соединенные Штаты», не отступит от своих принципов, что, естественно, США также должны сохранить верность своим союзникам. И наконец, президент полагал, что Китайская Народная Республика будет строить свою политику по отношению к США на основе взаимности.

Исходя из своих собственных стандартов, китайская служба информации не могла принять такую концепцию, в то же время ей было еще труднее отвергнуть те разделы послания Никсона, в которых выражались дружеские чувства по отношению к Китаю. Однако она нашла решение: китайская пресса умолчала о дружеских жестах и прочих аналогичных высказываниях, согласно которым мирный и процветающий Китай отвечает (по определению Никсона) американским «национальным интересам». О некоторых частях его доклада, где в качестве мотива для нормализации отношений с КНР отмечалась ее усиливающаяся роль, в китайском обзоре упомянулось лишь между прочим, вместе с тем более подробно говорилось о гарантиях, данных Вашингтоном Чан Кай-ши. И наконец, делался вывод о том, что американский империализм «бьется в сетях неразрешимых противоречий». Следует выделить два первых предложения, характерных для всего хода мыслей китайской службы информации: «Ссылаясь на Китай, американский президент прямо заявил, что Китай является „убежденным противником“ американского империализ-

ма». «Это означает, что американский империализм не намерен менять своего враждебного отношения к Китаю».

После сообщения о предстоящем визите президента США в Пекин китайская пресса впервые (в вышеуказанном обзоре) процитировала некоторые высказывания Никсона относительно этого визита, причем только для того, чтобы напомнить, что, несмотря на диалог, начатый Никсоном с Китайской Народной Республикой, он продолжает поддерживать связи, в том числе дипломатические отношения с чанкайшистским режимом. Агентство Синьхуа здесь вновь повторило официальную китайскую позицию относительно Тайваня, то есть что «никакая сила не может помешать китайскому народу в освобождении Тайваня».

Специальный абзац был посвящен изложению принципиальной позиции КНР, согласно которой правительство и народ Китая всегда проявляли дружественное отношение к американскому народу, выступая исключительно против агрессивной, воинственной политики американского империализма.

Следовательно, по существу, в обзоре Синьхуа вместо информации о заявлении Никсона мы получили в обобщенном виде официальную позицию КНР.

**СЕМЬДЕСЯТ,
ШЕСТЬДЕСЯТ,
ПЯТЬДЕСЯТ**

Однако информация о заявлении Никсона на этом не закончилась. Как мы увидим, ни в начале, ни в заключительном абзаце не выделялись мотивы нормализации китайско-американских отношений, но и это делалось в своеобразной форме.

Пекинские пропагандисты в своем материале пытались также доказать на основе доклада Никсона тезис о «тайном сговоре и грызне двух сверхдержав». Доклад Никсона конгрессу США по вопросам внешней политики, писало агентство Синьхуа, «отражает недовольство в связи с энергичными стремлениями советского ревизионистского социал-империализма распространить свое влияние на Западную Европу». Другими словами,

китайская пресса подхватила трактовку американскими империалистами целей советской политики, снабдила ее пекинской терминологией, представив дело таким образом, что якобы Никсон использовал выражения китайской пропаганды. Более того, в китайском обзоре давалось благословение концепции «разрыхления», которую американская администрация намерена проводить в жизнь в Восточной Европе. Едва ли можно иначе расценить утверждение Пекина, согласно которому Никсон, «ссылаясь на сферу советского влияния, решительно заявил, что у каждой европейской нации есть суверенное право проводить свою независимую политику и таким образом стать нашим другом».

После того как были процитированы те заявления Никсона и Лэйрда, в которых они рекламировали угрозу «советской опасности» и тем самым хотели оправдать усиленную гонку вооружений в США (все это было представлено в китайском обзоре как доказательство «грызни» двух сверхдержав), агентство Синьхуа коснулось также мотивов «советско-американского сговора», поскольку было упомянуто о том, что Никсон перечислил плоды этого «коллорабационизма» (в берлинском вопросе, на переговорах между СССР и США по вопросам ограничения стратегических вооружений, в создании «горячей линии связи» между Москвой и Вашингтоном). Слово «плоды» пекинская пресса прощески взяла в кавычки, не приводя при этом никаких подробностей. А ведь китайские газеты и раньше не публиковали никаких материалов, где бы раскрывалась сущность этих утверждений. Они также ничего не сообщали, например, о сути переговоров об ограничении стратегических вооружений, направленных на ограничение гонки вооружений.

Пекин, знакомя с вашингтонской политикой, которая была в целом охарактеризована в докладах американского президента и министра обороны, сделал заключение, представляющее интерес. Определив, что разрекламированное «основное изменение» американской политики есть не что иное, как сохранение лидирующей роли США, их экспансии и подготовки к войне, агентство Синьхуа следующим образом резюмирует свой обзор:

«1970-е годы, однако, не похожи на шестидесятые и еще меньше на пятидесятые. Неудержимым ходом ис-

тории стали желанием государств обрести свою независимость и национальное освобождение, а также стремление народов к революции. Прошло то время, когда одна или две сверхдержавы могли вступать в сговор, чтобы произвольно решать судьбы народов других стран. Внутренние дела каждой отдельной страны должен решать ее народ. Дела, затрагивающие два или несколько государств, должны решать заинтересованные страны путем проведения совместных консультаций. В свою очередь международные дела должны решать все страны мира путем проведения консультаций. Будущее мира должны решать все народы нашей планеты, а не одна или две сверхдержавы».

Первое впечатление, которое создается при знакомстве с обзором, состоит в том, что в нем лишь перечисляются известные китайские концепции, однако при более внимательном чтении мы можем прийти к интересным выводам (хотя трафаретные штампы следуют здесь один за другим). С виду все остается без изменения, однако ссылка на взаимные консультации между заинтересованными странами не может намекать на что-либо иное, как лишь на китайско-американскую встречу в верхах?! А тезис о том, что одна или две сверхдержавы уже не могут вступать в сговор для решения будущего нашей планеты, содержит такой смысл, что Китай наряду с Советским Союзом и США также намерен участвовать в решении этих вопросов. Косвенный смысл этого абзаца состоит в том, что вполне естественным признается тот факт, что заинтересованные государства ведут переговоры с отдельными «сверхдержавами» о двусторонних отношениях. Иначе говоря, становится ясным, что если Китай обсуждает с Соединенными Штатами проблемы, представляющие взаимный интерес, то абсолютно неважно, какова американская внешняя политика, даже если она такая, какой она ранее была охарактеризована в вышеуказанном обзоре.

За несколько недель это была последняя полемическая статья в китайской прессе, направленная против политики, проводимой американским президентом. На другой день китайская печать сообщила о том, что Никсон отправился в Пекин, процитировала некоторые его высказывания относительно того, что его визит «служит делу мира» и следует искать пути, чтобы расхождения

во взглядах между двумя странами не доходили до военной конфронтации. В коротком сообщении печати упоминалось о том, что сенат и палата представителей конгресса США приняли решение в поддержку визита Никсона в КНР. Однако в сообщении вообще не упоминалось о том, какой интерес был проявлен во всем мире к этому визиту, ничего не говорилось о том повышенном внимании, которое стали уделять в США Китаю. Это небольшое сообщение отражало главным образом стремления китайских руководителей не преувеличивать предварительных ожиданий, связанных с хорошо подготовленным визитом, который, однако, мог завершиться любым непредвиденным результатом, с тем чтобы им не пришлось занимать такую официальную позицию, которую позднее будет необходимо изменить. Аппарат китайской службы информации не может, как мы уже говорили, воспрепятствовать доступу некоторой части информации к определенным слоям населения. Но он имеет возможность предотвратить то психологическое влияние на массы, которое в других странах может вызвать широкая информация.

ПЕРВОЕ СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

О чем можно было прочитать на страницах «Жэньминь жибао» 21 февраля 1972 года, которая, между прочим, вышла через несколько часов после того, как самолет американского президента приземлился в Пекине? Непосредственно о визите Никсона не было напечатано ни слова.

В основном сообщении газеты говорилось о том, что был перевыполнен план закупок зерна на 1971 год. В корреспонденциях из-за рубежа сообщалось о новых победах народов Таиланда и Лаоса, о «Белой книге» английского правительства, о забастовке 8 тысяч рабочих в Монреале, о выходе в свет восьмого тома произведений Энвера Ходжи и т. д. В то же время китайская пресса уже тогда и в течение последующей недели отводила большое место публикации связанных с визитом Никсона материалов о Пекине, Шанхае и Ханчжоу, то есть о городах и местах, которые посетили президент и его супруга.

Вероятно, впервые в своей истории агентство Синьхуа дало срочное сообщение, когда с чрезвычайной для него быстротой информировало о прибытии Никсона. На следующий день «Жэньминь жибао» отвела более двух страниц для официальных сообщений и фотографий о первом дне пребывания американского президента в Пекине. Затем в течение недели, пока Никсон находился в Китае, пресса систематически помещала протокольные материалы агентства Синьхуа.

В номере «Жэньминь жибао» от 22 февраля полностью отсутствовали какие-либо ссылки на «американский империализм», а в последующие дни в информационных материалах, поступавших из-за рубежа, были заметно смягчены резкие формулировки. Эта неделя была неделей китайско-американского диалога, что сказалось также и на работе средств массовой информации.

Интересно было проследить, каким образом китайская служба информации отражала ход переговоров, проходивших за закрытыми дверями. Известно, что президента США сразу же после прибытия принял Мао Цзэдун, затем на банкете, устроенном в большом зале Всекитайского собрания народных представителей, Чжоу Энь-лай призвал к нормализации межгосударственных отношений на основе пяти принципов мирного сосуществования. В последующие дни шли интенсивные переговоры между китайскими и американскими руководителями. И все-таки, когда наступил день ответного банкета с американской стороны, договоренность еще не была достигнута. Это отразилось и в прозвучавших на банкете 25 февраля приветственных речах, которые в основном состояли из общих фраз. Американская сторона позже сообщила, что принципиальная договоренность была достигнута в ночь на 26 февраля. 28 февраля было опубликовано подписанное в Шанхае заключительное коммюнике, в котором отдельно перечислялись позиции обеих сторон по спорным международным вопросам. Коммюнике содержало также пункты, отражающие сформулированную в общих чертах совместную позицию.

В эти дни китайская пресса, кроме официальных протокольных сообщений и фотографий, никаких своих комментариев не помещала. Эти сообщения были значительно более краткими, чем американские. Например,

Никсон как во время посещения Великой китайской стены, так и Минских могил делал специальные заявления для печати, в Императорском зимнем дворце заместитель председателя Военного совета ЦК КПК Е Цзяньин также беседовал с американскими журналистами («Никсон принес с собой мир и богатый урожай», — сказал он). С другой стороны, сопровождавшие президента США журналисты могли своими ушами слышать беседы Никсона и Чжоу Энь-лая в Ханчжоу и Шанхае. Однако обо всем этом в Китае могли получить сведения лишь читатели «информационных бюллетеней», если они их действительно получили, в то время как «Жэньминь жибао» и агентство Синьхуа ни словом не обмолвились об этом.

МУЗЫКА И НАСТРОЕНИЕ

Но и служба информации КНР по-своему дала почувствовать чрезвычайный характер, значимость и атмосферу этого визита.

Что касается важного значения визита, вернее, того значения, которое придавали ему китайские руководители, то население КНР смогло понять это главным образом из того, что Мао Цзэ-дун встретился с Никсоном в первый же день его пребывания в Китае. Китайцы хорошо знают, что это чрезвычайное событие, ибо встречей с Мао, как правило, заканчиваются лишь успешно завершённые переговоры. Одновременно сам факт данной встречи впервые непосредственно связывал председателя КПК с приглашением Никсона, так как формально американского президента пригласил в Китай Чжоу Энь-лай, то есть государственный деятель на ранге ниже Мао Цзэ-дуна. Эта встреча дала возможность китайской прессе оценивать визит президента США «как победу революционной дипломатической линии председателя Мао».

На следующий день после встречи Мао с Никсоном на страницах китайской прессы были помещены обширные материалы, посвященные прибытию американского президента. Как мы уже упоминали, в номере «Жэньминь жибао» от 22 февраля центральное место на первой странице было отведено фотографии, изображающей

рукопожатие двух руководителей, ниже были помещены снимок, сделанный в рабочем кабинете Мао, а также фотография, показывающая встречу президента на пекинском аэродроме. Все это явилось сенсацией и для китайской публики. Впервые после бурных дней «культурной революции» можно было вновь увидеть на улицах китайской столицы длинные очереди за китайской газетой. На второй странице «Жэньминь жибао» было также помещено много фотографий и репортажей о первом дне пребывания президента США в Пекине, о начале переговоров, о банкете в его честь. В целом все эти материалы по своему объему были значительно больше привычных для китайских читателей сообщений о посещении КНР другими иностранными гостями. Это делало ощутимой чрезвычайную важность данного события и внутри страны. Органы информации Пекина раньше подвергали тщательной цензуре все заявления Никсона относительно Китая. Сейчас же в соответствии с традициями протокола был полностью опубликован текст приветствия Никсона. С помощью своеобразных методов была передана и дружеская атмосфера первого дня его пребывания в КНР.

В китайские сообщения о различных событиях, связанных с межгосударственными отношениями, о переговорах, банкетах, приемах почти всегда включалась фраза об атмосфере, в которой проходили эти мероприятия. Такие фразы ясно показывают, как относится китайское руководство к тем или иным государствам, как строит с ними отношения. Например, на основе определений, характеризовавших атмосферу приемов, проводившихся китайскими представительствами за рубежом по случаю национального праздника 1 октября, пекинские наблюдатели могут создать относительно точную картину о состоянии международных отношений Китая. В случае хороших отношений, лишенных каких-либо проблем, атмосфера проведенных приемов характеризовалась как «сердечная и дружественная»; в случае же особенно сердечных, дружеских отношений обычно подчеркивалась атмосфера «революционной, братской дружбы и солидарности» и т. д. В случае более прохладных, но не холодных отношений в сообщениях речь шла только о «дружественной» атмосфере приемов, а в случае, когда двусторонние отношения, по мнению китайских руково-

дителей, были плохими, в сообщениях вообще ничего не говорилось об атмосфере приемов (у таких праздничных приемов нет атмосферы!). Однако каким же образом могла характеризовать китайская служба информации атмосферу банкета, устроенного в честь Никсона, когда в отношениях между двумя государствами и дальше продолжали оставаться неразрешенные проблемы и имелись явные противоречия?

Согласно совместному коммюнике, опубликованному о встрече Мао с Никсоном, между двумя государственными деятелями состоялась «серьезная и откровенная беседа». Такая формулировка, разумеется, используется в случаях, когда имеет место несовпадение взглядов. Но банкет не может быть «серьезным и откровенным». Итак, в сообщении о банкете, опубликованном агентством Синьхуа, наряду с перечислением присутствовавших на нем лиц говорилось следующее: «Банкетный зал был украшен национальными флагами Соединенных Штатов Америки и Китая. Банкет начался с исполнения оркестром гимнов США и Китая. Премьер-министр Чжоу Энь-лай и президент Никсон произнесли тосты. Оркестр играл китайские и американские музыкальные произведения, в том числе песни «Плавание зависит от кормчего» и «Прекрасная Америка».

«Плавание зависит от кормчего, революция — от идей Мао Цзэ-дуна» — это наиболее часто исполняемый сейчас в КНР марш, в то же время «Прекрасную Америку» в Китае не исполняли в течение более двух десятилетий. Программу музыкальных произведений, исполняемых оркестром, не обязательно упоминать в сообщении о банкете, а если же о ней говорится, то это делается неслучайно. Агентство Синьхуа не могло написать, что атмосфера была дружественной и сердечной (что миллионы телезрителей за границей могли видеть на своих экранах благодаря прямой телепередаче). Однако упоминание о том, что оркестр исполнил для Никсона вышеуказанную американскую песню, несомненно, передавало атмосферу банкета.

На банкете, устроенном Никсоном 25 февраля, когда переговоры как раз зашли в тупик, атмосфера была прохладной. Сообщение агентства Синьхуа по этому поводу лишь в одном отличалось от аналогичной информации от 21 февраля: не перечислялись музыкальные произ-

ведения, которые исполнялись оркестром. Америка в этот момент не была прекрасной. Это же, естественно, мог почувствовать читатель и по тосту Чжоу Энь-лая, так как глава китайского правительства в качестве положительного момента упомянул лишь то, что в ходе переговоров стороны лучше узнали позиции друг друга.

По мере того как обострялся ход переговоров, на страницах китайских газет изо дня в день сокращалось число сообщений и фотографий о визите американского президента. Когда же стало очевидным, что переговоры обещают быть результативными, органы информации вновь несколько расширили публикацию материалов о протокольных мероприятиях, связанных с визитом.

Согласно традиции китайской службы информации, тосты зарубежных государственных лидеров, произносимые на приемах в Пекине, публикуются полностью, а тосты, произносимые на ужинах, устраиваемых в провинции местными руководителями, даются только в изложении. Визит Никсона в этом отношении также не был исключением. Руководители китайских органов массовой информации сочли за лучшее умолчать о заявлениях американского президента, сделанных в Шанхае, как, например, о том, что китайский и американский народы «держат в своих руках будущее человечества», или такие высказывания, согласно которым оба народа не допустят, чтобы Шанхай или какая-либо другая территория Китая попала под иностранное господство. Но ни декларированная таким способом Никсоном китайско-американская общность интересов, ни туманно выраженный им в этом плане гарантия со стороны США не соответствовали критериям пекинской службы информации, хотя на банкете, устроенном в Шанхае, китайские хозяева с удовольствием слушали его высказывания.

«УЧИТЕЛЯ НАОБОРОТ»

Во всяком случае, в связи с визитом Никсона на страницах «Жэньминь жибао» появилось много таких сообщений, которые были несовместимы с официальными китайскими концепциями. Вероятно, с этим был связан и тот факт, что в мартовском номере журнала «Хунци»,

в котором содержалось также шанхайское коммюнике, большая статья была посвящена «учителям наоборот». Статья по-своему давала понять, что широкая гласность, обеспеченная американскому президенту в КНР, вызвала сумятицу даже среди китайских кадровых работников, и далеко не каждый руководитель согласился с таким методом информации во время визита Никсона в Пекин. Автор статьи, некий Цзи Пин, приводил следующую аргументацию: «..., Учителя наоборот» действительно существуют. В ходе пролетарской революции всегда встречаются такие преподаватели, обучающие на основе отрицательных примеров, которые появляются для того, чтобы «преподать нам урок». Империалисты, ревизионисты и реакционеры различных стран постоянно «дают нам урок», помещики, кулаки, контрреволюционеры и другие враждебные элементы, правые и проникшие в нашу партию буржуазные агенты постоянно «дают нам урок». Для революционеров проблема заключается не в том, хотят они или не хотят иметь таких «учителей наоборот», а в том, смогут ли они сознательно их использовать».

Имя Никсона ни разу не было упомянуто в данной статье, но намек был недвусмысленным. Автор констатировал, что «дело можно познать только в том случае, если с ним сталкиваешься», ибо таким образом можно точно определить, «что думает и делает противник».

«Некоторые товарищи признают, конечно, роль „учителей наоборот“, но они излишне беспокоятся из-за публикации с целью их критики контрреволюционных высказываний таких учителей. Можно почувствовать, что сорная трава, в конце концов, является лишь сорной травой».

По мнению автора, беспокойство излишне потому, что публикацию таких высказываний, естественно, следует сочетать с их критикой (и для этого, заметим, такие высказывания необязательно помещать на страницах «Жэньминь жибао»). Что же касается того, что вышеуказанное коммюнике «классовый враг использует для саботажа», то, по мнению журнала «Хунци», с этим, конечно, следует считаться, однако это не имеет никакого значения, ибо «если и будут иметь место попытки вызвать беспорядки, то можно мобилизовать массы, чтобы сорвать такие попытки».

После опубликования шанхайского коммюнике по всей стране кадровые работники и шпрокие массы начали изучать обнародованные документы, касающиеся китайско-американских переговоров. Если приезжавшие в Китай иностранцы интересовались визитом Никсона, то они повсюду получали стереотипный ответ. Визит, говорили им, — это «начало установления связей между двумя народами», американские же заявления относительно Тайваня «неясны». Китайский народ и впредь будет оказывать помощь борьбе вьетнамского народа, однако «основной вопрос нормализации дипломатических отношений между КНР и США — это не Индокитай, а Тайвань». Ответы настолько совпадали, что это явно могло свидетельствовать лишь о централизованной ориентировке населения. В то же время на страницах самой прессы не появилось ни одной статьи с оценкой китайско-американской встречи в верхах.

КОГО ПРИШЛИ ПРИВЕТСТВОВАТЬ МАССЫ?

Китайское руководство и на сей раз нашло способ, чтобы косвенно выразить свою официальную точку зрения по поводу результатов визита.

В поездке по стране наряду с другими китайскими руководителями Никсона сопровождал Чжоу Энь-лай. Он же провожал американского президента в Шанхае. (И здесь проявился характерный для китайской службы информации далеко идущий, сознательный расчет в отношении каждого своего действия: появившаяся в газетах фотография о проводах Никсона изображала не рукопожатие Чжоу Энь-лая с Никсоном, а тот момент, когда они стояли друг против друга на расстоянии примерно полутора метров, причем у Чжоу руки были сложены крест-накрест на груди. Обертоном заключительного аккорда была не дружба, скрепленная рукопожатием, а изображенное на фотографии противостояние.)

Как мы уже упоминали, в Пекине Никсона не встречали массы, как других приезжавших в Китай государственных деятелей. Итак, финал визита Никсона состоялся через два дня после его отъезда: толпы народа провожали Чжоу Энь-лая в Шанхае и встречали в Пекине.

На его встречу прибыло Политбюро ЦК КПК в полном составе. Китайское руководство таким образом выражало свое единство с главой правительства и согласие с результатами переговоров. (Такие встречи обычно устраивают по возвращении государственных руководителей из-за границы. На этот раз было необычным явлением то, что таким образом приветствовали китайского руководителя, вернувшегося из поездки по своей стране с целью сопровождения зарубежного высокого гостя. Аналогичная торжественная встреча была устроена Чжоу Энь-лаю и после визита Танаки. Но при отъезде Танаку в отличие от Никсона провожали массы, поскольку его визит привел к установлению дипломатических отношений.)

Отчет агентства Спнхуа по этому поводу звучал следующим образом: «На аэродроме собралось более пяти тысяч жителей Пекина, в том числе командиры и бойцы Народно-освободительной армии Китая, работники милиции. На аэродроме раздавались приветственные возгласы о революционном единстве и силе. Собравшиеся выражали свою решительную поддержку революционной внешнеполитической линии председателя Мао и свою решимость претворять ее в жизнь. Люди в радостном настроении ожидали прибытия премьер-министра Чжоу Энь-лая и остальных товарищей».

В репортаже об этой встрече говорилось следующее: «Когда Чжоу Энь-лай и товарищи, прибывшие встречать его, пошли поприветствовать собравшуюся праздничную толпу, на аэродроме раздалась ликующая овация. Люди били в барабаны, в гонги, размахивали букетами цветов и провозглашали лозунги: «Горячий привет главе правительства Чжоу Энь-лаю и другим товарищам!», «Решительно поддерживаем революционный внешнеполитический курс председателя Мао!», «Пролетарии и угнетенные всех стран, объединяйтесь!», «Да здравствует великое единство народов мира!», «Да здравствует председатель Мао!» Премьер-министр Чжоу Энь-лай и другие товарищи аплодисментами выразили свою благодарность».

Настроение, царившее на аэродроме, оказанная встреча и развешанные лозунги, таким образом, символизировали оценку данного события и свидетельствовали о будущих задачах. Тем фактом, что на встрече при-

существовали командиры и бойцы НОАК, естественно, в Пекине хотели показать, что и армия согласна с приглашением Никсона в КНР.

«Жэньминь жибао» в номере от 2 марта отвела всю первую страницу отчету и фотоснимкам о проводах Чжоу Энь-лая в Шанхае и его встрече в Пекине. Организую торжества в честь Чжоу Энь-лая, который вел переговоры с Никсоном, китайское руководство давало понять важность визита и личности американского президента. Сам визит Никсона в соответствии с привычными методами китайской службы информации еще долгое время находил отзвук на различных пропагандистских форумах. Телевидение так же, как и в ходе визитов других государственных деятелей, еще много раз повторяло кинорепортажи о визите Никсона (в которых никогда нельзя было слышать голоса участвующих в этих фильмах, ибо после слов диктора кинокадры всегда сопровождала песенная музыка). Все китайские пропагандистские издания поместили в своих последующих номерах фоторепортажи о визите, а также шанхайское коммюнике. Апрельский номер журнала «Чайна пикториэл», издающийся на нескольких языках, вышел против обыкновения только в конце месяца с приложением на восьми страницах с многочисленными цветными и черно-белыми фотоснимками. Фоторепортаж начинается со снимка на всю страницу, изображающего рукопожатие Мао с Никсоном, а заканчивается цветной фотографией о торжественной встрече Чжоу Энь-лая в Пекине. Фотоснимки были выставлены на улицах и на досках объявлений на предприятиях. Визит Никсона, таким образом, стал составной частью жизни КНР, китайских будней даже и тогда, когда спустя несколько недель американский президент дал указание заминировать порты в ДРВ и разбомбить железные дороги, ведущие в Китай.

То, что служба внутренней информации довела до сведения населения непосредственно (то есть что диалог между США и КНР будет продолжаться), органы массовой информации дали понять косвенным образом.

Третья часть

Глава 8

ПЕКИНСКИЕ РАСЧЕТЫ

В первых главах мы попытались показать мир через призму пекинских органов массовой информации. Теперь мы рассмотрим, каким предстает в их освещении сам Китай.

ПО ДРУГОЙ ОРБИТЕ

Здесь не с чем сравнивать. Китай — это замкнутый, закрытый для других мир, и основным источником информации о нем являются сами китайские средства массовой информации.

Мы попытаемся пропикнуть в мир, который вследствие методов руководства, а частично ввиду отличия его истории, культуры и китайского склада ума движется по совершенно иной орбите, чем у трех четвертей человечества; в мир, который более чем десятилетие окружает себя самым плотным туманом неизвестности, непреодолимой стеной загадочности. Не следует сравнивать нижеследующее с тем, что мы знаем из других источников, главным образом потому, что и из других источников мы знаем немногое, по крайней мере что касается достоверных фактов. Для знакомства с внутренней жизнью Китая не только мы, но и сами китайцы (если не считать их личного опыта) не имеют другого источника, кроме китайских средств массовой информации. В то время как для человека, живущего за пределами КНР, «идеи Мао Цзэ-дуна» — лишь экзотическое словосочетание, житель Китая слышит о них с утра до вечера, изучает эти идеи на семинарах, слышит их из уст

кадровых работников. А многие китайцы получили такого рода воспитание уже с колыбели. Недаром Мао использовал молодежь в качестве ударных частей для разгрома старого партийного и государственного аппарата. «Идеи Мао» занимают такое же место в жизни китайца, как религия в жизни средневекового человека независимо от того, был он верующим или нет. И действительно, в период «культурной революции» китайская пропаганда приписывала чудодейственную силу Мао Цзэ-дуну и его идеям.

Моптескьё в романе «Персидские письма» отмечал, что все то, к чему мы привыкли, может быть странным для других. И в отношении Китая никогда не следует забывать, что то, что для нас, возможно, представляется абсурдом, для китайца — привычное дело, а главное — осязаемая реальность.

За более чем двадцать лет народной власти лишь во время движения 1957 года «Пусть расцветают сто цветов», а затем в газетах хунвэйбинов в период «великой пролетарской культурной революции» публиковалась информация, вернее, отражалась какая-то точка зрения без осуществления контроля за этим со стороны центральных органов власти. И как глашатаи движения «сто цветов», так и хунвэйбины быстро поняли, что искренность не всегда выгодна. Многие из представителей интеллигенции, выступавшие с критикой в 1957 году, попали из категории «цветов» в категорию «ядовитых сорняков» с соответствующими последствиями административного порядка. А восставшие по призыву Мао хунвэйбины после окончания борьбы за власть в ходе «культурной революции» очутились в деревне, с тем чтобы «их перевоспитали крестьяне-бедняки» (опять же по призыву Мао).

СПЕЦИФИЧЕСКАЯ СИСТЕМА НАМЕКОВ

При проведении анализа во второй части книги мы сталкиваемся с такими же трудностями, как и в первой части. В последней основная проблема заключалась в том, что, поскольку китайский читатель не располагает той информацией, которую имеет иностранец, было

трудно соизмерить, каким он может видеть внешний мир, будучи ограничен своими «идейными горизонтами». В этой же части проблема состоит в том, что читатель данной книги не имеет жизненного опыта китайца, с учетом которого последний читает, слушает и оценивает сообщения о внутренней жизни Китая, а также поток материалов установочного характера, изо дня в день обрушиваемый на него органами пропаганды. Нет такого китайца, который за всю свою жизнь не почувствовал бы на себе последствий движения «борьба — критика — перестройка» (доу-пи-гай). Но для читателя, не знакомого с жизнью Китая, непонятен даже сам вышеприведенный термин, не говоря уже о его применении.

Кроме того, не следует забывать, что и китайская служба информации применяет такую систему намеков, которая не всегда может быть понятной для каждого китайца. Чем больше информирован (объективно) тот, кто читает газеты, слушает радио, тем больше он понимает суть прочитанного и услышанного. Поскольку в КНР значительная часть информации закрытого характера (как мы уже писали) доходит лишь до высокопоставленных руководящих работников, то только они и могут понять туманные намеки, часто встречающиеся в китайской печати. Однако возможно, что и те, кто имеет неполную информацию, но хотел бы знать больше, могут почерпнуть большее из официальных информационных материалов (чем они говорят), если читают их очень внимательно и делают обдуманые выводы. Поскольку такого рода стремление известно и руководителям пропагандистского механизма, то в тех случаях, когда они хотят предотвратить возможность сделать такие выводы, они применяют еще более туманные формулировки. Этот процесс ведет к тому, что в конечном итоге тема, на первый взгляд лишенная какого-либо конкретного содержания, вызывает острые дискуссии, а кажущиеся незначительными мелкие детали говорят о фактах, имеющих значение для всей страны. Вместе с тем органы информации обращаются к самым широким массам: язык их материалов доступен всем, однако полный смысл ясен, вернее, более понятен лишь избранным.

Эта характерная особенность составляет основу специфической области китаеведения. В Гонконге, США и во многих других местах учреждения с многочисленным

штатом занимаются обработкой, систематизацией и главным образом сравнением всего того, что публикуется в китайской печати и звучит в передачах китайских радиостанций. Изменение понятий, смена очередности и т. п. — все это означает или может что-то означать. Выводы часто бывают неправильные, поскольку эта работа подобна решению уравнений со многими неизвестными и чаще всего основывается на гипотезах. Но такого рода работа необходима вследствие того простого факта, что внутренняя жизнь Китая покрыта тайной, и, если кто-то хочет узнать о ней хотя бы что-то, ему приходится разгадывать кроссворды.

Для нас прежде всего важен вопрос: пытается ли китайский читатель точно так же, как и иностранный наблюдатель, прочитать между строк? Очевидно, ответ на это должен быть утвердительный, по крайней мере что касается руководителей. Правда, для посвященных все это является лишь подтверждением уже известных им фактов, но сколько таких посвященных? Из этого следует, что, когда хотят увидеть Китай через призму Пекина, нужно учитывать не только сообщения китайских органов информации, но и то, почему, как и для кого они дают информацию.

Об этом мы должны были сказать прежде, чем попытаемся (как и при анализе открывающегося китайцу «горизонта мировой политики») на основе новогодних статей в трех основных китайских газетах определить границы, в рамках которых китайское руководство показывает жизнь в стране.

БОЕВЫЕ ГОДЫ, ПРЕКРАСНАЯ ОБСТАНОВКА

Положение в стране, что бы ни произошло, конечно, всегда характеризуется при подведении ежегодных итогов как «прекрасное». Согласно трем передовым статьям от 1 января 1970 года, Китай «под руководством председателя Мао» вступил в «великие семидесятые годы в противоположность мытарствам загнивающих, слабеющих империализма и социал-империализма... еще более сильным, процветающим и могущественным». Годом позже «многонациональное население Китая в

условиях нового подъема социалистической революции и социалистического строительства» переступило порог нового, «боевого 1971 года». «С началом нового года приветствуем победу пролетарской революционной линии председателя Мао и от всего сердца желаем нашему великому вождю, председателю Мао, долгой-долгой жизни». В обобщающей статье от 1 января 1972 года отмечалось, что боевой 1971 год был также «годом побед» и что многонациональный народ Китая «уверенно смотрит в 1972 год, который также будет боевым годом».

Такое удовлетворение не является следствием экономических успехов, ибо о них в статье говорится лишь во вторую очередь. Что же касается конкретных цифр, то они были опубликованы впервые после многих лет лишь в январе 1972 года. В начале 1970 года в качестве главного достижения признавалась «победа великой пролетарской культурной революции, организованной лично по инициативе председателя Мао и под его руководством», которая, как отмечалось в статье, «разрушит надежду империалистов и ревизионистов на восстановление капитализма в Китае». Не следует указывать, с какими шаблонными антисоветскими высказываниями связана эта фраза. Как мы видели на примере атласа мира, согласно официальной точке зрения Пекина, в Советском Союзе, где у власти находится «ревизионизм», «восстановили капитализм» и этого же хотят достичь в Китае. Поскольку главным образом Советский Союз, да и другие социалистические страны оказали огромную помощь в том, что в Китае было начато строительство социализма, эти обвинения представляются явно абсурдными. Однако китайская пропаганда столько раз повторяла их в последнее десятилетие, что сейчас она уже не повторяет их, а победоносно заявляет о «разгроме» выдуманных ею угроз.

К победе относится и то, что «великие идеи Мао Цзэ-дуна получили в невиданных масштабах распространение среди 700-миллионного населения Китая» и что «все более очевидным становится историческое значение IX съезда Коммунистической партии Китая».

Как известно, на IX съезде в Уставе было записано, что Линь Бяо, «ближайший соратник председателя Мао», возглавит партию в качестве преемника Мао. С отчетом в духе «культурной революции» выступил

Линь Бяо, которого избрали заместителем председателя ЦК КПК. Последующие события доказали, что единство, созданное на съезде, не было прочным. Даже внесенные в Устав КПК изменения (каких не было за всю историю международного коммунистического движения) были недостаточными и не могли гарантировать Линь Бяо роль преемника Мао. Он сошел со сцены прежде, чем взял бразды правления в свои руки.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПРИ ЛИНЬ БЯО И БЕЗ НЕГО

Рассмотрим, как отражена роль Линя и его падение в серии новогодних передовых статей, точнее, между строк (это является одним из эзотерических¹, понятных лишь посвященным, хотя, естественно, легко расшифровываемых средств коммуникации, о котором мы уже говорили выше).

В первую очередь следует сослаться на то, что хвалебные гимны в адрес вождя не противоречат особой позиции Линь Бяо, поскольку он обязан своей карьерой и особенно быстрым подъемом во второй половине шестидесятых годов культу личности Мао Цзэ-дуна. В статье от 1 января 1970 года имя Мао (не считая ссылок на идеи Мао) фигурирует 17 раз, а Линь Бяо — лишь один раз, хотя больше никто из руководства в тексте не был назван. Однако основной вопрос заключается в том, кто руководит страной. Как указывалось в статье от 1 января 1970 года, в новом году «вся партия, вся армия и весь народ страны должны еще теснее сплотиться вокруг Центрального комитета партии, руководителем которой является председатель Мао, а его заместителем — заместитель председателя Линь Бяо». Это положение лишь часть длинной фразы, в которой содержится также призыв глубже изучать «идеи Мао Цзэ-дуна» и следовать его лозунгам.

Через год эта основная фраза звучала уже следующим образом:

¹ *Эзотерический* (греческ.) — внутренний, скрытый; здесь — предназначенный исключительно для посвященных. Противоположн.: — экзотерический. — *Прим. ред.*

«Мы добились побед под руководством нашего вождя председателя Мао и Центрального комитета партии, руководителем которой является председатель Мао, а его заместителем — заместитель председателя Линь Бяо. Эти победы идей Мао Цзэ-дуна и великой пролетарской культурной революции были достигнуты в результате осуществления пролетарского революционного курса председателя Мао».

Как можно понять, в начале 1971 года особо выделялась руководящая роль Мао и наравне с ним Центрального комитета, руководимого им и его заместителем Линь Бяо, что тем самым понизило вес Линь Бяо в данном тезисе. Мало кому из иностранных наблюдателей пришло в голову сделать выводы из таких оттенков сообщений. Но если задуматься над тем, что, как позднее было доказано, уже тогда назревал конфликт, закончившийся удалением Линь Бяо с политической арены, то, по всей вероятности, это положение имело определенное значение и могло привлечь внимание кадровых работников.

Первого января 1972 года имя Линь Бяо исчезло из новогодней статьи. «Вся партия, вся армия и весь народ страны еще теснее сплотились вокруг Центрального комитета партии, руководимого председателем Мао», — можем мы прочесть в этой статье. Это положение содержится в абзаце, в котором сначала говорится о том, что кадровые работники, благодаря изучению трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и Мао, повысили свою способность различать «истинный и ложный марксизм» и в результате этого «лучше разоблачили заговор Лю Шао-ци и других обманщиков, поддерживающих незаконные связи с иностранными государствами», которые «стремлись изменить курс и политику партии и социалистический строй». Эти утверждения немного говорят иностранцу, но для китайского читателя, особенно для китайского кадрового работника, в том числе руководителя, их смысл очевиден. Ведь в числе косвенных нападок на Линь Бяо, продолжавшихся уже в течение месяцев, выражение «обманщики, подобные Лю Шао-ци», явно относилось к нему, как и обвинение, проходившее по каналам закрытой информации, в том, что он (известный своим антисоветизмом политический деятель) поддерживал секретные связи с Советским Союзом и после

своего разоблачения хотел туда сбежать. Так в китайской печати развертывалась кампания против Линь Бяо в форме все более прозрачных намеков, без единого упоминания его имени. (В истории китайской компартии не раз случалось, что о снятии какого-либо руководителя сообщалось годами позже.)

«БОРЬБА — КРИТИКА — ПЕРЕСТРОЙКА»

Однако в конечном итоге что мы знаем о положении страны на основании пекипских расчетов? Немного. Например, в начале 1970 года мы могли узнать, что движение «борьба — критика — перестройка углубляется на всех фронтах».

Сложное название имеет тот период политической жизни Китая, во время которого кадровые работники, борясь против врага, вернее, против провозглашенных враждебными сил, слоев и идей, проявляя склонность вновь следовать курсу Мао, критикуя исправимые «ошибки», пытались путем перестройки организационной структуры создать Китай, соответствующий духу «культурной революции» и идеям Мао. Это движение точнее никогда не определялось (лозунг мог относиться и к преобразованию личности). Однако, если где-то еще не закончилось избрание новых руководящих органов и если еще не родилась новая оценка чего-то, ответ в течение многих лет всегда был одним: еще не завершился «доу-пи-гай», то есть не закончился процесс «борьбы — критики — перестройки». Новогодние статьи в последующем году также свидетельствовали о том, что движение быстро не завершится, поскольку «доу-пи-гай» и в дальнейшем занимает центральное место в списке стоящих задач.

Через год можно было прочитать в числе достижений в идеологической области, что «рабочие, крестьяне, солдаты, революционные кадры и революционная интеллигенция творчески изучили и применили на практике философское учение председателя Мао».

В начале 1972 года в передовой статье уже особо выделялось и изучение классиков марксизма. Многие наблюдатели считают, что когда китайская печать вместо

практиковавшегося ограничивания миром цитат из «красной книжечки» призвала к изучению философских работ Мао и трудов классиков марксизма, то тем самым она в скрытой форме дала понять, что существует не только цитатник, составленный Линь Бяо, что господствующая в китайском государстве идеология означает больше, чем сборник цитат, подготовленный министром обороны. После падения Линя, во всяком случае без особых потрясений, можно было изъять «красную книжечку» из китайской общественной жизни. А теорией могли заниматься и дальше, в соответствии с новыми указаниями.

«ВЫСОКАЯ ВОЛНА» БЕЗ ЦИФР

В новогодних статьях можно всегда найти констатацию экономической консолидации, главным образом если сравним аналогичные статьи за последние три года.

В январе 1970 года в передовой статье давались лишь такого рода неконкретные сведения, как, например, «поднимается новая высокая волна промышленного и сельскохозяйственного производства»... и, конечно, в результате углубления «борьбы — критики — перестройки».

Через год китайский читатель смог узнать немного больше: «Мы успешно выполнили третий пятилетний план развития национальной экономики. В течение девяти лет мы ежегодно собирали богатый урожай. Новый подъем начинается в области промышленного производства. Цены стабильны, рынок богат. Повысилась наша готовность отразить нападение. Диктатура пролетариата в нашей стране прочнее, чем когда бы то ни было. Наша великая социалистическая родина процветает».

К этому можно добавить, что в годы пятилетки (в годы «культурной революции») о пятилетнем плане практически ничего не говорилось. Китайские руководители тоже признавали, что анархия, возникшая в тот период, отбросила промышленное производство назад. Таким образом, успешное выполнение плана, по всей вероятности, является лишь фикцией, хотя несомненно, что в 1969 и 1970 годах производство имело тенденцию к росту. (Конечно, поскольку никогда не публиковались

ни плановые показатели, ни конкретные данные об их выполнении, никто не может проверить, что и как было выполнено.) Анализ конкретного содержания статьи позволяет раскрыть ее суть, заключающуюся, скорее всего, в том, что народное хозяйство страны получает некоторое развитие благодаря (относительно достоверным) достижениям сельского хозяйства, составляющего основу национальной экономики, благодаря тому, что деревня, по существу, была исключена из сферы борьбы за власть в период «культурной революции». Если бы ничего не было сказано о пятилетнем плане, то фактически было бы признано, что он завершился крахом. Но такого (признания) в Китае быть не может.

Что касается «приготовлений на случай войны» (китайская печать старательно следит за тем, чтобы писать не о «военных приготовлениях», а о необходимости «готовиться на случай войны»), то смысл этого был ясен каждому китайцу. С осени 1969 года повсюду в Китае начались работы широкого масштаба по строительству убежищ (заметим, что это проходило в рамках антисоветской пропагандистской кампании, когда населению заявляли, что убежища необходимы ввиду «угрозы с севера»). Во всех китайских городах были построены соединенные системы подземных дорог и убежищ, причем в основном с помощью населения. На предприятиях — рабочие, в магазинах — продавцы, в домах — жители рыли подвалы, траншеи, бункеры. Более года центральные части всех китайских городов были покрыты горами земли. Часть необходимых материалов дало государство, а остальные, например кирпичи, изготовило население. Разумеется, не следует особо подчеркивать, что в этот период в китайских городах жилищное строительство, по существу, не велось.

ИТОГИ 1971 ГОДА

Первого января 1972 года, после более чем десятилетнего перерыва, китайское руководство впервые опубликовало конкретные цифры по некоторым экономическим показателям развития страны. Это, естественно, было признаком улучшения результатов в экономике, а также большей уверенности руководства в своих силах.

Годом раньше, в конце 1970 года, премьер Чжоу Энь-лай сообщил некоторые важные цифры в беседе с Эдгаром Сноу. Однако китайская печать их не публиковала. Таким образом, эти данные, хотя глава китайского правительства и назвал их американскому публицисту, можно считать лишь информацией частного характера. Для публикации конкретных цифр в официальной печати, очевидно, нужно было коллективное решение китайского руководства.

«В 1971 году мы успешно выполнили боевые задания, намеченные на первый год четвертого пятилетнего плана развития национальной экономики. Стоимость валового производства в промышленности и сельском хозяйстве выросла по сравнению с 1970 годом почти на 10 процентов. В сельском хозяйстве мы вновь собрали хороший урожай, и это уже десятый год подряд. Несмотря на довольно серьезные природные бедствия, урожай зерновых в 1971 году превысил показатели 1970 года и достиг 246 миллионов тонн. Выполняется поставленная Мао Цзэ-дуном задача: «Нужно покончить с таким положением, когда приходится поставлять зерно с Юга на Север». Выросло промышленное производство, повысилось качество продукции, расширился ее ассортимент. Производство стали достигло 21 миллиона тонн, превысив тем самым уровень 1970 года на 18 процентов. Это означает, что промышленность Китая достигла нового уровня. Довольно быстро увеличивались капиталовложения. Цены оставались стабильными, а рынок был богатым по всей стране. Возросли материальные ресурсы государства и народа. Наблюдалось некоторое повышение жизненного уровня народа. В ходе революции на фронте культуры и образования появились некоторые новые явления, были созданы новые произведения. В определенной степени повысился научный и технологический уровень. Народно-освободительная армия стала сильнее, наша оборона прочнее, чем когда-либо».

Это изложение, естественно, вряд ли можно сопоставить с ежегодным сообщением ЦСУ какой-либо социалистической страны. Но если сравнить его с содержанием новогодних статей в предыдущие годы, то можно заметить разницу. Следует сделать несколько замечаний по поводу данных, помещенных в вышеуказанной статье.

Что касается темпов роста сельскохозяйственного и промышленного производства, то, кажется, впервые за многие годы в Китае более строго придерживались дисциплины в области статистики, поскольку в статье сообщалось, что рост промышленного производства составил не более 10 процентов. В то же время цифры, часто публиковавшиеся в китайской печати о росте производства промышленности отдельного города, предприятия и т. д., всегда были значительно более высокими. Еще больше бросается в глаза тот факт, что 1 октября китайская пресса, сообщая о данных промышленного производства за первые восемь месяцев, заявила, что оно выросло на 18,7 процента по сравнению с таким же периодом предыдущего года. Если не делать предположений о том, что в последнем квартале года производство снизилось, что маловероятно (кроме того, все равно 1 января нельзя знать точных данных), то можно прийти к выводу, что в предварительные сообщения были внесены коррективы или же были найдены новые критерии оценки успехов.

Об урожае зерновых в Китае в последний раз публиковались достоверные данные в 1957 году. Тогда было собрано 185 миллионов тонн зерна (а население составляло почти 600 миллионов человек). Затем последовал год «большого скачка», когда Китай попытался одним махом преодолеть свою отсталость. В конце этого года сообщалось об урожае зерновых в 375 миллионов тонн, что могло бы означать, что в Китае сельскохозяйственное производство ежегодно увеличивается в два раза. Позже сами китайские власти признали, что статистические данные были недостоверными и что урожай зерновых в 1958 году составил 250 миллионов тонн (эту цифру за рубежом также восприняли с осторожностью). Затем последовали три трудных года, 1959—1961 годы, когда сказались влияние неблагоприятных природных условий и стихийных бедствий, а также хаоса, возникшего вследствие провала «народных коммун» и «большого скачка». По подсчетам иностранных наблюдателей, урожай в эти годы был значительно ниже уровня 1957 года.

Лишь с 1962 года вновь начало расти сельскохозяйственное производство. Но и при этом Китай с начала шестидесятых годов постоянно импортировал пшеницу,

несколько миллионов тонн ежегодно. Импорт пшеницы в семидесятых годах начал сокращаться. Из этого можно сделать вывод, что в Китае хотят создать равновесие между возрастающей численностью населения (многие годы официально называют цифру 700 миллионов, но большинство считает, что численность китайского населения колеблется от 750 до 800 миллионов человек) и объемом сельскохозяйственного производства. (Согласно данным атласа мира, выпущенного в 1970 году, население Китая составляло 697 миллионов человек.) Во всяком случае, цифра 240 миллионов тонн зерновых, названная Чжоу Энь-лаем применительно к 1970 году, и опубликованная в новогодней статье цифра 246 миллионов тонн свидетельствуют об этой тенденции, хотя, по мнению отдельных зарубежных наблюдателей, и эти цифры преувеличены.

Производство стали всегда являлось одним из главных вопросов развития китайской промышленности. Весь мир помнит о неудачной попытке осуществить в 1958 году «большой скачок», когда путем мобилизации населения на строительство многих тысяч «народных домен» пытались решить проблему производства стали.

В 1958 году производство стали, по официальным данным, составило 11 миллионов тонн. Однако позже было заявлено, что из них 3 миллиона тонн были непригодны для промышленного потребления. И большая часть «народных домен» была заброшена. Достигнутый спустя 14 лет объем производства в 21 миллион тонн на деле означает, что китайская промышленность достигла нового уровня, хотя правда и то, что Китай вынужден и в дальнейшем импортировать значительную долю качественной стали — более чем 2 миллиона тонн (в основном из Японии).

Остальная часть статьи, где подводятся итоги, содержит не данные, а осторожно сформулированные общие положения. И хотя в этот период иностранцы, посещающие Китай, в целом наблюдали хорошее снабжение, с трудом можно проконтролировать «некоторое повышение жизненного уровня». Сельскохозяйственное производство, возможно, и шло в ногу с увеличением численности населения, может быть, даже опережало его. Однако это вряд ли могло в значительной мере повысить жизненный уровень (даже статья не утверждала этого).

Ссылка на поставки зерна, несомненно, имеет важное значение: ограниченные транспортные мощности в Китае в основном заняты перевозкой зерна на Север, сельское хозяйство которого не обеспечивает местных потребностей, и угля на Юг, где своего топлива недостаточно. В шестидесятых годах были предприняты усилия для того, чтобы Север обеспечивал себя зерном, а на Юге возросла добыча угля. И в этом были достигнуты определенные успехи.

Миллионы читателей изучают новогодние статьи прежде всего с той целью, чтобы узнать, какие новые задачи и кампании ожидают их в будущем году. Естественно, они не обязательно определяются в новогодних статьях. Мы затем избрали в качестве отправной точки новогодние статьи за три года, чтобы, сравнив их, дать венгерскому читателю возможность кое в чем разобраться. Статья от 1 января 1970 года говорила о линии, утвержденной в апреле на IX съезде КПК. Через год в новогодней статье шла речь о решении сентябрьского (1970 года) пленума ЦК КПК. В статье же от 1 января 1972 года получила отражение борьба за власть, имевшая место в сентябре. Таким образом, три статьи были написаны в различное время, но почти не отличались ни по языку, ни по фразеологии. Китайское руководство всегда обращало внимание на то, чтобы создать видимость постоянства и неизменности даже при самых резких поворотах. Ключ к познанию этого лежит не столько в изменении лозунгов, сколько в их сохранении, провозглашении новых и смещении акцентов в толковании старых.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ

Посмотрим же, какие задачи ставились перед китайским народом на пороге семидесятых годов в общей статье трех китайских газет от 1 января 1970 года.

«Мы должны добиться слияния широкого движения масс, развернутого в целях изучения и претворения в жизнь идей Мао Цзэ-дуна, с задачами борьбы — критики — перестройки. Мы должны прочно взять в свои руки дело борьбы между двумя классами, двумя путями и

двумя линиями, рассматривать ее в качестве важного звена и выполнить основную задачу укрепления диктатуры пролетариата во всех низовых ячейках общества».

Если для наших читателей слияние «борьбы — критики — перестройки» и «идей Мао Цзэ-дуна», возможно, в общем ясно на основе вышесказанного (хотя китайский читатель получает не больше указаний о том, что это конкретно значит), то о борьбе двух классов, двух путей и двух линий мы еще не говорили. Это одна из формулировок главных причин «культурной революции». Однако ее использовали и раньше в китайском политическом лексиконе. В ней сконцентрирована суть теории Мао Цзэ-дуна, согласно которой классовая борьба между пролетариатом и буржуазией и при социализме не умирает, а продолжается и проявляется в самой партии, а также в том, какой конкретно путь (капиталистический или социалистический) нужно избрать и какой линии (пролетарской или буржуазной) нужно следовать (об этом мы еще скажем в отдельной главе).

Однако то, какой путь и какая линия в данную минуту является правильной, всегда определяет высшее руководство, причем в таких же туманных статьях, как та, что мы только что анализировали. Правильные путь и линия могут, конечно, меняться. И миллионы кадровых работников должны вовремя понять, что означает старый лозунг. Борьба внутри партийного руководства в период «культурной революции» вдвойне вызвала в их рядах смятение, поскольку линия, оказавшаяся в конечном итоге правильной, ставила целью разгром созданного за годы народной власти партийного и советского аппарата, то есть ликвидацию основы власти кадровых работников, непосредственно угрожая позиции руководителей. В этот период, в начале 1970 года, содержание «пролетарской революционной линии председателя Мао» было, во всяком случае, ясным. Можно было понять и его призыв осуществить чистку и навести порядок в каждой «низовой ячейке» (на заводе, предприятии, в народной коммуне и т. д.).

«Нам и впредь нужно разворачивать революционную массовую критику, чтобы преодолеть вредное влияние контрреволюционной ревизионистской линии Лю Шао-ци, ренегата, тайного изменника, предателя рабочих».

Председатель КНР Лю Шао-ци после своего падения постоянно получал эти ярлыки в китайской печати, которая редко упоминала его имя без подобных «эпитетов». Лю Шао-ци является одним из ветеранов китайского коммунистического движения. И хотя можно доказать, что он имел острые политические разногласия с Мао Цзэ-дуном и поддерживающей последнего группой китайских руководителей, в обвинениях его в предательстве (обвинениях неконкретного характера) просматривалось стремление перенести разразившийся в шестидесятые годы конфликт и на прошлое. Под «революционной массовой критикой» обычно имеются в виду критические кампании, проводимые типично китайскими методами с вовлечением в них масс. Эти кампании осуществляются либо в форме открытых собраний, либо в форме наклеивания на стены «газет, написанных большими иероглифами». В то время как на первых этапах «культурной революции» эта критика часто происходила спонтанно, то уже в начале 1970 года, как мы увидим, «революционная массовая критика» была организованной (в основном сверху) акцией и имела главной целью ликвидацию самостоятельных фракций и организаций, созданных на ранних этапах «культурной революции».

«В идеологической и культурной области мы должны высоко держать большое красное знамя идей Мао Цзэ-дуна и впредь преодолевать идеологическое влияние буржуазии и других эксплуататорских классов; в политической области нам нужно хорошо работать над очищением классовых рядов в соответствии с политикой партии и укреплять диктатуру над незначительной контрреволюционной силой; в экономической области нужно укреплять и развивать экономическую основу социализма и вести планомерную борьбу против саботажа и подрывной работы буржуазии. Мы должны осуществить революцию в области образования, научных исследований, в литературе и искусстве, в печати, здравоохранении и др.»

Указания относительно партийного строительства, точнее, воссоздания партии призывают к борьбе против «правых» или «ультралевых» «реакционных идейных направлений». (Естественно, понятия «правые» и «левые» имеют совсем другой смысл, чем у нас, а правильное направление — «среднее», пролетарская революци-

опная линия председателя Мао.) Каждого члена партии призывали заняться самоанализом и глубоко перестроить свое мышление «в свете указаний председателя Мао и требований нового Устава партии».

Указания в области экономики в основном содержат известные цитаты Мао, так, например: «Возьмем в руки дело революции, будем развивать производство и усиливать подготовку на случай войны!» Об экономической стратегии говорится лишь следующее: «Выработанные председателем Мао принципы опоры на собственные силы и упорной борьбы нужно осуществлять на практике в каждой провинции, в каждом районе, в каждой низовой ячейке и на каждом предприятии».

В ходе подготовки плана, как заявляет Мао, «важно мобилизовать массы и позаботиться о том, чтобы было достаточно начинаний».

Интересно, что о задачах, стоящих перед государством, говорится в абзаце, где речь идет о военных приготовлениях. Тем самым как бы подчеркивается главенствующая роль армии.

В нем прежде всего содержится призыв к китайскому народу — в соответствии с указаниями Мао о необходимости готовиться на случай вероятной атомной войны — «повысить в сто раз революционную бдительность!». С ним связан другой призыв — «укреплять центральное руководство партии». Кроме того, нужно укреплять революционные комитеты, созданные в период «культурной революции» органы власти, основу которых составляет «великий революционный тройственный союз» «революционных кадров, революционных масс и народно-освободительной армии». (Как можно видеть, в Китае налицо явная «инфляция» слова «революция», там все «революционное».) Нужно укреплять единство армии и народа. Армия должна и впредь оказывать «три вида помощи» и выполнять «две военные задачи». («Три плюс два» — не что иное, как «помощь промышленности, сельскому хозяйству и левым»; задачи в области «военно-политической подготовки и военного контроля». То есть под знаком этого лозунга военные осуществляют контроль за гражданской жизнью. Со ссылкой на этот лозунг представители военных участвуют в деятельности всех органов власти и революционных комитетов.)

Статья 1970 года призывает армию успешно развивать движение четырех «хорошо», о котором более подробно мы расскажем ниже. Инициатором этого движения был Линь Бяо. Сначала оно было организовано в виде соревнования между военными подразделениями. А затем его распространили на всю страну, на гражданское население. Движение просуществовало вплоть до исчезновения министра обороны, после этого о нем больше ничего не говорили. Призыв повышать боеспособность, который последовал за этим, естественно, не вызывает удивления. Авторы новогодней статьи призывают армию добиться новых заслуг в защите великой социалистической родины. Лишь это известно нам о задачах страны в начале текущего десятилетия.

ОПРОМЕТЧИВЫЕ ПРОГНОЗЫ

Годом позже в новогодней статье было заранее объявлено о трех важнейших событиях 1971 года: праздновании годовщины Парижской Коммуны, 50-летию создания Коммунистической партии Китая и созыве Всекитайского собрания народных представителей. Празднование двух годовщин ограничилось публикацией одной статьи принципиального характера (в каждом случае) и выпуском нескольких марок и плакатов, без организации каких-либо центральных мероприятий, торжеств (в этот период уже приближалось столкновение между двумя группами избранного на IX съезде КПК руководства). А Всекитайское собрание народных представителей вообще не было созвано. Это нигде публично не было объяснено, и автор новогодней статьи 1972 года ограничился тем, что вновь объявил о предстоящем созыве сессии Всекитайского собрания народных представителей.

В общей статье 1971 года уже маячила тень возникшего позднее столкновения, ибо в ней содержался призыв изучать диалектический и исторический материализм, чтобы члены партии «повысили свою способность различать истинный и ложный марксизм». Это был намек, связанный с исчезновением одного из избранных на IX съезде высших руководителей — Чэнь Бо-да, бывшего личного секретаря Мао, члена Постоянного коми-

тета Политбюро. Вначале, вероятно, обвинение в «ложном марксизме» относилось прежде всего к нему. Позднее список обвиняемых значительно расширился. Здесь следует напомнить читателю, что Центральный комитет КПК, избранный IX съездом, избрал Политбюро из 21 члена ЦК и 4 кандидатов в члены ЦК, а также Постоянный комитет Политбюро из 5 членов, куда вошли Мао, Линь Бяо, Чжоу Энь-лай, Чэнь Бо-да и Кан Шэн. Однако внутри Постоянного комитета Мао и Линь, как председатель и заместитель председателя партии, занимали особое положение, не говоря уже об особой роли, которую играл в комитете Мао.

Авторы новогодней статьи 1971 года после десяти лет яростной антисоветской пропаганды и пяти лет «массовой борьбы» против Лю Шао-ци сочли необходимым продолжать критику «идеологических направлений Современного ревизионизма» и заявили, что «центром современного ревизионизма является советский ревизионизм» и что нужно преодолеть сохраняющееся «вредное влияние» линии Линя. Таким образом, в начале 1971 года китайские руководители видели, что и многолетняя «разъяснительная работа» не смогла в достаточной степени заглушить дружеские чувства китайского народа по отношению к Советскому Союзу, а также стереть из памяти приписываемую Лю Шао-ци более реальную внутриполитическую линию.

В новогодней статье впервые после «культурной революции» шла речь о воссоздании Союза молодежи и проведении партийных конференций на различных уровнях. В конце 1970 года состоялась первая партийная конференция в провинции после разгрома прежнего партийного аппарата. Тем самым впервые был восстановлен механизм партийного аппарата снизу доверху (в период IX съезда существовало только центральное руководство, но не было районных, городских и провинциальных партийных комитетов).

ИНТРИГАНЫ И ЗАГОВОРЩИКИ

В январе 1972 года, после того как Линь Бяо и большая часть военачальников бесследно исчезли со страниц китайской прессы и из жизни страны, эти изменения,

естественно, нашли отражение в идеологических задачах.

«Теорию нужно связать с практикой, борьбу в прошлом — с борьбой в настоящем, чтобы яснее различать марксистско-ленинскую линию, политику председателя Мао и антимарксистскую, антиленинскую теорию отражения и идеалистическую теорию априорности, социалистический и капиталистический путь, то, что содействует укреплению партийного руководства, и то, что ослабляет или отрицает его».

Не нужно быть в Китае руководящим кадровым работником, чтобы понять этот намек, хотя выдвижение на повестку дня борьбы между марксистской теорией отражения и идеалистической теорией априорности также является такой особенностью Китая, которую трудно понять со стороны.

Но то, что следует за этим, совсем не относится к философии:

«Председатель Мао всегда требовал, чтобы мы были откровенны. Обманщики типа Лю Шао-ци, которые ведут контрреволюционную деятельность в целях реставрации капитализма, основательно изолированы в партии, армии и внутри народа страны. Они неспособны вынести солнечный свет, поэтому прибегают только к интригам и заговору, распространению панических слухов и очернительству».

Для заблуждающихся, однако, тоже есть выход: «нужно объединиться с подавляющим большинством народа, включая тех, кто по неведению выступает против нас, но искренне исправляет свои ошибки». Не удивительно, что в таких условиях формирование организационной структуры, соответствующей революционной линии председателя Мао, связано с трудностями. «Движение борьба — критика — перестройка развивается неравномерно», — признает автор общей статьи, впервые за многие годы в порядке самокритики. «Предстоит еще большая работа, еще сохраняются слабые звенья и ячейки, назрели новые, нерешенные проблемы».

Расчеты в целом заканчиваются призывом к труду и скромности: «Перед лицом новых задач внутренней и внешней борьбы нужно проявлять скромность и осторожность, нужно избегать высокомерия и нетерпеливости, нужно упорнее учиться и работать, чтобы, «завое-

вав новые победы, оказать большую помощь делу человечества» (цитата из трудов Мао).

Таково было напутствие при вступлении в 1972 год. И в рамках этого китайская печать писала о задачах в то время. Уже тогда, как мы могли видеть, общие передовые статьи (в 1970, 1971 и 1972 годах) по-своему отражали не только китайскую официальную позицию, но и ее изменения, о чем, в частности, говорит сравнение этих статей. В дальнейшем рассмотрим эти изменения, а также то, как отражаются в повседневной деятельности средств массовой информации борьба за власть, ведущаяся внутри высшего руководства, и связанная с ней политическая перестройка. Несомненно, наиболее наглядным последним примером этому служит дело Линь Бяо.

12 сентября 1971 года в последний раз прозвучали привычные восхваления в адрес великого преемника — Линь Бяо. На другой день, согласно официальному сообщению, появившемуся в Китае чуть ли не через год, Линь Бяо был уже мертв, а его имя с начала октября в китайской прессе больше не появлялось.

ПУБЛИКАЦИЯ 50 ФОТОСНИМКОВ

Последний хвалебный гимн в честь министра обороны, как всегда, сочетался с восхвалением председателя Мао. На сей раз данный случай был использован для того, чтобы в связи с 50-й годовщиной образования КПК выпустить в Китае серию фотографий, состоящую из 50 снимков, на которых были запечатлены различные этапы из жизни Мао Цзэ-дуна. Агентство Синьхуа свое сообщение по поводу публикации вышеуказанных фотографий сформулировало в таком духе, как это было принято в годы «культурной революции», однако с осени 1971 года уже вышло из моды.

«Эти фотографии ярко отражают значительную революционную деятельность нашего великого вождя, председателя Мао, то, как он руководит героической борьбой народа нашей многонациональной страны, населенной различными национальностями; пламенно воздают славу мудрому вождю, председателю Мао, его пролетарской революционной линии, идеям Мао Цзэ-дуна. На фотографиях запечатлены многочисленные волнующие моменты. На них мы видим председателя Мао среди ра-

бочих, крестьян и военных. Эти фотографии отражают трогательную заботу нашего великого вождя, председателя Мао, о пародных массах, а также глубокие пролетарские чувства масс, безгранично любящих своего великого вождя».

Уже с начала семидесятых годов этот стиль (позволения) упростился, сократилось употребление общих высокопарных выражений. В декабре 1970 года Мао Цзэ-дун принял давнего составителя хроники китайской революции и своего доверенного человека, Эдгара Сноу, и сказал ему, что намерен принять некоторые меры в отношении существующего культа своей личности. Этот культ Мао Цзэ-дун представил в качестве средства, использованного другими в целях политической борьбы. Согласно его аргументации, ранее Линь Бяо от его имени и ссылаясь на него проводил в жизнь свою политику, против которой он, Мао, возражал. (В этом есть некоторая доля правды: само выражение «идеи Мао Цзэ-дуна» также принадлежит Линь Бяо.) В то время он решил, как заявил Мао Эдгару Сноу (согласно позже опубликованной статье американского публициста, которая пересказывала лишь ход мыслей руководителя КПК, а не цитировала слово в слово состоявшийся разговор), что если и должен быть культ личности, то он будет использовать его в целях претворения в жизнь своей политики. Однако сейчас, когда «культурная революция» одержала победу, уже нет необходимости в таком культе, и он сам из 4 титулов (сформулированных Линь Бяо), согласно которым он является для своего народа великим вождем, кормчим, военачальником и учителем, намерен оставить лишь последний. Китайская пресса не опубликовала эту статью Сноу, но многие кадровые работники прочитали ее в специальной внутренней информации.

Эдгар Сноу неоднократно играл определенную роль в формировании китайской истории. Он был первым корреспондентом (и первым иностранцем), который написал книгу о партизанской армии, действовавшей в красных районах Китая. Эту книгу сразу же перевели на китайский язык, из нее многие в Китае узнали о задачах и борьбе НОАК и коммунистической партии. Однако на сей раз, вероятно, помимо воли Сноу, это интервью сыграло роль катализатора и ускорило начало скрытого

кризиса, разразившегося в маоистской верхушке, сформированной на IX съезде партии. Очевидно и то, что Мао Цзэ-дун использовал свой почти ритуальный культ личности в качестве средства борьбы против Лю Шао-ци и стоящих за ним работников партийного и государственного аппарата. Следовательно, это только полуправда. (Впрочем, культ личности всегда и по всем своим тенденциям чужд коммунистам!) В то же время культ личности Мао Цзэ-дуна был использован Линь Бяо для своей политической карьеры; в конце концов, он составил «красную книжечку», в армии он первым ввел культ личности (например, с помощью распространения мифа о Лэй Фыне, «верном солдате председателя Мао»). Именно культ личности явился основой карьеры Линь Бяо. Благодаря этому он стал заместителем председателя ЦК КПК, тенью Мао Цзэ-дуна (в последние годы он появлялся на людях лишь в обществе Мао и всегда находился рядом с ним) и был назначен его преемником. Другими словами, если бы уменьшился культ личности, то тем самым было бы подорвано и положение Линь Бяо. Заместитель председателя заведомо правильно оценил интервью Сноу, и, таким образом, вряд ли вызывает сомнение тот факт, что состоящая из 50 фотографий серия, как дальнейшее средство насаждения культа личности, также соответствовала и целям Линь Бяо.

Среди вышеуказанных 50 фотографий 8 снимков изображали председателя КПК в обществе Линь Бяо! Прочитируем текст, сопровождавший фотографии: «Отдельные фотографии изображают великого вождя, председателя Мао, вместе со своим близким товарищем по оружию, заместителем председателя Линь Бяо. Они дают нам возможность почувствовать, что товарищ Линь Бяо последовательно высоко держал великое красное знамя идей Мао Цзэ-дуна, решительно претворял в жизнь и защищал пролетарскую революционную линию председателя Мао, давал блестящий пример всей партии, всей армии, народу всей нашей страны».

Согласно полуофициальной версии, распространившейся в Пекине примерно годом позже, через несколько часов после опубликования вышеприведенных душевных слов о Линь Бяо и после того, как последний якобы трижды потерпел неудачу в организации заговора с целью убийства Мао Цзэ-дуна, он на самолете совершил

бегство из страны, но его самолет разбился в Монголии. (Это объяснение Пекина во всем мире было подвергнуто сомнению: в Монголии действительно разбился китайский самолет с 9 пассажирами на борту, и, хотя они до неузнаваемости обгорели, ни один из трупов не был похож на Линь Бяо. Все говорило о том, что это были останки людей моложе 45 лет.

Тот факт, что в китайском руководстве происходила внутренняя борьба, этап которой закончился со смертью Линь Бяо, уже никто не подвергал сомнению после пекинского сообщения. В данном случае для нас важно не то, как произошла расплата, а то, как это было представлено пекинской службой информации.)

Допустим, что подготовка такого лестного для Линь Бяо фотомонтажа была инспирирована самим министром обороны. Однако данный фотомонтаж, естественно, был только одним и, очевидно, не самым важным спорным моментом внутренних разногласий, ибо в это время китайское руководство занимали такие темы, как, например, приглашение в Китай Никсона и подготовка к этому, роль армии, начало осуществления пятилетнего плана (в том числе вопрос о распределении национального дохода) и т. д. В условиях же внутренней борьбы каждый сделанный жест имеет особое значение. Если бы в таких условиях 1 июля с большой помпой была отмечена 50-я годовщина создания КПК, с портретами Мао и Линя в витринах магазинов, с появлением Мао и Линя на трибуне на площади Тяньаньмынь, это явно было бы новой демонстрацией руководящей роли Линь Бяо. В общей новогодней передовой статье, опубликованной в нескольких газетах, праздник 1 июля, как мы видели, рассматривался именно как большое событие предстоящего года. Тем не менее полувековая годовщина компартии была отмечена лишь опубликованием юбилейной передовой статьи в печати и выпуском юбилейной серии марок (в ней не было марок, изображающей Линь Бяо).

Трудно представить, что китайские печатники вовремя не справились с изготовлением 50 марок с изображением председателя Мао. Таким образом, весьма странно, что вышеуказанная серия марок была выпущена 12 сентября, более чем через два месяца после юбилея. Если же знать, что окончательное сведение счетов между двумя группировками китайских руководи-

лей произошло именно в эти дни, то неожиданное появление серпик марок, по существу, можно также рассматривать как «последнюю попытку» Линь Бяо и его сторонников (шла ли речь действительно о заговоре или лишь о том, чтобы именно в это время в борьбе за власть склонить чашу весов на свою сторону). Если, как впоследствии полагали (!), Линь Бяо действительно хотел убить Мао Цзэ-дуна, то он мог бы взять власть только от имени Мао. В соответствии с этим могло произойти следующее: 12 сентября начинают распространять серпик марок, доказывающих лояльность Линь Бяо, 13-го объявляют о смерти председателя и его «верный товарищ по оружию» и официальный преемник возглавляет траурную процессию. Это был бы, по нашему мнению, маловероятный, но вообразимый «сценарий» для данного этапа китайской истории.

Мы достаточно узнаем о случившемся и в том случае, если из мира гипотез обратимся к фактам, которые можно проконтролировать. Фактом является то, что до конца 1972 года, то есть до сдачи в печать рукописи данной книги, официально о смерти Линь Бяо китайская пресса ничего не сообщала, хотя зарубежные представительства КНР в августе 1972 года уже подтвердили весть о его смерти. Население же Китая, отчасти читая между строк, отчасти по каналам внутренней, главным образом устной, информации узнало о фактической смерти и мнимом предательстве официального преемника, заместителя председателя, показывавшего блестящий пример всей стране, как применять учение Мао. (Если и попадались такие люди, которые с непреклонной верой и энтузиазмом до конца осуществляли «великую пролетарскую культурную революцию», то они могли основательно разочароваться, узнав, что не только председателя КНР Лю Шао-ци объявили «скрытым контрреволюционером», но через несколько лет и его противника — Линь Бяо.) Служба информации, естественно, лишь постепенно распространяла материалы по поводу этого события, тем более что после падения министра обороны по всей стране должны были провести значительные кадровые замены и чистку среди руководящего состава. Вначале только узкий круг высшего руководства был информирован о случившемся, а затем историю с заговором Линь Бяо постепенно довели до

сведения многомиллионной армии кадровых работников. За границей это впервые стало известно в начале ноября 1971 года, и это означало, что в Китае данная версия уже распространилась в довольно широких кругах, однако прошли месяцы, пока мы смогли воочию убедиться в окончательном падении Линь Бяо.

В этом случае перед службой массовой информации Пекина стояла более деликатная проблема, чем накануне китайско-американской дипломатической встречи на высшем уровне. Она должна была опровергнуть свою более чем полувековую внутреннюю пропаганду, причем таким образом, чтобы сильно не травмировать общественное мнение. Для этого были необходимы две вещи: с одной стороны, в течение определенного времени надо было скрывать то, что произошло на самом деле, а с другой — следовало развенчать весьма значительный культ личности Линь Бяо. Китайская служба массовой информации сделала все, чтобы достичь этих целей. Пресса в течение долгого времени могла держать в неведении даже тех, кто заметил уже первые симптомы кризиса. Благодаря этому китайское руководство выиграло время, потребовавшееся для постепенной подготовки масс к восприятию этой информации и тем самым для осуществления внутриполитических изменений в стране.

Первой ощутимой переменной, происшедшей в китайской прессе, было то, что имя Линь Бяо, а также имена начальника генерального штаба НОАК Хуан Юн-шэна и многих других военачальников вдруг совершенно исчезли из информационных сообщений. В то же время китайские официальные органы массовой пропаганды никоим образом не дали понять, что Линь Бяо уже является «персоной нон грата» в политической жизни КНР.

ИЗМЕНЕНИЯ В СВЯЗИ С ПРАЗДНОВАНИЕМ 1 ОКТЯБРЯ 1971 ГОДА

Ни у китайцев, ни за границей, по сути дела, не вызвал сомнения тот факт, что в Китае произошло какое-то значительное событие. 1 октября 1971 года впервые после провозглашения Китайской Народной Республики не состоялось грандиозной демонстрации по случаю на-

национального праздника. Не было и фейерверка, который обычно наблюдало с трибуны на площади Тяньаньмынь все китайское руководство во главе с Мао и Линь Бяо. Демонстрация 1 октября в Китае — более значительное событие, чем национальный праздник в какой-либо другой стране: здесь это считается поистине национальным мероприятием. Протокольный список лиц, находившихся на праздничной трибуне (из года в год сотни имен (!)), газеты всегда публиковали на видном месте. Фотография тех, кто находился на трибуне, точнее всего информировала народ своей страны и иностранцу о иерархической лестнице в китайском руководстве (имело значение и то, кто на каком расстоянии от Мао Цзэ-дуна стоял на трибуне). Во всех кинотеатрах страны демонстрировался часовой документальный фильм о военном параде, в котором за последние годы ни разу не отсутствовали кадры, изображающие праздничную толпу, со слезами на глазах встречающую появление Мао Цзэ-дуна. Национальный праздник 1 октября и аналогичным образом отмечаемый (только без демонстрации) день 1 Мая из года в год были грандиозной встречей масс с руководством страны. Мао и Линь обычно только во время этих праздников появлялись перед народом. С большой праздничной речью 1 октября из года в год по традиции выступал министр обороны (Мао после отмены демонстрации и праздничного фейерверка уже публично не появлялся, телевидение в последний раз показало его 1 мая 1971 года в прямой передаче с места события).

Следовательно, если на этот раз военный парад был отменен без какого-либо объяснения (китайские газеты ни словом не обмолвились об этом изменении), значит, тому была определенная причина. Ведь еще в начале сентября шла большая подготовка к параду, и лишь в середине месяца она совершенно неожиданно прекратилась. Объяснение всему этому следовало искать в сферах высшей политики, так как военный парад 1 октября был поводом для появления всего китайского руководства перед народом. За границей в данном случае вначале подумали о заболевании Мао Цзэ-дуна, хотя через несколько дней, принимая прибывшего в Китай императора Эфиопии Хайле Селассие¹, он выглядел абсолютно

¹ В 1974 г. изложен; власть перешла в руки временного военного правительства.— *Прим. ред.*

здоровым человеком. Линь Бяо не принимал участия в этой встрече. (В то же время и раньше случалось, что заместитель председателя ЦК КПК не появлялся на таких мероприятиях, следовательно, это еще не могло быть явным признаком определенных изменений в составе китайского руководства.)

Следовательно, служба массовой информации КНР руководствовалась какими-то другими указаниями. Не только был отменен военный парад по случаю 1 октября, но не была опубликована и совместная статья, выражающая согласованную позицию партийного и военного руководства. Такого прецедента еще не было в истории Китайской Народной Республики. Стало ясно — налицо скандал политического характера, ибо ни болезнь Мао, ни болезнь Линь Бяо не воспретывали бы публикации такой статьи.

В системе китайской службы массовой информации особое значение имеют публикации, связанные с руководителями. И если здесь происходят какие-либо изменения, то это уже не может быть случайным явлением. Во время национальных праздников до «культурной революции» на первой странице «Жэньминь жибао» рядом помещались две одинаковые фотографии: Мао Цзэ-дун и Лю Шао-ци. Линь Бяо же занимал другое положение: в газетах помещался групповой снимок, на котором заместитель председателя ЦК КПК находился рядом с Мао (чаще всего с красным цитатником в руках, как полагается наиболее ревностному ученику Мао). Однако место групповой фотографии в газете стало постепенно меняться. До мая 1970 года в праздничные дни всю первую страницу занимал портрет Мао, на второй же странице помещали другой снимок, на котором можно было видеть двух государственных руководителей, сфотографированных вместе. Осенью 1970 года фотография этих двух лидеров попала на первую страницу, в это время звезда Линь Бяо находилась в зените. 1 октября 1971 года «Жэньминь жибао» не поместила ни одной фотографии. На первой странице газеты в рамке (на месте ежедневной цитаты) были напечатаны красными иероглифами два лозунга: один — приветствующий национальный праздник, другой — в честь председателя Мао. Следовательно, абсолютно отсутствующим лицом 1 октября 1971 года был Линь Бяо. Фотография Мао

исчезла со страниц газеты, но лозунг остался, о существовании же Линь Бяо не было сказано ни одного слова. Многие среди китайцев, обычно искусных в ведении серьезной игры, связанной с конспирацией, вероятно, также начали догадываться, в чем смысл происходящего. Но и тогда еще можно было предположить, что если заместитель председателя ЦК КПК умер, то это была только физическая, а не политическая смерть. Китайское руководство явно хотело как можно дольше скрыть тайну, связанную с Линь Бяо, чтобы смягчить в стране шок в результате случившегося, не помешать дипломатической кампании, развернувшейся за восстановление законных прав КНР в ООН, и неуклонно продолжать подготовку к визиту Никсона в Китай. Если бы, например, 1 октября пресса поместила только портрет Мао Цзэ-дуна, то все сразу поняли бы создавшееся положение. А так изменения в публикации праздничных материалов можно было представить как дело исключительно протокольного характера.

Поскольку, начиная с IX съезда партии, согласно официальному протоколу, поздравительные телеграммы, например, по случаю национального праздника 1 октября, следовало адресовать председателю ЦК КПК Мао Цзэ-дуну и заместителю председателя Линь Бяо, поэтому имя министра обороны во многих телеграммах, полученных в октябре 1971 года, также фигурировало среди адресатов, и, хотя сама пресса не упоминала имени заместителя председателя, полные тексты этих телеграмм она опубликовала. Очевидно, она это сделала, чтобы таким образом затуманить смысл происшедших событий.

В октябре произошли дальнейшие изменения в системе массовой информации. Пекинский протокол, например, требовал, чтобы во время государственных визитов на высоком уровне китайская пресса публиковала полные тексты речей. Однако последние фразы тоста императора Хайле Селассие, в которых назывались те, за чье здоровье поднимался данный тост, на другой день в газете «Жэньминь жибао» были опущены. Соответствующие строки отсутствовали также в опубликованном варианте тоста с китайской стороны. И если это не говорило слишком много читателям, то указанные изменения не ускользнули от внимания тех, кто присут-

ствовал при этом или узнал из других источников, что император поднял тост за здоровье как Мао, так и Линь Бяо, в то время как Чжоу Энь-лай приветствовал его лишь от имени Мао. Китайская пресса и в дальнейшем аналогичным образом сокращала речи всех зарубежных гостей, вплоть до середины ноября, когда зарубежные гости спохватились и больше не упоминали имени министра обороны. Начиная с этого времени в газетах вновь появились полные тексты речей. Однако по случаю национального праздника Албании приветственная телеграмма была направлена не от имени трех руководителей: Мао, Линя, Чжоу, а от имени председателя ЦК КПК Мао Цзэ-дуна, заместителя председателя КНР Дун Би-у (вместо Лю Шао-ци нового председателя КНР не избирали, позднее Дун Би-у назначили и. о. председателя КНР) и премьера Чжоу Энь-лая. Стало очевидным, что Линь Бяо по каким-то причинам больше не будет фигурировать в списках политических руководителей Китая.

Именно тогда читатели «Жэньминь жибао» и «Хунци» уже определенно догадывались о том, что речь идет о значительном событии. Китайское руководство избрало свой особый метод для того, чтобы сообщить народу о политическом аспекте происшедших изменений, хотя он был выбран не по соображениям, связанным с массовой информацией, а в значительной степени обуславливался политической борьбой.

ДВА МАРША

В тот день, когда газеты сообщили о восстановлении прав Китайской Народной Республики в ООН, на первых страницах были, однако, опубликованы статьи не об этой дипломатической победе, а о том, что по всей стране началось движение, призывающее исполнять два марша, а именно «Интернационал» и старинный китайский военный марш «Три основных правила дисциплины и памятка из восьми пунктов». Газета «Жэньминь жибао» поместила статью В. И. Ленина об авторе «Интернационала» Эжене Потье. После отмены военного парада, который должен был состояться по случаю 1 октября, газета впервые поместила совместную с армей-

ской газетой «Цзефанцзюнь бао» статью. В данной статье давалась высокая оценка этому движению, помещались текст и ноты маршей, а также циркулярное письмо хунаньского парткома от 7 сентября по разворачиванию вышеуказанного движения. В этом письме содержался призыв не только петь эти два марша, но и изучить их тексты в свете современных задач. В совместной статье прямо подчеркивалось, что партия, правительство, руководство военных и пародных организаций «на всех уровнях» должны считать изучение маршей важнейшим политическим вопросом.

Марш «Три основных правила дисциплины» родился во время гражданской войны и служил той цели, чтобы военнослужащие могли легко запомнить нормы поведения по отношению к населению занятых территорий и чтобы народ освобожденных районов в свою очередь узнал о законах, определяющих мораль Народной армии. Тот факт, что три основных правила дисциплины и памятка из восьми пунктов были объединены вместе, свидетельствует о связи с традиционным китайским образом мышления. Начиная с Конфуция китайцы любят представлять законы и необходимые полезные сведения в виде определенных пунктов, чтобы тем самым способствовать их запоминанию.

Три основных правила дисциплины звучат следующим образом:

1. Во всем подчиняйся командирам.
2. Ни одной иголки, ни одной нитки не отнимай у масс.
3. Сдавай все трофеи.

Памятка из восьми пунктов предписывала следующее:

1. Разговаривай вежливо.
2. Правильно расплачивайся за то, что покупаешь.
3. Возвращай все, что брал взаймы.
4. Плати за нанесенный ущерб.
5. Не бей людей, не разговаривай с ними грубо.
6. Бережно относись к урожаю.
7. Не будь развязен с женщинами.
8. Не истязай пленных.

Эти указания были сформулированы Мао Цзэ-дуном в двадцатые годы, а в тексте марша они были дополнены лишь несколькими предложениями. Текст марша начи-

пается с того, что каждый солдат революции никогда не должен забывать о нормах поведения. Веселая мелодия этого марша была известна в Китае еще до кампании, начавшейся осенью 1971 года (так же как и «Интернационал»). Логично задать вопрос: почему старый марш вдруг стал таким популярным и актуальным, хотя он родился в условиях гражданской войны и лишь в то время был действенным средством? Народно-освободительная армия Китая вплоть до самого последнего времени считалась примером для подражания. «Весь народ учится у армии» — могли мы часто читать на страницах печати. Военные повсюду составляли костяк органов власти — «революционных комитетов», армия установила контроль над университетами, промышленными предприятиями; ее представители были в министерствах, государственных органах и почти во всех других областях общественной жизни. Движение за подразделения, хорошие в четырех областях (движение «четыре хорошо»), и хорошего бойца в пяти областях (движение «пять хорошо») охватило все сферы гражданской жизни.

Армия заняла центральное место в жизни страны именно в то время, когда в условиях анархии «культурной революции» воинские подразделения остались единственной сплоченной силой в стране. В 1967—1968 годах по призыву Мао она «навела порядок», создала в стране систему ревкомов. Когда победители «культурной революции» в апреле 1969 года собрались на фактически созванном при нем же IX съезде КПК, большинство избранных членов ЦК и приблизительно половину членов Политбюро составили военные. Определенный в Уставе официальный преемник Мао Цзэ-дуна — Линь Бяо стал министром обороны. Осенью 1970 года ЦК уже призвал к созыву сессии Всекитайского собрания народных представителей. В задачу этого законодательного органа, по всей вероятности, вошло бы принятие такой новой конституции КНР, которая укрепила бы роль как министра обороны, так и армии.

Если весь Китай распекает поучения, адресованные армии, к тому же «считая это важной политической задачей, связанной с нынешней обстановкой», то в таких условиях это уже никак нельзя считать обычным событием в музыкальной жизни страны. Разве и сейчас сле-

дует предупреждать солдат, чтобы они выполняли приказы? (И чьи приказы?) Неужели они недостаточно вежливо разговаривают с народом? Может быть, не возвращают все, что берут взаймы? Или их следует призывать к тому, чтобы они не были развязны с женщинами? Китайская пресса, естественно, ничего не писала о таких вещах. Для иллюстрации этой кампании служили индигические истории, рассказывающие о том, каким образом парод, горячо любящий армию, отказывается брать деньги у военных, которые хотят расплатиться, и как в конце концов солдатам, следующим правилам дисциплины, удается перехитрить крестьян, отказывающихся брать у них деньги. Попадались, однако, и другие сообщения. На страницах «Жэньминь жибао» один воин, оценивая вышеуказанное движение, писал следующее «о политических мошенниках типа Лю Шаоци»: «Эти карьеристы плетут заговоры, чтобы превратить нашу пролетарскую армию в буржуазную армию, в средство эксплуатации и угнетения народа и таким образом достичь поставленных целей, захватить власть в партии и государстве».

Смысл кампании исполнения маршей, таким образом, уже становится яснее: она означает, что привилегированное положение армии в обществе идет к концу. У вооруженных сил есть свои обязанности, они должны соблюдать дисциплину, честно служить народу. Через восемь месяцев китайская пресса сообщила, что возобновление исполнения марша периода освободительной войны началось по личной инициативе Мао Цзэ-дуня. В июле 1972 года журнал «Хунци» писал, что председатель Мао недавно заявил: «Я выражаю надежду, что воспитание воинов, кадровых работников, масс, членов партии и народа будет идти в духе трех основных правил дисциплины и памятки из восьми пунктов». И в этом же абзаце «Хунци» добавляет: «Самым искренним образом нам следует изучать учение председателя Мао о том, что партия должна руководить всем».

Таким образом, взаимосвязь здесь уже очевидна: заявление об основных правилах дисциплины и памятке из восьми пунктов свидетельствовало об изменившихся отношениях между партией и армией, о том, что особое положение армии прекращается и на передний план вновь выступает руководство партии. Это заявление

было опубликовано в печати 28 октября. Как в тот день сообщала газета «Жэньминь жибао», в провинции Хунань партком еще 7 сентября обнародовал подобное обращение. С 7 сентября по 28 октября прошло почти полтора месяца, и этот период, несомненно, сопровождался острой политической борьбой.

Как писал журнал «Хунци», указанное движение началось по личной инициативе Мао Цзэ-дуна. Мы можем задать вопрос: «Почему же центральная пресса не опубликовала обращение сразу же 7 сентября?» Ответ на это также тесно связан со своеобразной системой политической жизни Китая. Часто случается, что какая-либо группа из состава руководства, недостаточно сплывная для того, чтобы давать установки из центра, выступает в провинции, руководство которой она держит в своих руках. Так, развязавшая «культурную революцию» статья Яо Вэнь-юаня, в которой критиковалась драма, написанная членом пекинского горкома партии, была опубликована в Шанхае. Прошли недели, прежде чем эту критику были вынуждены перепечатать и пекинские газеты. (Эта статья, впрочем, как позднее утверждала китайская пресса, также появилась по инициативе Мао.)

Имеется и более наглядный пример. В сентябре 1970 года ЦК КПК призвал начать подготовку к созыву Всекитайского собрания народных представителей, однако следующим значительным событием в политической жизни Китая все же стало создание новых провинциальных парткомов, распущенных во время «культурной революции». Первый такой партком был образован в декабре 1970 года в провинции Хунань, на родине Мао Цзэ-дуна. Хунаньский партком, естественно, стал служить образцом для других провинций. Первый секретарь этого парткома, Хуа Го-фэн, не был военным. Создание парткома в провинции Хунань (где проживает 50 миллионов человек) означало абсолютно новый поворот во внутриполитическом развитии страны: многие провинции также последовали этому примеру, только с той разницей, что руководителями парткомов в них остались военные, как правило, бывшие председатели провинциальных ревкомов.

В целом представляется обоснованной гипотеза о том, что создание хунаньского парткома уже, собственно говоря, явилось одним из шагов в скрытой войне

против Линь Бяо. На сентябрьском пленуме ЦК КПК ничего не было сказано о провинциальных парткомах, то есть, по существу, и дальше сохранялось такое положение, когда у партии был Центральный комитет, однако она не имела аппарата в масштабах всей страны и, следовательно, ее позиции в осуществлении власти были слабее, чем у армии. И если бы после всего этого было созвано Всекитайское собрание народных представителей, то оно не могло бы поступить иначе, чем утвердить доминирующую роль военных в управлении страной. Неожиданный переход к созданию новых парткомов если и не полностью, но все же изменил общую картину. Военные руководители были вынуждены признать приоритет создания новых парткомов, но поскольку партию воссоздавал имеющийся аппарат, то есть армия, то ключевые позиции и в новых парткомах заняли представители армии. Однако это не отвечало целям Мао Цзэ-дуна. Он начал наступление против партийного аппарата не потому, чтобы поставить армию на его место, а для того, чтобы создать такую партию, которая следовала бы его политической линии!

Если создание хунаньского парткома было успехом Мао, то позднее на провинциальных партийных съездах военные вновь доминировали в такой степени, что весной процесс создания новых парткомов прекратился. Хотя и казалось логичным, что создание новых парткомов закончится до 1 июля и прошедшая сквозь бури «культурной революции» партия, организовав грандиозное празднование своего 50-летия, продемонстрирует свою силу, однако внутренний конфликт уже достиг таких масштабов, что прекратился процесс партийного строительства, была отменена праздничная демонстрация, а партийное руководство в оставшихся провинциях было избрано только в августе.

С некоторым преувеличением можно было бы также сказать, что в связи с окончанием формирования новых парткомов появилось своего рода «двоевластие» или по крайней мере власть с двойным политическим лицом. Во главе провинций стояли военные в качестве первых секретарей парткомов. Поэтому здесь уместен вопрос: чьи указания выполняют эти люди — генерального штаба или Политбюро? Другими словами формулируя этот вопрос: кто управляет страной — Мао и

Чжоу Энь-лай или Линь Бяо и генеральный штаб? Данный вопрос, правда в другой форме, был поставлен и на страницах печати уже в начале 1970 года. Основной лейтмотив кампании, развернувшейся за соблюдение принципов «демократического централизма», заключался в том, что секретари парткомов должны подчиняться коллективным решениям, выносимым парткомам. Хотя первыми секретарями парткомов, как правило, были военные, большинство же членов в подавляющей части парткомов являлось гражданскими лицами.

Во время такой деликатной и очень важной дискуссии каждому посвященному человеку, возможно, было ясно, что означала популяризация по всей стране трех основных правил дисциплины и памятки из восьми пунктов. Когда среди активных членов Политбюро ЦК КПК были в качестве официального преемника и министра обороны заместитель председателя КПК, а также полдюжины других армейских руководителей, то едва ли имелась возможность принять данное предложение. Однако в Хунани, где уже раньше стало возможным создать маоистский партком, два марша также могли получить зеленую улицу. Обратим внимание на дату: провинциальный партком 7 сентября разослал циркулярное письмо, которое, очевидно, не могло остаться в тайне. 12 сентября последовало последнее публичное выступление противоположного лагеря, появление 50 фотографий и восхваление Линь Бяо. Мы не можем со всей достоверностью знать, была ли взаимосвязь между двумя событиями, однако очевидно то, что развертывание в масштабах всей страны движения, начатого 7 сентября, сделало возможным падение Линь Бяо и его сторонников в генштабе. Это позволило в январском номере журнала «Хунци» (1972 год) следующим образом истолковать три основных правила дисциплины, согласно которым надо во всем подчиняться командирам: «При изучении этих правил для нас наиболее важным является подчинение себя руководству партии» (авторы статьи — военные, партийная организация третьего взвода одного из нанкинских воинских подразделений). «Центральный комитет партии во главе с председателем Мао составляет руководящее ядро всей партии, всей армии. Для нашей армии наивысшая дис-

циплина заключается в том, чтобы в любое время и во всех отношениях подчинять себя Центральному комитету партии, руководимому председателем Мао». (Интересно сравнить данную формулировку с той, которая была использована 1 августа по случаю годовщины НОАК Хуан Юн-шэном и общей статьей, согласно которой Народно-освободительную армию Китая «создал и руководит ею председатель Мао, а ее командиром является Линь Бяо».)

Если роль старого марша, таким образом, уже понятна, то возникает вопрос, почему его исполняют именно вместе с «Интернационалом»? Итак, с одной стороны, данное сочетание можно объяснить тем, что «Интернационал» стоит вне всякой критики и, таким образом, служит как бы ширмой для другого марша, имеющего важное политическое значение. А с другой стороны, в этом известном гимне международного рабочего движения содержится такое положение, которое в своеобразных условиях политической жизни Китая можно было использовать против Линь Бяо. В «Интернационале», между прочим, говорится о том, что историю делают не герои, не цари, а трудящиеся массы. (Примечание: «Никто не даст нам избавленья: ни бог, ни царь и ни герой, добьемся мы освобожденья своею собственной рукой».) Однако журнал «Хунци» в своей статье, приветствовавшей вышеуказанное движение, в ноябре 1971 года разъяснял, что, в то время как это положение «Интернационала» представляет собой мировоззрение исторического материализма, идеализм говорит о том, что человеческая судьба создается героями, императорами, пророками. В последующие месяцы выяснилось, что эти положения уже косвенно были направлены против созданного Линь Бяо культа личности Мао Цзэ-дуна (вспомним хотя бы предисловие к «красной книжечке», в котором Мао называют «гениальным...»).

В китайской прессе были опубликованы многочисленные статьи, в которых критиковалась «буржуазная теория гениев».

В ходе кампании по исполнению двух маршей в Китае в течение многих месяцев можно было слышать «Интернационал» и марш «Три основных правила дисциплины». Их пели на собраниях, разучивали по радио

и телевидению. Исполнение двух маршей служило той цели, чтобы дать понять характер политических изменений.

ВЫСТУПАЮТ «ГРУППЫ ПИСАТЕЛЕЙ»

О том, что же все-таки произошло, впервые было сказано в журнале «Хунци» в ноябре 1971 года. В этом номере статьи были расположены в следующем порядке: 1. В. И. Ленин, «Эжен Потье»; 2. Важные учебные материалы для уяснения идеологии и политической линии (статья о кампании по исполнению двух маршей); 3. Текст «Интернационала»; 4. Текст марша «Три основных правила дисциплины»; 5. Заявление правительства КНР от 29 октября (о восстановлении прав Китая в ООН). Затем следовали другие статьи, в которых содержались резкие нападки на «заговорщиков внутри партии». Таким образом, на первом месте — кампания по исполнению маршей, а затем — восстановление прав Китая в ООН, то есть очередность проблем по их важности остается неизменной, ибо внутренняя борьба всегда занимает центральное место.

В «Хунци» в качестве обвиняемых фигурируют «мошеники типа Лю Шао-ци». Их имена не называются, но ясно, что речь идет не только о Лю Шао-ци и его группе, поскольку уже многие годы в отношении их не употреблялся этот ярлык.

«Группа писателей» ляонинского парткома в пространной статье выступила с обвинениями в адрес «создателей буржуазных фракций». «Те, кто занимается организацией буржуазных фракций,— читаем мы в статье,— склонны стереть различие между противником и нами и тем самым подают сигнал буржуазным карьеристам и заговорщикам. Если позволить такому положению развиваться и дальше, оно может стать очень опасным». Таким образом, здесь уже виден лейтмотив, касающийся опасных буржуазных карьеристов и заговорщиков, который с этого момента в течение месяцев был характерным для китайской печати. Авторы статьи в заключение писали: «Исторически все лжемарксисты надевали маски. Они использовали марксистскую фразеологию для прикрытия своих антимарксистских слов и дел. Благодаря беспримерному укреп-

лению диктатуры пролетариата в нашей стране, усиливающейся популярности идей маоизма и огромному авторитету великого вождя Мао лжемарксисты, буржуазные карьеристы и заговорщики, проникшие в партию, могли использовать лишь контрреволюционную двойственную тактику против идей марксизма-ленинизма-маоизма. Иначе они не просуществовали бы и дня. Лю Шао-ци и другие политические обманщики — это те ревизионисты, которые выступают от имени марксизма-ленинизма... В действительности буржуазные карьеристы и заговорщики, стремящиеся к расколу партии, являются двуличными контрреволюционерами, которые прибегают к обману».

Китайский читатель знает по своему опыту, что, когда выступают с нападками (используя при этом иную фразеологию) и обвинениями в новых преступлениях в адрес не называемых по имени лиц, это всегда означает провал новой группы в руководстве партии. После прочтения вышеупомянутого абзаца логически возникает вопрос: о ком идет речь?

Ответ на него в тот период был известен лишь очень узкому кругу лиц, получающих секретные информационные материалы внутреннего характера. Однако уже все могли догадываться, что наиболее уничтожительные эпитеты адресовались одному из членов высшего руководства. Во многих статьях этого номера «Хунци» перечисляются те китайские партийные руководители, которые когда-либо выступали против Мао Цзэ-дуна. В их числе фигурируют Чжан Го-тао, который в период Северного похода хотел образовать новый Центральный комитет; Ван Мин, занимавший долгое время пост генерального секретаря ЦК КПК, который имел много столкновений с Мао; Пын Дэ-хуай, бывший министр обороны, бывший командующий китайскими добровольцами в корейской войне, который, критикуя политику «большого скачка», открыто выступил против руководства Мао на пленуме ЦК 1959 года в Лушане; Лю Шао-ци, бывший председатель КНР. Если проводить параллель с прошлым, когда шла речь о таких важных личностях, то и «мошенник типа Лю Шао-ци» не мог быть ниже их рангом.

Не подлежит сомнению и тот факт, что здесь уже не шла речь о прежних целях «культурной революции».

«Группа писателей» хунаньского партийного комитета в этом же номере «Хунци» заявляет, что было бы «наивным» думать, что с победой «культурной революции» исчезла необходимость «активной идеологической борьбы». Пока в обществе идет классовая борьба, она обязательно находит отражение и внутри партии. «Лишь с помощью активной идеологической борьбы мы можем разоблачить проникших в партию буржуазных карьеристов и конспираторов».

В статье хунаньского партийного комитета содержится и предупреждение в отношении следующего: «Если мы будем исходить из интересов земляков, коллег по школе и работе, старых друзей, то мы существенно нарушим принципы учения марксизма-ленинизма-маоизма». Смысл этого замечания можно осознать по-настоящему, лишь учитывая тот факт, что в Китае по традиции поддерживаются тесные связи между выходцами из одной провинции, города, деревни и старая дружба играет очень большую роль в продвижении по службе. Например, в высшем руководстве страны и сейчас можно обнаружить скрытые нити дружбы по оружию, родившейся в совместном командовании армиями в период освободительной войны, а также проследить связи между командирами и подчиненными, сложившиеся за долгие годы совместной борьбы двадцать лет тому назад.

«Мы, коммунисты, должны рассматривать интересы революции как жизненно важные, — читаем мы в этой статье, — мы должны объединиться с теми, кто следует интересам и принципам партии. Нужно провести черту, разделяющую нас с теми, кто выступает против революционной линии и политики председателя Мао. Эту черту никогда нельзя стирать лишь потому, что кто-то является старым другом, коллегой, начальником или подчиненным. Тех, кто не держится в стороне от таких людей, не отвергает их ошибочные взгляды и не борется решительно против них, парализует «их злой дух», они будут опускаться все дальше и дальше, пока уже совсем не смогут освободиться от этого духа».

Старые друзья, коллеги, подчиненные явно обратили внимание на предупреждение: если они отмежуются от потерпевших провал командиров (а в конечном

птоге исчезло почти все высшее военное командование), то они могут избежать того, чтобы «провалиться» вместе с ними.

ОТ ЛУ СИНЯ ДО ЛИНЬ БЯО

Эти намеки многоё говорили даже тем, кто только подозревал их подоплеку. Спустя недели, месяцы внутренняя информация затронула более широкие слои населения. И все большее число людей читало газеты, понимая смысл этих намеков.

Когда 25 апреля «Жэньминь жибао» опубликовала подборку статей (на целую страницу) о великом китайском писателе Лу Сине, то стало совсем ясно, кого в ней бичуют. Не было названо лишь имя. Имя же Лу Синя, который в тридцатые годы очень активно и с воодушевлением участвовал в дискуссии прогрессивных литераторов Китая о задачах национальной литературы, превращено сейчас в средство, используемое во внутренней борьбе. Журнал «Хунци» призывал к изучению его поздних рассказов, а практический смысл этого раскрывала «Жэньминь жибао». Одна из ее кратких статей имела следующий заголовок: «Мнимые товарищи по оружию — на самом деле черви». Хотя рассказы Лу Синя написаны очень трудным языком, эту статью подготовила группа революционной критики масс народной коммуны Ходу Цинского уезда провинции Хэбэй, простирающейся вокруг Пекина. То есть авторами статьи якобы являются крестьяне. Мы подробно процитируем ее текст, поскольку он представляет собой паглядный пример специфической политической полемики в Китае — как можно от Лу Синя перейти к Линь Бяо:

«Лу Синь, великий писатель, мыслитель и революционер, в течение всего своего непоколебимого боевого пути боролся не только против империалистов и их открытых китайских приспешников, но и против тайных предателей, ренегатов и троцкистских бандитов, которые скрывались в революционных рядах. Он говорил: «Не следует бояться шавок, опаснее те так называемые товарищи по оружию, которые говорят одно, а думают другое, ибо невозможно защищаться от них». Лу Синь

называл таких так называемых товарищей по оружию, которые говорят одно, а думают другое, «червями», скрывающимися в рядах революционеров. Он предупредил нас опасаться мошенников, которые повесили на себя вывеску «товарищей по оружию» и использовали большое знамя как тигровую шкуру. Он призывал революционеров разоблачать контрреволюционных двурушников».

Как мы видим, о «контрреволюционных двурушниках» говорит уже не Лу Синь, а весьма информированная группа революционной критики масс коммуны Ходу. Затем авторы полностью отошли от Лу Синя, из положений которого они использовали лишь основное выражение — «товарищ по оружию».

«Ясно, что это — коварные враги, но они преднамеренно называют себя «товарищами по оружию». Ясно, что это — бандиты, но они называют себя «соратниками». Контрреволюционеры и двурушники всегда придерживались такой тактики. Это является объективным законом классовой борьбы».

Уже само выражение «мнимый товарищ по оружию» содержит намек на Линь Бяо, которого китайская печать называла «близким товарищем по оружию» председателя Мао. И когда в дальнейшем авторы статьи с помощью цитаты из произведения В. И. Ленина доказывают, что нельзя воспрепятствовать навешиванию на себя ложных вывесок, становится понятной цель этого объяснения. (В то же время многие могут спросить: в чем мог обмануть председателя Мао двурушник Линь?) Затем авторы совершенно недвусмысленно «определяют» цель, сравнивая вышеуказанного мнимого товарища по оружию с Троцким: «В ходе истории события повторяются... Троцкий выступал против октябрьского восстания, однако, когда восстание завершилось победой, он объявил себя «главным действующим лицом» в Октябрьской революции. На деле он был смертельным врагом Ленина, но утверждал, что является его «товарищем по оружию». Обманщик типа Лю Шаоци (или обманщики, но здесь идет речь скорее о единственном числе.— *Прим. авт.*), также под маской «товарища», напрасно пытался изменить пролетарскую революционную линию партии и реставрировать в Китае капитализм. Троцкий искажил ленинизм с помощью

идеализма, а мошенник типа Лю Шао-ци поднял этот мусор, псказил учение марксизма-ленинизма-маоизма теорией «гения». Не случайно, что повторилось старое. В этом проявляется объективный закон классовой борьбы в развитии истории. Обманщик типа Лю Шао-ци — современный Троцкий. Обоих троцких характеризуют одинаковые реакционные черты» (выражение «два троцких» подтверждает, что понятие «обманщик типа Лю Шао-ци» относится к одному лицу).

Параллель можно провести лишь в отношении одной личности. И Троцкий был вторым лицом, и Линь Бяо. И Троцкий был товарищем по оружию, и Линь Бяо. И Троцкий был идеалистом, и Линь Бяо. Последний изобрел теорию «гения» (см. предисловие к «красной книжечке»). И оба они были командующими армией.

В заключение можно задать вопрос: если настолько ясно, о ком идет речь, почему не называют его по имени? Практика политической жизни в Китае показывает, что потерпевшего провал противника обвиняют персонально лишь спустя несколько лет, лишь тогда, когда уверены в полном преодолении его влияния. Однако в случае с Линь Бяо это было не таким простым делом. После того как более года спустя для заграницы китайцами официально была подтверждена смерть Линь Бяо, Центральный комитет КПК все еще не созывал объявленный пленум, чтобы сделать вывод из внутреннего конфликта и избрать новых членов Политбюро.

Как свидетельствует китайская официальная система памеков, «борьба двух линий» продолжается.

Глава 10 «ЛИНИЯ» И «ДВЕ ЛИНИИ»

«Правильная линия» — центральный вопрос китайской системы информации. Его значение получило любопытное освещение 1 июля 1971 года в совместной передовой статье трех ведущих китайских газет, точнее, ведущих авторов трех редакций (более высокий уровень трудно себе представить). Поводом явилось пятидесятилетие основания Компартии Китая — если не считать выпуска серии марок, то статья была единственной данью этой годовщине. По таким признакам можно судить о фактах: хотя в новогодней статье 1971 года заранее объявлялось о юбилее, его более широкому празднованию уже мешала борьба за власть, которая в сентябре привела к падению официального преемника — Линь Бяо.

ГДЕ ПРАВИЛЬНАЯ ЛИНИЯ

Однако в июле звезда Линь Бяо для внешнего мира еще не померкла, и в совместной статье приведено его высказывание из доклада на IX съезде КПК — съезде победителей «культурной революции»: «На протяжении истории Коммунистической партии Китая марксистско-ленинская линия председателя Мао борется в партии против правой и «левой» оппортунистических линий».

Итак, стержень, существо всего — линия, и, по официальным китайским взглядам, линия Мао Цзэ-дуна указывает марксистско-ленинское, более того — единственное истинно марксистско-ленинское направление.

«Под руководством председателя Мао наша партия нанесла поражение правооппортунистической линии

Чэнь Ду-сю, преодолела «левую» оппортунистическую линию Цюй Цю-бо и Ли Ли-саня, нанесла поражение вначале «левой», а затем правой оппортунистической линии Ван Мина, победила линию Чжан Го-тао на разобщение армии, нанесла поражение правооппортунистическому антипартийному блоку Пын Дэ-хуая, Гао Гапа, Чжао Шу-ши и других и в результате многолетней борьбы сокрушила контрреволюционную ревизионистскую линию Лю Шао-ци», — заявил весной 1969 года Линь Бяо.

В этом заявлении перечислен ряд видных руководителей китайской партии. Многие из них допустили серьезные ошибки, фактическим же «преступлением» других было выступление против Мао в ходе ожесточенной борьбы за власть внутри партии. Как мы уже отмечали, всего через два месяца после опубликования вышеупомянутой статьи автор приведенного высказывания, докладчик IX съезда Линь Бяо, сам оказался в лагере противников председателя, потерпевших поражение, хотя прежде с его помощью был удален Лю Шао-ци, которого заклеили как «ревизиониста-контрреволюционера». Иначе говоря, не так-то просто осмыслить линию — ведь Линь, мгновенно исчезнувший с арены общественной жизни, был «человеком № 2» в стране и до последнего момента являл для всей страны «яркий пример в изучении и применении трудов председателя Мао». Если к тому же учесть, что до Линя наследником был Лю — пусть в отношении последнего это и не фиксировалось в Уставе партии, — можно установить, насколько быстро Мао оказывался лицом к лицу с теми, кого намечал или признавал в качестве своих преемников.

В совместной статье от 1 июля 1971 года говорится: «Когда наша партия отходит от руководства председателя Мао и идет вразрез с идеями и линией председателя Мао, она терпит поражения и провалы; когда наша партия неуклонно идет за председателем Мао, выступает в соответствии с его идеями и проводит в жизнь линию председателя Мао, она продвигается вперед и побеждает. Труды председателя Мао в наиболее полном виде суммируют теорию и практику Коммунистической партии Китая в управлении революцией и строительством».

В нашу задачу не входит критический анализ истории КПК и роли Мао, однако при рассмотрении китайского механизма массовой информации нелишне уяснить, каким образом эта пространная совместная статья пытается свалить на противников Мао все промахи и поражения в истории партии, чтобы оправдать приведенный выше тезис.

Очевидным лейтмотивом статьи является утверждение, по которому все, что делает председатель Мао, правильно; из этого вытекает подспудный вывод: то или иное положение правильно уже потому, что его поддерживает Мао, что он поступает именно так. Типичный пример (и цитата) связан с историей чунцинских переговоров. Как известно, в 1946 году в Чунцине (при посредничестве американцев) два старых противника — Чан Кай-ши и Мао Цзэ-дун — встретились для переговоров о завершении гражданской войны. Достигнутое соглашение было вскоре нарушено Чаном, однако даже сам факт переговоров стал в партии предметом большой дискуссии. Совместная статья трех газет — на которую впоследствии будут неоднократно ссылаться, чтобы оправдать приглашение Никсона, — цитирует в этой связи самого Мао, который писал:

«Чан Кай-ши всегда стремился лишить народ малейшей власти, малейшего завоевания. А мы? Наша политика в отношении него — око за око, и мы боремся за каждую пядь земли. Каким образом добиваться осуществления принципа «око за око, зуб за зуб», зависит от обстановки». То есть, как объясняет затем Мао, если чанкайшисты хотят воевать, то пусть знают, что «мы полностью уничтожим их». А если они хотят вести переговоры? «Иногда «око за око» получается оттого, что мы не идем на переговоры, а иногда оттого, что идем».

Ясно, конечно, что в разных ситуациях нужно применять разные методы, но это в известной мере противоречит утверждению о наличии некой абсолютной линии, которая всегда обеспечивает правильное решение.

Правда, отдельные летописцы истории КПК — даже симпатизирующие маоизму — оценивают ряд кризисов в истории партии как прямое следствие политики Мао Цзэ-дуна (в том числе с точки зрения самих маоистских целей; на деле же тягчайший кризис для КПК состоит как раз в том, что руководство Мао повело ее про-

тив генеральной линии международного рабочего движения). Однако в статье по случаю 50-й годовщины КПК утверждается, что все ошибки были совершены противниками Мао Цзэ-дуна, а он всегда занимал правильную позицию (такой вывод сделать весьма трудно, ибо любая политика, особенно после освобождения страны, проводилась от его имени и все осужденные впоследствии «уклонисты» ссылались на него).

КАК ОБЪЯСНЯЮТ «БОЛЬШОЙ СКАЧОК»

Сами по себе лозунги, политические установки в газетах мало что говорят. Так, например, в юбилейной статье приветствуются лозунги периода «большого скачка» (которые, между прочим, не сняты до сих пор). Общий лозунг Мао для развития экономики, «генеральная линия», выглядит следующим образом:

«Напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу больше, быстрее, лучше и экономнее».

Понятно, что такой лозунг нуждается в разъяснении, поскольку его конкретное содержание сводится к необходимости лучше работать на благо социализма. А вот и комментарий:

«Эта генеральная линия подчеркивает, что необходимо отводить командный пост пролетарской политике и обеспечивать сплав руководящей роли партии с массами; тем самым она является новым моментом в линии партии в массах. Она указывает, что следует считать сельское хозяйство базой, а промышленность — ведущим фактором, фиксирует ряд принципов. Их можно было бы обобщить таким образом, что необходимо «идти на двух ногах», обеспечивать инициативу как центрального правительства, так и местных органов, ускорять индустриализацию внутренних районов страны и полностью использовать промышленность прибрежных районов, развивать одновременно промышленность и сельское хозяйство, легкую и тяжелую промышленность, применять современные и местные методы, строить одновременно большие, средние и мелкие предприятия. Руководствуясь генеральной линией, наш народ создал

народную коммуну как организационную форму сельских районов».

«Большой скачок» — мобилизация всей рабочей силы на скачкообразное ускоренное развитие страны, — как известно, пришел в противоречие с объективными экономическими законами и возможностями, так как попытка «сделать все сразу», одним махом, могла лишь вызвать хаос. Положение усугублялось рвением функционеров: в ответ на подхлестывание сверху они фальсифицировали показатели, а в народных коммунах попытались незамедлительно осуществить коммунизм, что на практике привело в ряде мест к уравниловке. Стихийные бедствия 1959—1961 годов вместе с организационно-политической неразберихой довершили «скачок». Последовали «три тяжелых года», и руководство пошло на серьезные уступки, чтобы стимулировать желание крестьян работать. Народная коммуна сохранилась лишь на бумаге, а на практике пришлось проводить политику, позволяющую крестьянам оставлять часть произведенной продукции (нормы выработки устанавливались на семью).

Итак, по пекинской оценке 1971 года, за voluntаризм «большого скачка» и уступки последующих лет ответственность несет не все руководство партии, не говоря уже о тогдашнем руководителе партии, а «Лю Шао-ци и его компания». Именно они «переменили тактику» и сперва — в кавычках — «с крайне левых позиций» «выступили против правильного тезиса председателя Мао о том, что сельская народная коммуна — часть социалистической коллективной собственности, игнорировали закон стоимости и товарное производство». «Председатель Мао своевременно подверг их критике, защитил революционный энтузиазм широких масс и предпринял конкретные шаги, чтобы вывести массовое движение на правильный путь».

Провал «большого скачка» обострил разногласия среди китайских руководителей. На заседании Центрального комитета в 1959 году Пын Дэ-хуай выступил с открытой критикой Мао. За это ему пришлось поплатиться своим положением. В июльской статье говорится: «Пын Дэ-хуай предпринял злобные нападки справа на генеральную линию партии, бешено выступал против «большого скачка», народных коммун и револю-

ционного движения масс» (о смещении Пын Дэ-хуая можно было судить только по тому факту, что в 1959 году министром обороны стал Линь Бяо. Случившееся на лушаньском пленуме ЦК было предано гласности лишь несколько лет спустя). В оценке 1971 года критикуется не только бывший министр обороны: в соответствии с этими обвинениями Лю и «его банда» «сделали все для преувеличения временных экономических трудностей» и даже «для реставрации капитализма».

ПО ЛИЧНОЙ ИНИЦИАТИВЕ И ПОД РУКОВОДСТВОМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МАО

Момент для ответного удара со стороны Мао настал в период «культурной революции». Это движение, говорится в статье, «со смелостью великого пролетарского революционера развернул и возглавлял лично председатель Мао», и в нем «приняли участие стомиллионные революционные массы». Любопытно, однако, что даже в этом ретроспективном партийном документе понадобилось вновь разъяснять, зачем потребовалась «вторая революция».

«Вначале многие наши товарищи в очень малой степени понимали эту революцию. Когда массы поднялись и разделились на две группы, применяя в этой борьбе даже силу, все на свете некоторое время казалось хаосом. Некоторые спрашивают: поскольку Лю Шао-ци и горстка его последователей злоупотребили частью власти диктатуры пролетариата, для их изгнания с постов было бы достаточно одного указания председателя Мао; зачем в таком случае нужно было прибегать к нынешнему методу? Практика показывает, что второй метод — смещение с поста — не смог решить проблему, хотя и применялся в ряде случаев. Эта революция означает не только устранение нескольких человек, но и великую революцию в надстройке. Лю Шао-ци не только следовал ревизионистской политической линии, но и проводил организационную линию, которая служила его политической линии. Руководство во многих звеньях не было в руках марксистов и рабоче-крестьянских масс» (точнее, не в руках сторонников Мао.— *Прим. авт.*).

«Устранение предательской клики Лю Шао-ци, закалка сотен миллионов людей в классовой борьбе, их воспитание в борьбе с ревизионизмом и предоставление им возможности приобрести опыт отвоевания части власти, присвоенной горсткой людей, идущих по капиталистическому пути, возможны только путем мобилизации широких масс на открытое всестороннее разоблачение снизу темных сторон. Что касается хаоса, то он явился результатом того, что были контрреволюционеры, люди, идущие по капиталистическому пути, которые под самыми различными флагами занимались саботажем и создавали неразбериху».

Таким образом, как ясно дает понять юбилейная статья, «культурная революция» была развязана потому, что Мао Цзэ-дун и его группа в руководстве отнюдь не располагала большинством в партии, не контролировала партийный и государственный аппарат — он находился в руках «горстки людей, идущих по капиталистическому пути», которых поэтому пришлось свергнуть «по инициативе снизу». В свою очередь хаос якобы не был связан, например, с известным по плакатам призывом председателя партии к хунвэйбинам «вести огонь по штабам», то есть по руководящим органам страны, а явился следствием действий врага и «идущих по капиталистическому пути людей» (то есть тех, кто в партии находился в оппозиции к Мао, или партийных руководителей, которые по ходу событий просто защищали свое положение).

В эти смутные времена можно было выступать только в качестве сторонника председателя Мао, и для внешнего наблюдателя совершенно непонятной казалась борьба массовых организаций, выраставших как грибы после дождя и принимавших различные романтические названия, — ведь каждая из них объявляла себя истинной защитницей председателя Мао, а остальных — предателями его учения. Однако в 1971 году, когда появились на свет эти оценки и разъяснения, те времена уже прошли. Организации мятежных масс после вмешательства армии постепенно утратили свою роль. Миллионы героев «культурной революции», хунвэйбинов, хотя они и приобрели опыт «устранения лиц, идущих по капиталистическому пути», были направлены в деревню на перевоспитание; в то же время старые

кадры, «свергнутые» или отправленные на учебу, постепенно возвращались на свои посты — разумеется, «перевоспитанными» и «закаленными» в «культурной революции».

В статье отмечается, что такая «встряска» может оказаться необходимой и в будущем.

«Нам еще предстоит вести длительную борьбу за выполнение задачи дальнейшего укрепления диктатуры пролетариата в политической, идеологической, экономической и организационной областях. Председатель Мао учит нас, что никому не следует полагать, будто все будет в порядке после одной-двух или трех-четырех «великих культурных революций». Ведь социалистическое общество охватывает довольно продолжительный исторический период. В этот исторический период еще существуют классы, классовые противоречия и классовая борьба, идет борьба между социалистическим и капиталистическим путями, сохраняются опасность реставрации капитализма и угроза подрывной деятельности империализма и социал-империализма. Эти противоречия можно разрешить только при опоре на марксистскую теорию непрерывной, перманентной революции».

Вряд ли стоит здесь вступать в развернутую полемику о соответствии марксизму теории «непрерывной революции» и жупеле «угрозы со стороны социал-империализма». Факт тот, что перед китайцами открывается официально такая перспектива: еще одна, две, три или еще больше «культурных революций», готовность к постоянной угрозе изнутри и извне. К тому же на всех этапах необходимо правильное толкование линии.

«ЗАКОНЫ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ЭПОХИ СОЦИАЛИЗМА»

Китайский читатель — и вообще житель Китая, — очевидно, не может не задаваться вопросом: почему в партии непрерывно идет борьба, почему постоянно меняется линия, политика? Еще острее этот вопрос возникал после падения Липь Бяо — ведь именно Линь был знаменосцем объявленной правильной линии борьбы против Лю Шао-ци. Разъяснения о необходимости

«культурной революции» уже не устраивали людей, поскольку от власти были отстранены как раз некоторые вожди «культурной революции».

Судя по тому, что этой проблеме была посвящена специальная статья «Хунци» за август 1972 года, ей, по-видимому, достаточное значение придавало и само китайское руководство. Основной мотив уже знаком, — по Мао, даже в эпоху социализма идет классовая борьба между «пролетариатом и буржуазией», проявляющаяся в партии «в борьбе двух линий». Общеизвестно, что народная власть полностью ликвидировала буржуазию как класс, однако слово «буржуазия» в пекинских концепциях относится не просто к классу капиталистов, а, по сути, ко всему, что не отвечает «пролетарской революционной линии председателя Мао». Поэтому говорят, например, о «реставрации капитализма» в Советском Союзе, вновь и вновь подчеркивают, что и в Китае сохраняется опасность «капиталистической реставрации». (Это постоянное предупреждение, кстати говоря, показывает, по существу, что китайское руководство вовсе не убеждено в поддержке его модели, контуры которой к тому же весьма расплывчаты и все время меняются, китайским народом и массой членов партии; если бы оно не боялось духовного влияния советского примера, то к чему и в наши дни заявлять об угрозе «реставрации» в Китае?)

Таким образом, борьба внутри китайского руководства всякий раз изображается как проявление «классовой борьбы»; отсюда вытекает и тезис, также провозглашенный Мао Цзэ-дуном, по которому «революцию необходимо продолжать и при диктатуре пролетариата». Автор указанной статьи в «Хунци» Чжи Бин взялся разъяснить законы этой «классовой борьбы».

Первый закон — со ссылкой, разумеется, на цитату Мао — состоит в том, что «классовые враги и самые различные чудовища закономерным образом предпринимают открытые выступления. Это вытекает из их реакционной природы. Низвергнутые реакционные классы не покидают арену истории по доброй воле, без попыток оказать организованное сопротивление. Такого никогда не бывало и не будет. В силу своей реакционной клас-

совой сущности и идеалистического мировоззрения они всегда воображают, будто являются сильными и могучими...»

Этот исторический анализ, как известно, страдает прежде всего тем недостатком, что автор имеет в виду не каких-либо бывших капиталистов, а руководителей китайской партии, которые, подобно Лю Шао-ци или Линь Бяо, посвятили ей всю свою жизнь, не были, конечно, представителями капиталистических, буржуазных сил, а разошлись во мнениях с другой группировкой руководства, взявшей в конечном итоге верх. Но это не смущает «Хунци». Лю и «подобные ему мошенники» — всего-навсего «пробравшиеся в партию представители буржуазии», которые «выражают волю и интересы свергнутых реакционных классов и всех реакционных сил».

Отсюда один шаг — и Чжи Бин без труда совершает его — до утверждения, что эти представители буржуазии по своей инициативе «выступят в открытую, чтобы захватить власть и руководство в партии, изменить линию, политику партии и социалистической строй».

Естественно, возникает вопрос: как могли пробраться на столь высокие посты доверенные лица буржуазии? Ответ трудно признать научно обоснованным: «Невозможно им помешать или убедить их в необходимости действовать иначе». Почему невозможно? «Глубоко укоренившееся мировоззрение заговорщиков и карьеристов определяет их враждебное отношение к партии и народу». Если это так, то зачем следует их убеждать? Автор ответа не дает. Более того, читателю сообщают, что «после разоблачения антипартийной деятельности мошенников типа Лю Шао-ци председатель Мао, проявляя чрезвычайное терпение и великодушие, неоднократно давал им возможность исправиться». Но коли речь действительно об «агентах буржуазии», отчего столь великодушен к ним председатель Мао? Или, может быть, дело обстоит совсем не так просто? Оставим, однако, в стороне внутреннюю противоречивость приведенной аргументации. Что же пишет автор?

«Обращаясь к истории, — говорится в статье, — мы можем заметить, что каждые несколько лет происходило крупное сражение в области классовой борьбы или борьбы внутри партии».

В чем причина этого? — вполне обоснованно ставит вопрос «Хунци». Ответ дается в высшей степени научный — сначала цитата из произведения Мао Цзэ-дуна о характере противоречий, а затем ее трактовка применительно к китайской внутренней политике:

«Социалистическая революция в Китае шаг за шагом углубляется. После завершения в основном социалистического преобразования собственности на средства производства мы провели социалистическую революцию также в области идеологии и политики. Каждый наш шаг вперед, каждая наша победа раздражали буржуазию и ее агентов в партии, вызывали закономерным образом их ожесточенное сопротивление».

При таком подходе партия — не авангард, а миниатюрная копия общества в целом, в которой точно так же, как и в самом обществе, есть представители буржуазии, оказывающие растущее сопротивление с каждым шагом вперед. Что же должен думать беспартийный китаец, читая призывы к безусловной верности этой партии, если ему известно, что многие ее высшие руководители в прошлом оказывались представителями «врага», а иных из нынешних руководителей вполне могут объявить таковыми впоследствии? Однако представим опять слово автору.

«Таким путем длительный процесс противоречий и борьбы между пролетариатом и буржуазией по мере углубления социалистической революции распространяется с одного конкретного уровня на другой. Каждый отдельный конкретный уровень — как и все остальные противоречия — находится в состоянии либо относительного покоя, либо значительных изменений. При известных обстоятельствах совершается переход из одного состояния в другое, от относительного покоя к относительной напряженности». (Каковы эти «известные обстоятельства», нам узнать не суждено.) «Противоречие разрешается на втором этапе, и затем начинается новый, конкретный этап. Вследствие этого борьба между пролетариатом и буржуазией в эру социализма имеет свои подъемы и спады, развивается волнообразно. Так каждые несколько лет разворачивается то или иное крупное сражение».

Видимо, такое «теоретическое» обоснование кажется не слишком убедительным и самому автору, который

спешит добавить: «Конечно, все это действительно лишь в общих чертах. Та или иная крупная схватка может состояться раньше или позже в зависимости от развития внутренней и международной обстановки, а также хода нашей собственной работы».

После каждой большой схватки потерпевшему поражение классовому врагу требуются годы, чтобы суметь вновь собрать свои силы, однако реакционная классовая природа не позволяет ему отказаться от контрнаступления, утверждает «Хунци». Автора, разумеется, ничуть не смущает то обстоятельство, что позавчерашний «классовый враг», скажем Лю Шао-ци, никак не похож на вчерашнего, например Линь Бяо, на которого прозрачно намекают, говоря о «мошенниках типа Лю». Все побежденные противники сваливаются в одну кучу вне зависимости от того, что ранее они сражались друг против друга, — к примеру, «классовую борьбу» против Лю возглавлял Линь.

Китайская идеология классовой борьбы в социалистическом обществе призывает к бдительности и в периоды затишья.

«Говоря, что каждые несколько лет происходит какое-либо крупное сражение, мы не считаем, что в промежутке между двумя схватками все спокойно и мы можем опустить голову на подушку, безмятежно погрузиться в спячку. Нарастание и затухание классовой борьбы не означают ее прекращения на какое-то время. Всякое большое сражение есть продолжение и дальнейшее развитие повседневных боев. Это значит, что количественное изменение переходит в качественный скачок. Следовательно (далее перефразируется цитата из Мао. — *Прим. авт.*), каждый год, каждый месяц и каждый день мы должны напоминать себе о классовой борьбе».

Тем не менее на ближайшую перспективу (сейчас мы как раз переживаем этот период) автор обещает спокойствие и порядок, причем со ссылкой на философские основы:

«Диалектический материализм учит, что беспорядок и порядок паходятся друг с другом в отношениях единства противоположностей. Если нет беспорядка, не возникает и вопрос о порядке». Чжи Бин заверяет читателя: «Беспорядок неизбежно преобразуется в порядок».

Какой ценой, «Хунци» умалчивает.

Концепцией борьбы «двух линий» пропизаны не только проблемы управления Китаем. Непрерывная борьба, конфликты с официальной китайской точки зрения, — постоянный элемент жизни даже самых малых звеньев общества, предприятий, магазинов, сел.

Темы центрального руководства и пропаганды система массовой информации переносит на провинции, районы, заводы, даже на отдельные личности. Если верить китайской печати, даже внутри личности ощущается и идет борьба «двух линий», в результате которой на базе «правильной ориентировки» завоевывается победа. Вот один пример из апрельского номера «Хунци» за 1971 год.

Партийный комитет большой производственной бригады «Учжадан» Чэндуской коммуны в Синьтаньском районе провинции Хунань опубликовал на страницах теоретического журнала КПК «доклад об изучении» под заголовком «Обучение «двум линиям» в свете реальностей». Такого рода отчеты — специфический жанр китайской печати. Обыкновенно он отличается от остальных статей тем, что основывается на каком-либо конкретном материале и содержит больше фактов и сведений, чем обычно, хотя, как мы убедимся ниже, все же не так много.

Как явствует из вступления к «докладу об изучении», партком исходил из учения председателя Мао о том, что «линию и точку зрения необходимо обсуждать регулярно и повторно. Недостаточно ограничиваться разъяснениями лишь для нескольких людей, необходимо обращаться и к широким революционным массам». В результате преподавания линии углубилось массовое движение «по изучению и живому применению идей Мао Цзэ-дуна». Функционеры и массы «постепенно повышали свою сознательность в отношении борьбы двух линий, проявляли растущую решимость проводить революционную линию Мао». Были достигнуты новые успехи как в революции, так и в производственной работе. Тут-то и начались проблемы.

«После того как была одержана победа, некоторые руководящие члены парторганизации самоуспокоились, полагая, что «достигнутого в учебе, пожалуй, доста-

точно». Отдельные товарищи дошли до того, что стали утверждать: «Мы разгромили ренегата, тайного предателя Лю Шао-ци и отвергли ревизионистскую линию в великой пролетарской культурной революции. После создания новой парторганизации мы решили вопрос линии» (парторганизация была образована в марте 1969 года, то есть значительно раньше, чем в среднем по стране). Такие взгляды с официальной точки зрения ни к чему хорошему привести не могли. «Вскоре в бригаде сложились определенные плохие тенденции и практика, классовый враг стал вызывать замешательство, поощряя личный подсобный промысел, подкупая кадровых работников и восстанавливая «четыре старых» (то есть «старые традиции, нравы, обычаи и культуру»). «Отдельные кадровые работники занимались только зерном и деньгами и совершенно не заботились о решающем звене, о линии, избегали разоблачать злостный дух капитализма. Они мешали воплощению в жизнь революционной линии председателя Мао и не проводили ее достаточно эффективно».

(Явления, подвергнутые острой критике в этой статье, через год уже отнюдь не выставлялись в качестве примера реставрации капитализма; более того, в связи с осуществлением более гибкой сельскохозяйственной политики центральная печать писала как раз о том, что в известных пределах необходимо предоставлять крестьянам возможность заниматься подсобными промыслами. «Линия» непрерывно меняется, но тот, кто вводит изменения и поправки, опережая официальную политику — или отставая от нее, — идет вразрез с революционной линией председателя Мао. В печати день ото дня такие примеры дают понять, в чем состоит официальная политика на данный момент, каковы ее контуры. Что же касается сельскохозяйственной политики, то для Китая это — решающий вопрос, поскольку четыре пятых населения живет в сельской местности.)

Что же предпринял партком производственной бригады «Учжадан»?

«Чем объяснялись такие проявления? Партийный комитет в этой связи организовал семинар (буквально: группу по изучению. — Прим. авт.), в котором вновь и вновь прорабатывалось учение председателя Мао о классовой борьбе и борьбе двух линий».

(Организация семинара для изучения произведений Мао — универсальное, магическое китайское средство решения любой проблемы. Какие бы трудности ни возникли где бы то ни было, заинтересованные лица собираются вместе и ищут ответ в трудах председателя.)

Поскольку на семинаре обнаружилось, что были упущены из виду учение председателя Мао о классово-вой борьбе и сама эта борьба, руководители парторганизации внесли коррективы в свое поведение, «разоблачили злостный дух капитализма», и в результате были достигнуты новые большие успехи...

В то же время из содержащегося в статье резюме об опыте парторганизации в известной мере можно догадаться, насколько трудно уловить правильную трактовку официальной политики в массе различных и противоречивых лозунгов:

«Парторганизация постепенно выявила несколько законов, которые можно было бы суммировать следующим образом: критикуя тенденцию «заниматься только зерном, хлопком, масличными», необходимо подвергать критике и ошибочную идею, по которой «политикой заниматься безопасно, а производством опасно»...». (Первая цитата, как можно заметить, обвиняет руководителей, нацеливающих людей на производственные задачи, в том, что они не заботятся о политическом воспитании; вторая связана уже с реакцией на этот тезис: руководители, подвергнутые критике или смещенные на этом основании, могли логично заключить, что слишком концентрировать усилия на производственных делах опасно.) «В то же время, критикуя теорию о том, что «все определяют трудовые очки», следовало бы соблюдать принцип «каждому по труду»...». (Здесь в видоизмененной форме проявляется тот же конфликт: против системы трудовых очков, в основном совпадающей с системой трудодней, во время «культурной революции» выдвигалось обвинение в том, что она побуждает людей работать не в интересах революции, линии председателя Мао, мировой революции, а ради получения как можно большего числа трудовых очков. С другой стороны, полный отказ от этой системы губительно сказался бы на настроениях крестьянства и, следовательно, на произ-

водстве сельскохозяйственной продукции — отсюда предупреждение о необходимости придерживаться принципа распределения по труду.)

БЫТЬ РУКОВОДИТЕЛЕМ — ОПАСНО

В той же статье можно прочесть, что «в течение определенного периода отдельные члены партии не проявляли желания становиться кадровыми работниками» (руководителями, функционерами.— *Прим. авт.*). Причину понять нетрудно. Чтобы преодолеть эти настроения, убедить людей в необходимости согласиться с назначением, партком наряду с семинарскими занятиями применил еще один метод, столь же общепринятый в китайской политической практике, — напоминание о прошлом, о временах до освобождения страны.

«Партком устроил для таких членов партии посещение дома старого бедняка, чья семья страдала на протяжении трех поколений. Парторганизация провела в доме этого крестьянина собрание, участники которого прорабатывали учение председателя Мао о классовой борьбе и укреплении диктатуры пролетариата, вспоминали о горьком прошлом и светлом настоящем. Всем разъяснили, что старое общество приносило горечь потому, что трудящиеся не располагали властью, а светлое, новое наступило благодаря тому, что председатель Мао привел нас к созданию нашей собственной политической власти».

Мораль: колеблющиеся члены партии должны занять предлагаемые посты.

Глава 11 . ФИЛОСОФИЯ ИЛИ АССОЦИАЦИЯ

Особенно остро протекает борьба «двух линий», то есть политическая борьба, в культурной и идеологической жизни Китая. То, что в Китае называется философией, значительно непосредственнее связано с проблемами повседневной жизни, чем в любой другой стране.

Посмотрим же, что пишет об этом сама китайская пресса.

Приведем для примера статью «Серьезная борьба в вопросе о тождественности мышления и бытия», составленную «группой революционной массовой критики» партийной школы при ЦК КПК. Эта статья была, между прочим, перепечатана в «Пекин ревью» 26 апреля 1971 года.

«По вопросу тождественности мышления и бытия одно время шла серьезная борьба на философском фронте Китая, в кругах философов в результате деятельности спецагента, ренегата и предателя Ян Сяньчжэня, агента Лю Шао-ци... Чтобы скрыть суть этой борьбы, ренегат Ян и компания распространяли лживые утверждения, будто это «академическая дискуссия, не имеющая ничего общего с политикой», и будто они принадлежат к такой школе, которая ведет «академические исследования» (Ян с 1955 года по 1966 год был ректором Центральной партшколы).

«Правда ли это? Вовсе нет!» — спрашивает и тут же отвечает на поставленный вопрос группа революционной критики Центральной партшколы (которая, очевидно, состоит из людей, занявших место Яна во главе этого учреждения).

«Утверждая, что тождественности мышления и бытия не существует, Ян пытался выступить против при-

мата пролетарской политики, против выдвижения мао-цзэдуновских идей на командный пост. Он пытался выступать против революционного движения масс и создать «теоретическую основу для ревизионистской, контрреволюционной линии Лю Шао-ци, которая стремилась к свержению пролетарской диктатуры и реставрации капитализма. Эта якобы «академическая дискуссия, не имеющая ничего общего с политикой», в действительности была выражением борьбы двух классов, двух путей, двух линий и двух штабов».

«Группа революционной критики» в другой своей статье (опубликованной в «Пекин ревью» за 22 января 1971 года) писала о том, что со времени провозглашения Китайской Народной Республики прошли три схватки в «великой принципиальной борьбе» на фронте философии — и все три вокруг ошибочных теорий Яна. Первая касалась отношений между базисом и надстройкой, вторая — уже упомянутого отношения между мышлением и бытием и третья — вопроса о «раздвоении единого», как говорит Мао, или «слиянии двух в одно», как утверждал Ян.

РАЗДВОЕНИЕ ЕДИНОГО ИЛИ СЛИЯНИЕ ДВУХ В ОДНО?

У нас нет места для детального описания дискуссий по всем трем вопросам, однако характер полемики хорошо можно почувствовать, рассмотрев тот раздел январского выступления группы революционной критики, который относится к теории о «раздвоении единого».

Прежде чем цитировать этот пространственный раздел, стоит заметить, что эти философские изыскания публикуются газетами самым большим тиражом, затем они обсуждаются по всей стране или по крайней мере их излагают на собраниях на заводах, в селах, в жилых домах. Их снова и снова читают по радио и передают громкоговорители. И все китайцы обязаны высказаться по вопросу о том, превращается ли одно в два или, наоборот, два сливается в одно.

Итак, цитируем:

«В 1964 году Лю Шао-ци приказал Ян Сянь-чжэню состряпать реакционную теорию о «слиянии двух»,

которая прямо выступает против революционной диалектики председателя Мао, против «раздвоения единого».

Руководствуясь теорией председателя Мао о том, что в условиях диктатуры пролетариата надо продолжать революцию, китайский народ в том году по всей стране начал движение за социалистическое воспитание, пошел на открытую полемику с советским ревизионизмом. Реакционная теория «слияния двух в одно» полностью соответствовала контрреволюционным интересам империализма, ревизионизма, реакционеров и их лакеев — Лю Шао-ци и компании.

Председатель Мао указал: «Все бесповоротно разделяется на две части». «В обществе, как и в природе, всякое единство бесповоротно распадается на части, имеются лишь различия по содержанию и форме (этого процесса), различия конкретных условий». Теория председателя Мао о «раздвоении единого» — это самое глубокое и точное обобщение единства противоположностей, это великое достижение марксистской диалектики.

Признать раздвоение единого — значит признать, что в социалистическом обществе по-прежнему существуют классы, классовые противоречия и классовая борьба, существует борьба двух путей — социалистического и капиталистического, существует опасность реставрации капитализма, существует угроза агрессии и диверсии со стороны империализма и современного ревизионизма. Для разрешения этих противоречий следует продолжать революцию в условиях диктатуры пролетариата (последний абзац слово в слово совпадает с частью статьи от 1 июля того же года — так шаблоны возвращаются снова и снова во всех публикациях.— *Прим. авт.*). Однако реакционная теория о «слиянии двух в одно» провозглашает, что «все бесповоротно сливается из двух в одно» и это единство противоречий показывает наличие «неразрывной связи», «общей основы» и «общих требований» у этих противоречий. Эта реакционная бессмыслица направлена на примирение противоречий, ликвидацию борьбы, отрицание преобразований и выступление против революции. Это с начала до конца буржуазная метафизика и идеализм. По сути дела, она стремится к слиянию пролетариата и

буржуазии, революции и контрреволюции, выступает против продолжения революции в условиях диктатуры пролетариата, пытается восстановить капитализм. Это основа теории Лю Шао-ци о «затухании классовой борьбы».

Как только теория «слияния двух в одно» возникла, ей сразу же были нанесены уничтожающие удары со стороны пролетарского штаба и революционных масс. Наш великий вождь, председатель Мао, лично руководил борьбой, направленной на критику этой реакционной теории, и ясно указал, что ядром ревизионистской теории является примирение классов. Так он определил жалкую судьбу этих идей».

ФИЛОСОФИЯ В «ПЕРВИЧНЫХ ЯЧЕЙКАХ»

Упомянутые и цитированные философские статьи были написаны уже в рамках той кампании, призыв к которой прозвучал на втором пленуме ЦК КПК в конце августа — начале сентября 1970 года. Этот пленум, на котором проиграл битву и исчез один из пяти высших руководителей, избранных на IX съезде, Чэнь Бо-да (как выяснилось из позднейших намеков, он первым был обвинен в крайностях «культурной революции»), призвал всю страну изучать философские произведения Мао Цзэ-дуна. Вскоре после него эти произведения Мао были выпущены отдельным сборником.

Многие наблюдатели пришли к выводу о том, что скрытой политической целью движения по изучению философии было, собственно говоря, стремление заменить «красную книжечку» цитат, которая, в конце концов, была творением Липь Бяо, оригинальными произведениями Мао. С этим было связано и то, что летом 1971 года список произведений для изучения был дополнен некоторыми работами классиков марксизма: в списке обязательной литературы для кадров появились «Материализм и эмпириокритицизм» и «Государство и революция» Ленина, «Манифест Коммунистической партии», «Анти-Дюринг» Маркса и Энгельса. Это должно было продемонстрировать развитие председателем Мао идей классиков марксизма-ленинизма.

В глазах масс все это было кампанией по изучению философии, новым и вовсе не общедоступным семинаром. Для печати это означало, что «генеральная линия» должна облекаться в одежды философских цитат и ассоциаций. «Жэньминь жибао» 30 октября 1970 года в резкой по тону редакционной статье призвала всю страну к изучению философских произведений Мао Цзэ-дуна и отвергла все возможные возражения.

«Почему важно изучать философские произведения председателя Мао для укрепления диктатуры пролетариата?» — спрашивает газета. Ответ, точно отражающий идеологию пекинского руководства, звучит так:

«Основной вопрос революции в условиях диктатуры пролетариата — это вопрос о власти. Природа политической власти определяется линией тех, кто стоит у власти. В конце концов она определяется борьбой двух линий внутри партии, борьбой пролетарского мировоззрения с буржуазным. Философская мудрость председателя Мао — это теоретическая основа пролетарской, революционной генеральной линии. Идеализм и метафизика — это теоретическая основа всякой «левой» и правой оппортунистической линии. Только сознательно изучая философские произведения председателя Мао и перестраивая наше мировоззрение, мы сможем отличить правильное от неправильного, настоящий марксизм от ложного; только так мы сможем отвергнуть слепоту и повысить сознательность, правильно проводить пролетарскую революционную линию председателя Мао, бороться со всеми ошибочными течениями, противостоящими этой линии, и выполнить задачу укрепления диктатуры пролетариата во всех первичных ячейках».

Как видно из цитаты, изучение философии призвано помочь в решении проблем всех «первичных ячеек», то есть заводов, коммун, учреждений, воинских частей. И конечно, по мнению «Жэньминь жибао», глубоко ошибаются все те товарищи, которые думают, будто раз они и до сих пор, никогда не изучая философии, правильно решали свои задачи, то и в будущем они не нуждаются в такой учебе. «Это односторонний взгляд», потому что, только обладая философскими знаниями, «можно предвидеть блестящее будущее движения». Другие товарищи считают, что философия слишком сложна для понимания, но этому противоречит целый ряд примеров того,

как рабоче, крестьяне и солдаты изучали и творчески применяли на практике философские труды председателя Мао. Более того, изучение их следует связать с «революционной массовой критикой, поскольку философская мудрость председателя Мао по сути своей революционна и критична».

Непосредственным следствием кампании по изучению философии было то, что с этого времени в изданиях китайских средств массовой информации цитаты Мао выбирались главным образом из его философских работ. И газеты сумели, продемонстрировав чрезвычайную находчивость и способность к ассоциациям, применять одни и те же цитаты к самым разным темам, к решению различных задач.

Посмотрим, например, как пекинская «Гуанмин жибао» рассказывает о жизни военного подразделения, облекая свой материал в философские одежды. «Упорное изучение философии привело к тому, что распустились цветы «четыре хорошо» — это заголовок.

«Цветы» указывают на движение, исчезнувшее вместе с падением Линя. Это движение за получение звания роты, «хорошей в четырех областях» (то есть достигшей хороших результатов в выполнении четырех требований), и бойца, «хорошего в пяти требованиях», развернулось сначала в армии, а затем распространилось по всей стране. Движение «четыре хорошо» предвещало полную милитаризацию Китая до тех пор, пока оно не исчезло бесследно. Из четырех требований первым и самым главным была хорошая политическая работа, а остальные касались боевой подготовки и других сторон армейской жизни.

2-я рота полевой артиллерии Н-ской военной части в Узане с 1961 года (когда началось движение) десять лет подряд получала почетное звание «хорошей в четырех». Правда, когда движение началось, рота не относилась к числу лучших и ее бойцы не верили, что получают это звание. Тогда партийная организация выступила инициатором изучения философской работы Мао Цзэ-дуня «О контрастности» и возглавила применение материалистической диалектики к специфическим условиям роты. Было вскрыто «неблагоприятное условие»: часть бойцов — новобранцы, а также «благоприятные условия»: бойцы хотят преодолеть идеологи-

ческое отставание роты. Они сознательно овладевали учением председателя Мао, в соответствии с которым в определенных условиях каждая противоположная часть внутри данной вещи преобразуется в свою противоположность, вся ситуация превращается в противоположную. Так они сразу ясно увидели, в каком направлении надо идти; поняли, что если они повысят революционный дух роты, то рота превратится из отсталой в передовую. (Это якобы две части противоречия, которые меняются местами.) Средством повышения революционного духа роты было изучение философских трудов Мао.

Это многозначительный, но все же довольно общий пример. Посмотрим лучше, что было, когда ротные повара два раза подряд кормили солдат недоваренным рисом. Два члена партийной организации поспешили к поварам, но оба повели себя неправильно. Один из них помогал поварам в приготовлении пищи, чтобы они не повторили ошибку, а другой ободрял солдат, которые остались голодными. Когда партийная ячейка узнала об этом, она сразу же распорядилась, чтобы кадры и солдаты начали усвоение учения председателя Мао, в соответствии с которым «надо выделять прежде всего главное противоречие». В связи с этими двумя недоваренными обедами руководители ячейки проанализировали слабые звенья в политической и идеологической работе партийной организации и пришли к выводу о том, что повара приготовили плохую пищу из-за недовольства некоторых бойцов кухонного взвода своим местом, а парторганизация не вскрыла вовремя эту действительную проблему. С другой стороны, два члена парторганизации поступили неправильно, так как они заботились лишь о сохранении почетного звания.

Как видно из вышеизложенного примера, не так-то просто связать философию с ходом боевой подготовки, но в конце концов это удалось. Изюм в дело в китайской печати можно встретить с подобными объяснениями в связи с жизнью коммун, разработкой новых технических решений, введением новых операций на производстве, преодолением любых трудностей.

Идет ли речь о достижениях в производстве, искусстве или науке — это, по пекинским взглядам, не может быть просто результатом самостоятельной деятельности

рабочих, художников или ученых, не связанной непосредственно с политикой и учением Мао. Такие достижения могут вытекать только из применения идей председателя, проведения правильной линии.

КАК ОСТАНОВИТЬ ОСАДКУ ПОЧВЫ В ШАНХАЕ?

Можно ли представить себе более далекий от повседневных политических схваток научно-технический вопрос, чем вопрос об осадке уровня почвы в Шанхае? По сообщению апрельского номера «Хунци» за 1972 год, осадка почвы была приостановлена (сам по себе это очень интересный и дискуссионный вопрос в науке) благодаря применению метода изучения философских произведений председателя Мао.

Суть пространной статьи состоит в том, что уровень почвы в этом крупном промышленном центре Китая с 1921 года постоянно опускается, а в отдельных местах он стал на 2,37 метра ниже прежнего. Вода залила склады, и возникла угроза того, что, если процесс будет продолжаться, город опустится ниже уровня моря и его придется защищать плотинами.

Комиссия, созданная для изучения этого вопроса, провела широкое исследование и установила причину осадки. Дело в том, что артезианские колодцы выкачивали все больше воды, и в специфических геологических условиях Шанхая это привело к сжатию тех слоев, которые ранее содержали воду. После открытия причины осадки почвы зимой через артезианские колодцы в почву закачивалось то же количество воды, которое выкачивалось летом. Таким образом удалось приостановить ускорившееся понижение уровня почвы. Этот беспрецедентный метод сам по себе — значительное достижение. И если опыт оправдает себя, он, безусловно, будет достоин внимания специалистов-гидрологов. Однако «Хунци» подает эту техническую проблему под идеологическим и политическим соусом.

Работа по вскрытию причин осадки почвы была направлена в правильное русло благодаря применению цитаты Мао о том, что «без конкретного анализа невозможно познать какие бы то ни было особенности проти-

воречий». При исследовании подземного движения руководящим принципом были слова Мао о том, что законы, управляющие процессом, могут быть поняты только через познание истинных условий, природы вещей и их взаимосвязи с другими вещами, и только на этой основе можно правильно завершить работу. При анализе огромного количества данных, собранных в ходе широкого исследования почв, ученые также руководствовались учением Мао, отбрасывая несущественное и выбирая существенное, отказываясь от ложного и сохраняя истинное, исходя из одного вопроса и переходя к другому, причем шли «извне вовнутрь». Когда они поняли, что осадка почвы вызвана добычей воды, и в то же время пришли к выводу о необходимости получения воды из артезианских колодцев, они связали этот вопрос с философскими высказываниями, по словам «Хунци», следующим образом:

«Использование воды и осадка почвы были двумя сторонами такого противоречия, которое надо было разрешить с помощью контроля за осадкой. «В определенных условиях две противоположности могут объединяться и превращаться одна в другую» (в кавычки заключена напечатанная жирными пероглифами цитата Мао.— *Прим. авт.*). В случае с осадкой почвы таким фактором превращения вещи в свою противоположность явилось понижение уровня подземных вод. Можно ли восстановить уровень подземных вод, закачивая воду с поверхности, и остановит ли это осадку почвы? Мы решили начать опыт».

Совершенно очевидно, что здесь речь идет о проблеме, решение которой вполне можно представить себе и без цитат о противоречиях. Вряд ли философское учение сыграло какую-либо непосредственную роль в проведении этого технического опыта. И коль скоро философские цитаты приводятся здесь так часто, это явно значит, что в Китае в этот период даже технические достижения можно было демонстрировать только в такой «упаковке».

Как говорится в «Хунци», эксперимент закончился удачно. Авторы ставят вопрос:

«Можно ли после первых успехов заявить, что мы полностью контролируем понижение уровня почвы? Нет. Председатель Мао учит: «История человечества — это

история непрерывного развития из царства необходимости в царство свободы. Этот процесс никогда не кончится». На основе постоянного обобщения опыта последних лет мы поставили цель выдвигать все новые инициативные предложения по задержанию осадки почвы».

Отвлечемся сейчас от того, что не Мао Цзэ-дун, а Маркс, Энгельс характеризовали социалистическое общество как скачок из царства необходимости в царство свободы и, следовательно, речь здесь идет не об оригинальных идеях Мао. Ясно видно, что вся цитата вставлена в текст для того, чтобы дать этому делу философскую подкладку. Ведь непосредственной связи между новыми методами и экспериментами гидрологов и философским тезисом марксизма, который повторен Мао Цзэ-дуном, показать никак нельзя.

Поскольку весной 1972 года было начато движение по изучению не только произведений Мао, но и трудов классиков марксизма, следующую цитату дают уже из Энгельса. Авторы ищут объяснения тому, что обратное закачивание воды в землю в различных местах по-разному влияет на понижение уровня почвы.

«Какой закон отражает это явление? Энгельс отмечал, что слияние многих сил в одну общую «создает, говоря словами Маркса, некую «новую силу», которая существенно отличается от суммы составляющих ее отдельных сил»¹. Тот факт, что полученные результаты были разными от того, закачивалась ли в землю вода сразу концентрированно или же по частям, отражает приведенную истину».

После этого был разработан общегородской план обратного закачивания воды, но тут уже на Энгельса не ссылались. Статья заканчивается восхвалением важности «правильной линии».

Как известно, «культурная революция» привела к спаду производства, однако в китайских официальных материалах всегда любой подъем, любой успех связывается с этим периодом. Так, хотя упомянутые работы были начаты еще в 1962 году, статья «Хунци» утверждает, что обратное закачивание воды приобрело массовые размеры лишь тогда, когда в ходе «великой пролетарской культурной революции» в Шанхае подвергли

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 130.

«глубокой критике контрреволюционную ревизионистскую линию Лю Шао-ци» и «полностью мобилизовали социалистический энтузиазм масс».

Так в китайской пропаганде техническая проблема понижения уровня почвы привязывается к движению по изучению философии и к выполнению актуальных для руководства политических задач. Ясно, что в другой стране отчет об этих опытах появился бы в специальном журнале, поскольку речь идет о действительно интересном эксперименте. (Впрочем, в Китае во время «великой пролетарской культурной революции» технические журналы были ликвидированы.)

РЕВОЛЮЦИОНИЗАЦИЯ СЕМЬИ

Однако подобное применение философских цитат не ограничивается лишь сферой производства, науки или искусства, оно распространено и на семейную жизнь. 20 ноября 1970 года журнал «Пекин ревью» перепечатал статью «Жэньминь жибао», автором которой является член коммуны Мило уезда Мило провинции Хунань Цзао Цзинь-хуа, крестьянин-бедняк этой коммуны. (Дело в том, что в Китае сохранилось разделение крестьян, введенное до образования коммун, хотя с тех пор материальное положение членов коммун сильно изменилось и нынешние «богатые крестьяне» нередко беднее тех, кого по-прежнему именуют «бедняками».)

Заголовок этой статьи такой: «Применение материалистической диалектики в революционизации моей семьи». Статье предпослано следующее редакционное примечание «Жэньминь жибао»:

«Семья товарища Цзао Цзинь-хуа использует философскую мудрость председателя Мао для достижения постоянного прогресса в деле революционизации семьи и тем участвует в борьбе двух школ в мировоззрении. Члены этой семьи действуют в данном направлении, исходя из практики своей семейной жизни, выясняя, что в мелких инцидентах важнее с точки зрения отношения личности к коллективу, а семьи — к обществу, вскрывая и анализируя недостатки. Эта статья показывает нам, что не только заводы, коммуны, воинские части, правительственные учреждения и школы, но и семьи могут

изучать и применять блистательную философскую мудрость председателя Мао».

В семье Цзао — восемь человек: родители Цзао, он сам и пять сестер. Отец, сам Цзао и одна из сестер, Гуй-хуа, назначены на различные посты в производственной бригаде.

«Сначала в семье кое-кто считал, что если все живут под одной крышей, едят из одной тарелки, вместе работают и любят друг друга, то в этой семье нет противоречий». Однако, по рассказу Цзао, вскоре один инцидент разрушил эту иллюзию. Началась гроза. И когда отец, Цзао и сестры ушли на спасение коллективного риса, мать попыталась перенести на сухое место собранный для семьи хворост. Когда семья вернулась, мать побранила их: «Вы думаете только о рисе своего звена. А тут наш хворост совсем промок. Если не будет хвороста для растопки, все равно вареного риса у вас не будет».

Вечером на «семейном собрании» этот случай был обсужден. По мнению одной из сестер, Ли-хуа, важны и рис и хворост, поэтому семья должна была разделиться на две части для спасения и того и другого. Гуй-хуа, кадровая работница, не согласилась: «Важно и то и другое. Но что важнее, рис коллектива или же хворост семьи?»

А теперь следует философия.

«После этого случая,— пишет Цзао,— я организовал семью на изучение великого учения Мао: «Нет ничего, в чем не было бы противоречий; ничто не существует без противоречий». Это помогло нам понять, что при приближении дождя некоторые члены семьи думали прежде всего о коллективе, а другие сначала о семье. Это показывает, что в нашей семье имеются противоречия. Мы поняли также, что это противоречие между личными и общественными интересами. Если бы мы не познали этого противоречия или отказались учитывать его, мы действовали бы не в соответствии с учением председателя Мао о «раздвоении единого».

Это был бы метафизический подход. Почему существовало такое противоречие? Поскольку наши родители горько страдали при старом режиме, а молодое поколение выросло под сенью маоцзэдуновских идей, вся наша семья любит председателя Мао и коммунистическую партию и решительно хочет идти по социалистиче-

скому пути. Но семью нельзя отделить от общества. А в социалистическом обществе имеются классы, классовые противоречия и классовая борьба, а также борьба между старым и новым, между правильным и неправильным. Противоречия эти неизбежно должны проявляться и в нашей семье. После того как мы поняли это и, последовав призыву председателя Мао «бороться против эгонизма, критиковать ревизионизм», помогли матери, мать и Ли-хуа выступили с критикой своих собственных ошибочных мыслей».

Однако это был не единственный инцидент в семье. Однажды Гуй-хуа за сверхурочные работы ночью получила 28 фыней (1 юань равен 100 фыням; месячная зарплата работника коммуны составляет 20—40 юаней). И хотя она обязана была отдать заработанные деньги своему звену в обмен на трудодни, она оставила эти деньги у себя. В семье, правда, сразу поняли, что девушка руководствовалась «буржуазными личными интересами», однако, поскольку сумма была небольшой, ограничились несколькими критическими замечаниями. И это не привело к добру. Однажды Гуй-хуа и две другие девушки работали ночью на погрузке и заработали два юаня. Случай вызвал много разговоров в деревне. Когда речь шла о 28 фынях, «мы пытались прикрыть противоречие, но оно только усугубилось».

«Дома мы серьезно критиковали их, — пишет Цзао, — и старались объяснить Гуй-хуа, что, если она будет так себя вести, она может сползти на капиталистический путь. Мы попытались уговорить ее выступить с публичной самокритикой. Она не хотела, потому что боялась запятнать свое имя, если об этом узнают многие. Она думала, будет достаточно передать деньги и на том покончить. Мы уговорили ее изучить вместе с нами слова Мао о том, что «плохие вещи можно обратить в хорошие», и терпеливо оказывали ей политическую помощь. Мы попытались объяснить ей, что, опасаясь за свое доброе имя, она его теряет, что нельзя бороться против нашего эгонизма за закрытыми дверями, так как это означает индивидуалистическую борьбу с эгонизмом. Если она передаст деньги без самокритики, то в этом еще будет сказываться прежде всего личный интерес. Если же она сообщит массам о своих ошибках и попросит их помощи в борьбе против эгонизма и ревизионизма, тогда можно

изжить первостепенность личных частных интересов, и плохая вещь обратится в хорошую. В конце концов она поняла это и выступила с самокритикой на собрании членов коммуны. Массы высказали такое мнение: «Гуй-хуа вела себя серьезно, она полностью вскрыла свои ошибки и себя покритиковала». Две другие девушки, которые уговорили ее пойти на ночную работу, также выступили с самокритикой. С тех пор Гуй-хуа не только повысила уровень собственного политического сознания, но и использовала этот случай в помощь другим».

Затем Цзао пространно повествует о том, как он применял философское учение председателя в своей многочисленной семье. Конечно, не каждый крестьянин в Китае проводит такие семейные семинары. Однако статья дает почувствовать, как в Китае подводят политику под самые мелкие проблемы повседневной жизни. Принцип «раздвоения единого» служит для объяснения как внутренней борьбы высшего руководства, так и домашних споров в крестьянской семье. Так изо дня в день, из года в год в китайской пропаганде и китайской жизни неразрывно связываются крупное и мелкое.

Глава 12 ОБРАЗЦЫ И ГЕРОИ

Изучение отчета Цзао Цзипнь-хуа уже дает представление об одном из основных методов постоянной агитации, которая пронизывает всю китайскую жизнь: это постоянная популяризация образцовых личностей и героев, непрерывные призывы равняться на них. Одной из основных задач информационной службы является поиск маленьких и больших героев (отдельных личностей и коллективов), которые олицетворяют политику китайского руководства, а также распространение рассказов об «их передовых делах». Цзао не герой, но, во всяком случае, образец, попавший в центральную прессу. Очевидно, на него нередко ссылаются в пародных коммунах, когда на повестку дня ставится вопрос о «революционизации семейной жизни». Есть образцы, менее значительные, чем Цзао, они получают известность лишь на короткое время в отдельных селах, уездах или провинциях. И есть герои, которых знает каждый китаец.

«ТРИ ПОПУЛЯРНЫЕ СТАТЬИ»

Это не новинка последних лет. Так было с самого начала китайского революционного движения. Руководители этого движения довольно давно поняли, какая большая мобилизующая сила заключена в конкретных действиях героев — это более живое и, следовательно, более эффективное объяснение «генеральной линии» и норм правильного поведения, нежели отвлеченные призывы. Актуальность обеспечивается подбором героев: для всякой задачи есть свой образец, живой или мерт-

вый, общекитайский или местный, на который ссылаются либо в одной-единственной статье, или же постоянно. В так называемых «трех популярных статьях», которые после установления народной власти стали обязательным и действительно постоянным чтением каждого китайца начиная с детского сада, Мао Цзэ-дун поставил образцы поведения для всей страны. Все герои позднейшего времени — духовные потомки образцов «трех популярных статей»; идеал лишь приспособляется к различным обстоятельствам.

Посмотрим теперь, что же за герои описаны в «трех статьях».

Речь «Служить народу!» была произнесена в 1936 году в Яньани на похоронах бойца по имени Чжан Су-дэ. Чжан участвовал в Северном походе и погиб, когда на него обвалилась стена печи для обжига угля. «Все должны однажды умереть, но значенье смерти различно», — говорил о нем Мао в траурной речи, которую теперь каждый китаец знает почти наизусть. «Древний китайский писатель Сыма Цянь сказал: «Хотя смерть — доля всякого человека, она может быть тяжелее горы Тай и легче пушинки». Смерть того, кто отдает свою жизнь за дело народа, — добавил Мао, — тяжелее пушинки, а смерть пособника фашистов, гибнущего за угнетателей и эксплуататоров народа, легче пушинки».

На смерть героя была написана и другая статья — о Нормане Бетьоне. В ней Мао говорит об этом канадском враче, погибшем в 1938 году на службе китайской революции, как о примере бескорыстного служения делу народа и интернационализма.

Третий герой — сказочный. Для поисков подобного героя действительно надо обратиться к миру сказок. Мао Цзэ-дун в качестве заключительного слова на VII съезде партии в 1945 году рассказал историю о Юй Гуна, который передвигает горы. Перед домом Юй Гуна возвышались две огромные горы, которые закрывали ему вид из окон. И он решил вместе с сыновьями скопать эти горы и увести их простыми лопатами. Когда его высмеивали, он отвечал: если он сам не сможет закончить работу, то его сыновья, внуки и следующие поколения будут продолжать копать горы, и раз горы не растут, то их в конце концов уберут от его дома. Небесный господин был тронут этой выдержкой и послал на землю двух

своих слуг, которые унесли эти горы. Сейчас, закончил свою речь Мао, над китайским народом тоже нависают две скалы: одна — это имперализм, а другая — феодализм. Коммунистическая партия Китая уже давно решила скопать их. «Мы должны неуклонно осуществлять свое решение, неустанно трудиться, и тогда над нами сжалится «небесный господин», то есть китайский народ. И если мы вместе со всем народом напряжемся, чтобы уничтожить эти горы, то наши усилия, по всей вероятности, будут увенчаны успехом».

Это очень хорошая мораль. В Китае и теперь о тех, кто берется за кажущуюся неосуществимой работу, говорят, что они поступают «в духе Юй Гуна». И если речь идет о горах не в переносном смысле, а о действительно существующих, то историю эту рассказывают в связи с тем, что народ должен опираться на свои силы и не нуждается в государственной помощи.

Таким образом, создатели длинного ряда китайских «героев» черпают вдохновение из «трех популярных статей». Существенная разница (особенно это касается героев последнего периода) в том, что эти герои предлагаются народу уже не самим Мао и прославляют своей жизнью председателя Мао Цзэ-дуна. С начала шестидесятых годов герои идут впереди прежде всего в применении произведений Мао, иногда с рвением, доходящим до фанатизма (во всяком случае, для стороннего наблюдателя). Череду героев открывает Лэй Фын, «верный солдат» председателя Мао, который в дневнике, опубликованном после его смерти, чрезвычайно усердно цитирует учения председателя КПК (Лэй Фын был шофером в армии и погиб в возрасте 23 лет в результате аварии). Его культ в Китае, по сути дела, предвещал уже «культурную революцию». Лэй и последовавшие за ним герои из солдат, выдвинутые в качестве образцов для всей страны, подготовили армию к той роли, которую она сыграла в конце шестидесятых годов, а население страны — к принятию непосредственного вмешательства армии в общественную жизнь.

Китайское руководство выбирает героев очень тщательно, взвешивая все обстоятельства. На это указывает, в частности, тот факт, что первое сообщение о них появляется через полгода, а то и больше, после их смерти. Зато эти сообщения уже встроены в рамки кампании,

одинаковой по всей стране. Большинство героев по примеру Лэй Фына вели дневники, которые публикуются, а затем прославляются по всему Китаю. Хотя большая часть из них была в армии, особенно во время процветания Линь Бяо, среди героев можно найти и крестьянина, и простую женщину, и хунвэйбина, посланного на село. Передовики на местах берут с этих героев пример.

ГЕРОЙ УЧИТСЯ У ГЕРОЯ

Чтобы дать читателю почувствовать цепную реакцию формирования героев, рассмотрим дневник героя солдата Ван Цзэ. Ван в 1967 году (то есть во время «культурной революции») выдвинулся в разряд общекитайских героев, его дневник вплоть до падения Линь Бяо был одной из немногих книг, которые всегда можно было купить в Китае.

После исчезновения Линя эти герои тоже потеряли свой блеск, ведь в дневниках они (откуда им было знать все наперед?) часто упоминали имя военного министра. И все же герои могут переживать такие неожиданные повороты. Например, один из популярных, то есть сильно пропагандировавшихся, образцов после своего героического поступка попал в больницу и до самой смерти, по первоначальному варианту, изучал труды Мао и Лю Шао-ци. На одном из рисунков в книге о жизни героя санитары поднимают покрывало на его кровати и находят там цитатник Мао и книгу Лю «Как стать хорошими коммунистами». Так вот, после исчезновения Лю Шао-ци во время «культурной революции» эта книжка на время исчезла, а затем герой снова появился, и единственной разницей было то, что теперь под его подушкой нашли только произведения Мао. Подобным же образом и Лэй Фын пережил в китайской пропаганде своего творца — Линь Бяо.

Ван Цзэ умер задолго до того, как его имя стало известно. Он погиб 14 июля 1965 года при взрыве, будучи командиром саперного взвода, и тем самым спас 12 человек. Но образцом он стал не благодаря этому подвигу, а благодаря своему поведению до смерти, которое стало известно по его дневнику. Здесь можно заметить, как влияло на Вана изучение произведений Мао и

Лэй Фыша. Можно предположить, что этот солдат олицетворяет то воздействие, которого хотят добиться китайские руководители путем выдвижения этих героев, издания подобных книжек и постоянного повторения тех же самых идей.

Ван начал записывать свои мысли в 1961 году, но писал мало до тех пор, пока не появился дневник Лэй Фыша. В его дневнике (в изданном варианте) содержится всего девять записей до 19 февраля 1963 года, когда он дал обет учиться у Лэя. Начиная с этого времени, как он пишет, перед его глазами стоял пример солдата, ставшего героем и образцом для всей страны. Все, что было связано с героем, находило глубокий отклик в душе Вана. И в свой дневник он почти полностью переписал все подвиги Лэя, которые в то время были общезвестны в Китае.

19 февраля, когда он услышал о герое явно только по первым статьям развертывавшейся кампании, Ван ставит перед собой в дневнике следующую задачу:

«Надо учиться у Лэя, у хорошего солдата председателя Мао, надо изучать его возвышенный коммунистический характер, твердую пролетарскую позицию и бескорыстный революционный дух. Надо учиться тому, как он всегда выдвигал на первое место интересы партии, как он шел повсюду, куда его посылала партия, и делал все, что ему говорила партия. Я тоже буду работать упорно и напряженно, на какой бы пост меня ни послали. Я приложу все свои силы, как бы малы они ни были. Я всегда буду принимать во внимание интересы других и посвящу всего себя служению делу народа. Постоянно помня о примере Лэй Фыша, я буду стремиться поднять свой идеологический уровень. Правильный политический подход и правильная идеология — это основа успеха в любой области. Если мне удастся достичь этого, то я, как и Лэй Фыш, смогу стать хорошим солдатом председателя Мао».

На другой день Ван Цзэ снова раскрыл свой дневник: «Лэй Фыш был хорошим солдатом председателя Мао. Он делал совсем будничные вещи, но эти будничные вещи формировали его благородный революционный характер и вдохновляли других.

До сих пор я думал, что на обычном посту у человека нет будущего и он ничего не может добиться. Те-

перь подвиги Лэй Фына открыли мне глаза. В социалистическом строительстве нашей родины именно эти «обычные» дела помогают нашему большому делу. Несчислимые массы людей, осуществляющие эти «обычные» дела, составляют жизненно важную силу строительства социализма. На обычном посту тоже можно вносить большой вклад в общее дело, если служить народу так же самоотверженно, как и Лэй Фын. Тогда человек становится подобно винтику в машине, который не ржавеет. Начиная с этого дня я буду учиться у Лэй Фына быть простым солдатом родины; как и Лэй Фын, я сделаю все, что в моих силах, чтобы быть хорошим бойцом, достойным учения председателя Мао, таким винтиком, который никогда не ржавеет».

Этот отрывок из дневника, наверное, выразительнее всего показывает образ мышления, который считается образцовым в Лэе, Ване и других героях: маленький винтик в большой машине, нержавеющий винтик.

Ван снова и снова изучает историю Лэй Фына. 29 марта он пишет: «Я много раз перечитывал дневник Лэй Фына. Вчера ночью я прочитал его два раза, глубоко прочувствовал его и сравнил себя с ним. Что бы он ни делал, он совершенно забывал о себе, он помнил только об интересах страны, народа, коллектива. Он никогда не думал о личной выгоде или потере. Такой благородный характер достоин того, чтобы на него равнялись».

14 апреля, когда уже по всей стране шла кампания восхваления Лэя, Ван посмотрел документальный фильм о герое. «Он оказал на меня большое воздействие», — записывает Ван. Через четыре дня группа самодеятельности показала пьесу о Лэй Фыне. «Меня снова глубоко потрясла эта история, — писал Ван, в котором постоянное повторение, как видно, не ослабляло интереса. — Я просто не мог думать ни о чем другом». И так далее, все снова и снова.

Кроме хорошего солдата председателя Мао и других образцов, в Ване все новое воодушевление вызывал и сам председатель. Например, 3 мая 1964 года, когда он был в больнице и лечил обожженный палец, Ван опять пишет в дневнике: «Я снова прочитал работу «Служить народу!», и не один раз, а десять. Она мне никогда не

надоест. Сколько бы я ее ни читал, я всегда нахожу в ней новое и полезное».

Дела Вана, которые он записывал в своем дневнике, — это в целом такие товарищеские или просто хорошие поступки, которые заслуживают похвалы в любой стране света. Например, он берет в машину старушку и отвозит ее домой, стоит на посту вместо своих товарищей, после марша помогает на кухне и т. д. Кроме того, он передовик в боевой подготовке, бескорыстен и петребователен. Он записывал, в частности, такие мысли в свой дневник, который позднее пропагандировался и распространялся по всему Китаю:

«Еда и одежда не приносят истинного счастья, оно придет только тогда, когда бедняки всего мира будут жить счастливо. Тот, кто думает лишь о пище и одежде, забудет свои страдания в прошлом, отдалится от масс и постепенно потеряет революционное рвение».

Кроме того, Ван постоянно мучило сознание, что он еще не принес достаточной пользы общему делу, и он с почти религиозным рвением исповедовался в своих ошибках в дневнике (и перед начальниками). Однажды, например, Ван узнал, что на следующий день утром будет тревога, и все приготовил заранее, а потом встал на полчаса раньше, чтобы быть первым. Позже, хотя никто ему ничего не сказал, он сам признался командиру взвода, так как после того случая заместитель командира роты похвалил его не по заслугам.

ДНЕВНИК ХУНВЭЙБИНА

Нет смысла приводить новые цитаты из объемистого дневника Вана: мы и без того можем понять характер этого героя. Ван — солдат, но и невоенные герои немногим от него отличаются.

В 1970 году была начата кампания по пропагандированию героя крестьянства и партийного строительства Ван Го-фу, крестьянина из района Пекина. Лозунгом Вана было то, что он никогда не перестанет толкать свою «тачку революции». Он умер от рака желудка и¹⁾ в своих последних словах призвал к успешному осуществлению партийного строительства, которое стояло в центре проходившей в то время кампании.

Герои труда Ху Бао-линь, работавший водолазом при строительстве моста через Янцзы, и Цинь Сюнь-хуа, хунвэйбин из Шанхая, являются образцами для молодежи, которая играла ведущую роль в «культурной революции», а затем была направлена на село, «чтобы крестьяне-бедняки перевоспитали ее». В брошюре о жизни Цинь Сюнь-хуа приводится указание Мао Цзэ-дуна от 1968 года, которое показывает, что решения о подборе общежитайских образцов и героев принимаются Центральным комитетом и что часть статей о них в газетах, а может быть и все, нередко написаны высокопоставленными китайскими руководителями, возможно самим Мао Цзэ-дуном. Как говорится во введении к брошюре, одно из редакционных примечаний «Хунци», которое теперь печатается жирными пероглифами как цитата, написал Мао. Там говорится:

«Мы надеемся, что ревкомы пошлют своих представителей для анализа некоторых типичных случаев, а затем отчитаются о результатах перед Центральным комитетом. Самые значительные сообщения будут опубликованы». (В 1968 году «Хунци» не сообщила, что автором этого примечания является Мао.)

Цинь попал в китайские национальные герои на три года позже Вапа. Хотя он прошел совсем иной жизненный путь, в официальном восхвалении его характер очень похож на упомянутого хорошего солдата председателя Мао.

Во время «культурной революции» он был членом постоянного комитета хунвэйбинов средних школ Шанхая, однако, когда председатель Мао выступил с призывом о том, что «для грамотной молодежи очень важно выехать на село, чтобы ее перевоспитали крестьяне-бедняки», он вызвался ехать одним из первых и попал в мае 1969 года в деревню, затерявшуюся в глубине провинции Хэйлунцзян. 15 августа 1969 года разлившаяся река унесла телеграфные столбы. Спасая общественное достояние, Цинь прыгнул в воду и утонул.

Пример Циня был доведен до сведения самых широких масс. Ведь, по официальным китайским данным, фолько из Шанхая было послано на село более полумиллиона хунвэйбинов. Китайская печать даже годы спустя признавала, что высылки в деревню вызвали недовольство и разочарование у «отдельных людей». Цинь с его

описанным воодушевлением стал примером для бывших хунвэйбинов. Картина, известная по всему Китаю, изображает его среди огромных волн в такой позе, будто он выступает с трибуны. Китайская пресса опубликовала отрывки только из последней части его дневника: видимо, в начале 1970 года уже не хотели пропагандировать его подвиги в качестве хунвэйбина. О деятельности его в то время мы знаем только, что он совершил наломничество в родную деревню Мао Цзэ-дуна Шаошань, бывал в Пекине и «твердо придерживался великого стратегического плана председателя Мао на свержение буржуазного штаба под руководством репегата и тайного предателя Лю Шао-ци».

В этой деревне в Хэйлуцзяне он стал одним из активных бойцов милиции и одновременно пропагандистом учения Мао. Мы процитируем только одну запись из его дневника. Она показывает, как неизменный дух связывается в личности избранных героев с актуальными и характерными для определенных слоев населения проблемами. 1 августа 1969 года этот шанхайский юноша записал:

«Сегодня день армии. Напечатанная в «Жэньмишъ жибао», «Хунци» и «Цзефанцзюнь бао» совместная редакционная статья «Народная армия непобедима» донесла до нас слова великого вождя, председателя Мао: «Я за такой лозунг: „Не бояться трудностей, не бояться смерти“».

До сих пор я думал, что сыграл большую роль в великой пролетарской культурной революции. Если это нельзя считать вкладом, то по крайней мере я упорно работал. Возможно, другие думают иначе, но я, во всяком случае, работал до изнеможения... Одно время меня преследовало настроение самовосхваления. И хотя я несколько раз критиковал такой образ мыслей, какое-то воздействие его осталось во мне.

И тут как взрыв бомбы — последнее указание председателя Мао (как мы знаем, это «указание» Мао Цзэ-дун дал более 20 лет назад, и Цинь явно слышал его по крайней мере раз тысячу. — *Прим. авт.*). Это потрясло меня, так как мои мысли оказались в противоречии с учением председателя Мао. Мне надо резко критиковать этот образ мыслей, прежде чем я смогу усвоить пролетарский взгляд на испытания и удобства,

взгляд в духе лозунга «не бояться трудностей, не бояться смерти». А затем мне надо быстро идти вперед, революционизироваться».

Та же преданность Мао Цзэ-дуну, то же постоянное исследование своей совести, то же воодушевление в исполнении указаний и учения, с которыми мы уже познакомились на примере Вана и Ляя, но в этот раз подача тема разочарования хунвэйбина.

Можно было бы продолжать перечисление постоянно обновляющихся имен общекитайских героев. Но, как уже было сказано, перечень лиц, взятых за образец, ими не ограничивается хотя бы потому, что в большинстве случаев речь идет о погибших, а живые примеры тоже нужны. Печать изо дня в день рассказывает о «передовых делах» китайских мужчин и женщин, источником успеха которых является усердное изучение и применение произведений председателя Мао. Эти материалы всегда тесно связаны с решением задач, стоящих на повестке дня. От репортажа в несколько строк до историй на целые полосы — все они имеют одну цель: мобилизовать массы на повторение «типичных примеров».

Наверное, еще большее значение, чем отдельные герои, имеют коллективные образцы. Роль личности — это, используя слова Лэй Фына и Ван Цзэ, роль «нержавеющего винтика» в большом механизме, одного из участников, обслуживающих общий успех. В то же время пример коллектива в любом случае уже несет в себе показ достигнутой победы, успеха, впечатляющего усилия. Таким образом, пример доказывает возможность достижения поставленной цели. Поскольку каждый человек входит в какой-то коллектив, такие коллективные примеры показывают образцовую систему организации связей в коллективе, в более широком общественном аспекте отмечают желаемые нормы поведения. Тут демонстрируется не только индивидуальная самоотверженность, но и роль повседневных контактов в коллективе. Поэтому в китайской пропаганде о достижениях этих коллективов, «передовых ячеек» говорится еще больше, чем об отдельных героях. Рассказывается о том, как они, несмотря на трудности, увеличили производство и производительность труда, а также выстояли в борьбе с наводнениями, испытаниями, врагами и т. д. Поскольку

официальным идеалом является коллективная преданность, самую большую воспитательную силу, по мнению китайского руководства, имеют коллективные образцы.

УЧИТЬСЯ У ДАЧЖАЯ

Коллективные образцы тоже имеют свою иерархию. Всякая коммуна, уезд, провинция имеют свои образцовые производственные единицы, везде есть передовые заводы, но выше всего этого поставлены в промышленности дацинские нефтяные промыслы, а в сельском хозяйстве — дачжайская большая производственная бригада. Общекитайскими образцами их сделал призыв Мао Цзэ-дуна. Этот призыв, который в течение долгих лет изо дня в день повторяется в печати, звучит так: «В промышленности учиться у Дацина! В сельском хозяйстве учиться у Дачжая!»

Если между ними и можно проводить различие, то Дачжай — это более важный образец, возможно, уже потому, что он обращен к сельскому населению, а в Китае четыре пятых населения, около 600 миллионов человек, живет на селе.

Дачжай поднялся на уровень общекитайских образцов во второй половине шестидесятых годов. О производственной бригаде был даже издан фотоальбом, который наглядно показывал, какой сельский коллектив китайское руководство считает идеальным.

На первых фотографиях запечатлены для сравнения двухэтажные, на первый взгляд несколько похожие на казармы жилые дома и зеленеющие террасы плантаций современной деревни, а также жилые пещеры и голые горы без растительности времен до освобождения. Изображение пути от «нищеты прошлого» до «сегодняшнего счастья» начинается с собрания парторганизации большой производственной бригады. Ведь, как говорится в подписи под фотографией, «партийная организация дачжайской большой производственной бригады является руководящим ядром, которое вооружено маоцзэдуновскими идеями и имеет тесную связь с массами: партийная организация стала революционным боевым штабом трех великих революционных движений — классовой борьбы, борьбы за увеличение производства и науч-

ного экспериментирования». В центре — секретарь парторганизации Чэнь Юн-гуй, который стал известен по всей стране и был избран не только в уездный, но и в провинциальный ревком, а на IX съезде КПК — в Центральный комитет.

Дачжай построен среди мрачных отрогов гряды Тигровая голова, являющейся продолжением хребта Тайханьшань в провинции Шаньси. По данным альбома, до освобождения здесь жило 60 семей, а сейчас — 83. Число жителей — 430 человек, площадь обрабатываемой земли — 796 му, а это означает, что 430 человек живет на урожай с земли площадью около 53 га.

Члены партии вместе с членами коммуны изучают произведения председателя Мао — это прежде всего. Крестьяне спят на земле, перед ними — корзина с землей, а за их спинами на жерди — портрет Мао. В руках Чэня и других участников собрания — раскрытая книжка произведений Мао, как на уроке в школе. Другие фото показывают, как крестьяне вешают портрет Мао, вернее, портреты — два рядом — на стену своей комнаты; как они идут на поля, а на шеях у них висят таблички с цитатами Мао, в руках же они несут «красные книжечки» цитат; как они читают «три популярные статьи» (Чэнь снова в центре); как руководители бригады навещают семьи; как они обсуждают все проблемы с «бедняками и низшими середняками», как обсуждают систему трудодней с «красными книжечками» в руках. (Число портретов Мао с тех пор сократилось, но дух не изменился.)

Другая форма идеологической работы — «воспоминания о безрадостном прошлом». Под столетней ивой в деревне, к которой до освобождения помещики привязывали бедняков, как к позорному столбу, старик рассказывает группе молодежи о своих страданиях в ту пору. Сун Ли-пин, заместитель секретаря парторганизации, на одной из фотографий показывает группе отлично одетых молодых людей сплошь залатанную одежду, которую он, как говорится в подписи под рисунком, носил до освобождения.

Целью политической агитации является прежде всего мобилизация крестьян на самоотверженный, презирающий трудности, более упорный и качественный труд. В Дачжае создание каждого му плодородных террас

обходится в несколько сотен рабочих дней, поскольку и почву, и ограждающие террасу камни надо приносить. Создание всего одного гектара плантации требует нескольких тысяч рабочих дней, и дней очень тяжелой работы. Посмотрим страницы альбома: по снежной пустынной местности идут мужчины, по двое они несут большие камни, привязанные к жерди, которая лежит у них на плечах. Скалы разбивают кирками. Мужчина в снежную бурю поднимает кусок скалы, палящая все силы. Запечатлена длинная цепочка женщин, несущих землю в плетеных корзинах, которые висят на палке, как на коромысле. Руководящие кадры тоже участвуют в физическом труде: в соответствии с действующей по всей стране системой более ста дней в году они работают на полях. Много фотографий показывают, что они занимаются самой тяжелой физической работой практически голыми руками. Поскольку во время «культурной революции» один из лозунгов призывал всю страну учиться у Народно-освободительной армии, на фотографиях кое-где видны и солдаты, участвующие в преобразовании природы и изучающие вместе с крестьянами произведения председателя Мао.

Обращает на себя внимание и текст, сопровождающий фотографии. На одной из них в перерыве после тяжелой работы изображен Чэнь Юн-гуй, широко улыбающийся, среди улыбающихся крестьян. Подпись гласит, что он рассказывает о Юй Гуне и говорит следующее:

«Как ни велики горы, как ни глубоки овраги, это все же неживые вещи. А люди живут, у них сильные руки. Если мы преобразуем овраг, будет на один овраг меньше. Если мы преобразуем склон холма в плодородную террасу, на один склон меньше будет число бесполезных склонов. Если мы не можем закончить работу за три года, закончим за пять. Если и этого не хватит, будем работать десять лет. Если не закончим ее к концу нашей жизни, ее продолжат дети и внуки».

Следующий ряд фотографий показывает богатый урожай. По официальным данным, до освобождения в Дачжае средний урожай зерновых был 7—8 центнеров с гектара, а теперь — около 70 центнеров.

После того как по всей стране по призыву Мао развернулось движение по усвоению дачжайского метода, в

эту маленькую горную деревню приезжают делегации отовсюду. На одном из снимков видны двенадцать автобусов и шесть грузовиков на главной площади деревни: они доставили сюда людей, прехавших для обмена опытом.

И наконец, на заключительных кадрах видны другие края Китая, где крестьяне также заняты тяжелым трудом с использованием примитивных орудий и преобразуют природу по примеру Дачжайя.

Дачжай, совершенно очевидно, олицетворяет идеал китайского руководства. Это такой «опирающийся на собственные силы», применяющий идеи Мао Цзэ-дуна, работающий упорно и самоотверженно и не принимающий от государства помощи крестьянский коллектив, который покоряет природу (и способствует первичному накоплению капитала в Китае). Но выдвигение этого общекитайского образца было тесно связано и с внутренней борьбой в китайском руководстве. История Дачжайя не может быть упрощена до того, что это самая результативная деревня в стране. Даже на основе опубликованных в китайской печати материалов можно составить ее историю.

Официальная печать прежде всего подчеркивала, что Дачжай всегда был верен идеям Мао Цзэ-дуна. В начале шестидесятых годов, когда по всей стране стали возвращаться к системе распределения доходов, основывавшейся на индивидуальном стимулировании крестьянских семей, и практически отдавали землю в долю, эта небольшая деревня продолжала в духе «великого скачка» мобилизовывать крестьян на строительство террас и системы оросительных каналов. В эти тяжелые годы Дачжай сдавал государству в два раза больше продукции, чем предусматривалось официальной квотой. В 1963 году наводнение разрушило с трудом созданные поля и большую часть деревни. Государство предложило помощь, но крестьяне, вооруженные идеями Мао, отказались от нее, подняли каждый колос залегшей пшеницы и в результате собрали хороший урожай.

ЧЭНЬ И «ДВЕ ЛИНИИ»

Еще во время «культурной революции» сам Чэнь Юн-гуй рассказал на страницах «Жэньминь жибао» о

политической борьбе, которая велась вокруг его бригады. Поскольку население деревни работало по правилам, противоречившим тогдашней политике, и, как он писал, достигло успехов, вышестоящие уездные и провинциальные органы несколько раз проводили там расследование. Дважды они приходили к выводу, (который, по мнению Чэня, был клеветой), что докладываемые бригадой результаты основаны на обмане, что Дачжай обрабатывает больше земли, чем сообщает в отчетах, а также взвешивает влажное зерно, чтобы повысить данные об урожае. В результате одного такого расследования бригада была переведена из передовых в разряд «борющихся с трудностями». В это время, в начале шестидесятых годов, в китайском руководстве уже началась борьба за пересмотр введенной после провала «большого скачка» сельскохозяйственной политики (позднее ответственность за эту политику была возложена на Лю Шао-ци), и Дачжай попал в центр развернувшейся борьбы. Чэнь был избран депутатом во Всекитайское собрание народных представителей и в конце 1964 года поехал в Пекин на сессию ВСНП. Одновременно в ходе расследования деятельности бригады против него были выдвинуты различные обвинения. Чэнь попросил встречи с Мао, который принял его и выслушал рассказ Чэня о том, как вышестоящие органы выступают против бригады, применяющей маоцзэдуновские идеи. После этого премьер-министр Чжоу Энь-лай в своем отчете на сессии ВСНП упомянул Дачжай уже в качестве примера, а через неделю сам Мао призвал всю страну следовать примеру этой бригады. Эта схватка, очевидно, уже предвосхищала период «культурной революции». В результате уездные и провинциальные руководители, скептически смотревшие на достижения горной деревушки, были удалены, а Чэнь вошел в руководство и уезда и провинции.

Конечно, истинные успехи Дачжая ничтожно малы по сравнению с тем, что о них говорится в печати и в лекциях для миллионов приезжающих туда для обмена опытом. (Посетителей водят по полям специальные экскурсоводы.) Наиболее примечательна система распределения доходов, которая олицетворяет нынешний идеал руководства (хотя на практике он применяется по-разному).

До 1960 года здесь применялась система, похожая на метод трудодней, принятый в кооперативах других социалистических стран. В соответствии с ней за различную работу начислялось соответствующее количество баллов. Затем эту систему отвергли и испробовали многие другие методы распределения. Было время, когда в интересах возможно более полного равенства члены бригады по очереди занимались различной работой, но это не привилось, так как иногда на самые тяжелые места попадали самые слабые люди, что приводило к потерям. Пытались сопоставлять производительность членов бригады с достижениями передовиков, однако и такой подход окончился провалом.

Система, которая в конце концов была разработана там и которую теперь с небольшими изменениями применяют почти повсюду в Китае, состоит в том, что крестьяне сами оценивают свою производительность на регулярных собраниях (проводящихся в большинстве мест раз в три-четыре месяца, а иногда и раз в год). Максимальная производительность — 10 баллов в день. Критерием достижений является не только количество и трудность работы, но и сознательность, верность председателю Мао (которая измеряется отношением к работе, то есть самоотверженно работают те, кто верен председателю). Учитывается также, работал ли данный член коммуны в соответствии со своими силами и способностями. Таким образом, разница в доле дохода между стариком, работающим изо всех сил, и молодым и сильным рабочим не столь уж велика. По официальным отчетам, поскольку крестьяне руководствуются маоцзэдуновскими идеями и коллектив обсуждает оценку каждым собственного труда, все в бригаде работают как можно лучше с помощью дневного количества баллов, установленного на данный период, учитывается лишь число рабочих дней каждого члена бригады, что упрощает административную сторону дела.

Следует заметить, что в начале 1972 года эта система стала подвергаться критике в китайской печати.

В отчетах о Дачжае выявляется и другая проблема. В одном из них, например, говорится, что крестьяне хотели использовать больше минеральных удобрений в интересах повышения урожая. Но поскольку Дачжай — это образец «опоры на собственные силы», бригада ре-

шила повысить уровень применения удобрений путем увеличения поголовья скота. Индустриализация также ведется путем опоры на собственные силы. Материалы о бригаде рассказывают, что ее члены построили кузнечную мастерскую, цех по обжигу кирпича, столярную мастерскую и электрическую мельницу, а также подвесную дорогу для транспортировки стройматериалов. Экономическая сторона этих капиталовложений в материалах печати не освещается. Кроме данных о производстве, китайская пресса не публикует никаких конкретных экономических сообщений о доходах образцовой бригады, хотя и писала, что сейчас все семьи уже имеют вклады в сберкассе.

Пример Дачжая оказывает свое влияние в жизни Китая не сам по себе, он передается через конкретную практику множества местных единиц. В каждом уезде, округе, провинции есть своя большая производственная бригада, которая считается передовой в деле равнения на Дачжай и которую показывают как образец для всего крестьянства этой области. Такой метод становится необходимым хотя бы потому, что условия этой бедной горной деревни Северного Китая сильно отличаются от условий плодородной Южно-Китайской равнины, богатой водой и землей. Но «дух Дачжая» является образцом для всей страны. Кроме того, почти все изменения в сельскохозяйственной политике проводятся под лозунгами равнения на Дачжай, только в этом примере на первый план выдвигаются новые черты. Таким образом, газеты не перестают повторять призыв «Учтись у Дачжая!» (Вообще же весь уезд Сиянь, в котором находится эта известная деревня, сейчас стал практически образцовым «уездом дачжайского типа», и, как мы уже знаем, Чэнь Юн-гуй является заместителем председателя уездного ревкома.)

УПОРНАЯ РАБОТА, НЕПРИХОТЛИВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

В начале главы мы цитировали те части дневника Ван Цзэ, которые показали нам, как действует или должен действовать, по мнению пекинских руководителей, пример Лэй Фына. Посмотрим теперь, как дейст-

вует пример деревни, руководимой Чэнь Юн-гуем. В январском номере «Хунци» за 1971 год было напечатано письмо парткома производственной бригады из провинции Шаньдун под заголовком «Широк путь Дачжая».

«У нас многие говорили: «Что касается производства, мы достигли больших успехов, чем Дачжай, земля у нас ровнее. Чему же нам у них учиться?» А другие говорили: «Наша работа хороша и теперь. Зачем же призывать нас к еще более упорной работе?»

Нужно ли и дальше следовать принципу опоры на собственные силы и принципу упорной работы и неприхотливого образа жизни, раз условия улучшаются и урожай становится выше? Надо ли нам учиться у Дачжая? — ставится вопрос в этом письме. «Партийный комитет организовал бедняков и низших середняков на повторное изучение блестящих указаний председателя Мао и героических подвигов дачжайских крестьян, которые преобразовали землю. Мы поняли, что Дачжай — это красное знамя, поднятое председателем Мао для строительства новой, социалистической деревни. Надо ли нам учиться у Дачжая или нет — это вопрос отношения к председателю Мао, это великий вопрос, надо ли продолжать революцию. Бедняки и низшие середняки сказали: «Жители Дачжая стоят на вершине горы Тигровая голова и смотрят на Пекин. В их сердце — судьбы всего мира. Они голыми руками несут дело революции на земле, взрытой оврагами. Условия их деревни хуже, чем у нас, но они полны решимости победить. Наши условия лучше, и мы должны идти вперед, учиться у других применению великих идей опоры на собственные силы и неприхотливого образа жизни». Помня о революционном духе Дачжая и учитывая реальные условия, они резко критиковали чувство самоуспокоенности и мышление лодырей, которые считают, что «не надо учиться, раз условия у нас хорошие» и что «мы не хотим учиться, так как сами не боимся трудностей и усилий...». В том году мы не имели средств на строительство оросительной системы, и широкие массы членов коммуны, сэкономив на продовольствии и одежде и опираясь на собственные усилия, обеспечили оборудование для 12 артезианских колодцев, пробуренных в то время».

Можно цитировать сотни подобных статей из китайской печати. Как видно из них, идет ли речь об отдель-

ном человеке или о коллективе, учение, повторяемое снова и снова, призывает к «упорной работе», «неприхотливой» жизни, «опоре на собственные силы», «служению делу народа», «выполнению указаний революции», «безусловной верности председателю Мао». Цель этого — повысить дисциплинированность народа, его верность руководству и в первую очередь укрепить само государство.

Глава 13 «ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА» НА СЦЕНЕ

В ноябре 1965 года одна шанхайская газета опубликовала статью с критикой пьесы китайского писателя У Ханя «Разжалованье Хай Жуя». Автором ее был член пекинского городского комитета КПК, так что критика, собственно говоря, была направлена против пекинского горкома КПК.

Как выяснилось впоследствии, инициатором этой атаки был, по сути дела, сам Мао Цзэ-дун; и обобщающая редакционная статья трех ведущих китайских органов печати от 1 июля 1971 года, говоря о «культурной революции», называет ее исходным пунктом именно ту самую рецензию. Центральная пресса перепечатала этотopus шанхайского критика Яо Вэнь-юаня, и публикация его, собственно говоря, показывала, что печать находится в руках Мао Цзэ-дуна и его сторонников. Таким образом, они имели все средства, необходимые для «формирования общественного мнения», для разгрома «политической власти», то есть партийного и государственного аппарата, вышедшего из-под контроля Мао, для открытого развертывания борьбы за власть в форме «культурной революции». Вскоре после опубликования статьи был смещен мэр Пекина Пын Чжэнь, что было первым шагом на пути к устранению председателя КНР Лю Шао-ци.

Шанхайский театральный критик Яо Вэнь-юань — в настоящее время член Политбюро ЦК КПК и стоит в иерархии работающих членов руководства где-то на седьмом месте.

Пьеса «Разжалование Хай Жуя», по выдвинутым в то время обвинениям, была зашифрованной драмой, и, хотя в ней разрабатывалась историческая тема, она якобы была направлена против Мао. Все это было бы трудно доказать, ясно одно: вокруг пьесы в Китае развернулась острая политическая борьба, последствия которой означали смену декораций не только на литературной, но и на всей политической сцене. Хотя, конечно, пьеса служила лишь поводом для начала политического наступления.

Таким образом, в китайском обществе и китайской пропаганде литература стоит значительно ближе к политической жизни, чем в любой другой стране, собственно говоря, литература — это составная часть политики. Не в последнюю очередь этим можно объяснить тот факт, что, когда политическая борьба развернулась на фронте культуры, она повлекла за собой серьезные разрушения в литературной, художественной, научной жизни, во всей духовной жизни страны.

В интересах поиска более глубоких причин мы могли бы проанализировать специфику положения китайской интеллигенции. Она традиционно чувствовала призвание к руководству страной (достаточно вспомнить об императорском Китае, где для вступления в чиновническую должность необходимо было сдать экзамен по литературе), что, естественно, противоречит концепции диктатуры пролетариата (и это относится не только к ее нынешнему пекинскому толкованию). Можно также напомнить, что монополия образования в прошлом служила идеологической основой подобных претензий в такой стране, где «азбука» состоит из более трех тысяч иероглифов. Кроме того, требование интеллигенции предоставить ей право на высказывание критических мнений было постоянным вызовом китайскому руководству, его системе управления, организации и мобилизации масс.

А так как нынешние концепции китайского руководства пропизаны идеей о том, что классовая борьба в обществе проявляется как постоянная борьба двух линий внутри партии, положение партийных, коммунистических деятелей литературы и искусства с самого начала

было очень сложным, двусмысленным. В истории духовной надстройки КНР с самого ее основания проходит целый ряд политических выступлений против различных групп и школ, причем нередко они предпринимались под знаком борьбы против «контрреволюционного заговора». Хотя среди людей, ответственных за развитие литературно-художественной жизни Китая, вряд ли можно найти большего догматика, чем Чжоу Ян, бывший руководитель отдела культуры ЦК КПК, во время «культурной революции», когда было начато наступление в целях ликвидации всякой самостоятельной роли интеллигенции, ему в числе первых пришлось уйти со своего поста, и он до сих пор является мишенью для постоянных нападок.

«Великая пролетарская культурная революция», как мы знаем, была политической битвой внутри китайского руководства, но ее последствия, наверное, наиболее глубокие или по крайней мере самые длительные, видны именно на фронте идеологической жизни. Через семь лет после начала «культурной революции» китайская культура все еще только-только начинает становиться на ноги.

УКАЗАНИЯ ЦЗЯН ЦИН

Объяснение, видимо, связано с тем, что в период «культурной революции» линию руководства в культурной жизни олицетворяла Цзян Цин, жена Мао Цзэ-дуна. Все изменения проводились от ее имени, и все пьесы репертуара, который в тот период был сужен до восьми произведений, были созданы (именно созданы, а не написаны, потому что все они были новой инсценировкой уже известных вещей) по ее указаниям. С тех пор уже многие понесли ответственность за левацкие крайности «культурной революции», свой пост потерял даже человек, который на волне этого движения поднялся до поста преемника Мао, — Линь Бяо. Таким образом, можно найти виновного в любом перегибе того периода, кроме ответственных за состояние культурного фронта, — ведь позиции Цзян Цин в китайском руководстве с тех пор формально еще больше укрепились.

В конце 1970 года, когда звезда Линь Бяо еще высоко сияла на пекинском небосводе, была выпущена небольшая книжечка, по формату и обложке похожая на красный цитатник Мао; она называлась «Важнейшие документы великой пролетарской культурной революции». Наряду с некоторыми партийными решениями и речами Линь Бяо в ней был опубликован отчет о том литературно-художественном «форуме»¹, на котором Цзян Цин по поручению Линя обратилась к работникам армейских художественных групп. На этом «форуме», который часто упоминался в годы «культурной революции», Цзян Цин изложила принципы, ставшие затем основной нитью культурной жизни сначала в армии, а потом и по всей стране.

В 1972 году об этом «форуме» больше уже не говорили, исчезла и красная книжечка «важнейших документов», однако и в том году две пекинские оперы снова были выдвинуты в качестве образцов для всей страны и печать по-прежнему подчеркивала, что они поставлены в соответствии с указаниями Цзян Цин. В мае 1972 года совместная статья трех редакций была посвящена 30-й годовщине яньаньских бесед Мао о литературе и искусстве, и, как можно заметить по большинству изложенных в статье принципов, в основе ее были идеи, высказанные на том «форуме».

В отчете о «форуме», опубликованном весной 1966 года, «относительно хорошими» произведениями были названы несколько опер, а также два балета, написанных в музыкальном стиле старинных пекинских опер, но на современную тему. Так что в период «культурной революции» в течение нескольких лет не только на китайской сцене, но и во всей литературной жизни не осталось практически ничего, кроме этих нескольких произведений, возведенных в ранг «образцовых революционных пьес». «Литературная жизнь» сводилась к тому, что эти пьесы переписывались снова и снова и с небольшими изменениями ставились на сцене. Каждый новый вариант сопровождался кампанией восхвалений в прессе, продолжавшейся несколько недель. Само собой разумеется, этот прием был организован и управлялся из

¹ Совещание по вопросам работы в области литературы и искусства в армии, созданное в 1967 году.— *Прим. ред.*

центра, ведь сама публикация пьес превратилась в политический акт из-за того, что переписка их велась под руководством Цзян Цин. (Цзян Цин была когда-то актрисой в Шанхае, но официальная китайская печать не упоминает об этом. В печати ее роль в создании нового стиля пекинской оперы связывается не с ее бывшей профессией, а с тем, что она правильнее всех проводит пролетарскую революционную линию председателя Мао в литературе.) Мы уже видели, к каким последствиям привела критика автора пьесы «Разжалование Хай Жуя» У Ханя, который был членом пекинского горкома КПК. Можно представить себе, каким политическим преступлением была бы статья, которая нашла бы хоть какой-то недостаток в одной из «образцовых революционных пьес».

Пекинская опера продолжает оставаться в центре внимания политического руководства. Практика культурной политики в КНР несколько приблизилась к линии, проводившейся до «культурной революции», но в том, что касается ее целей и концепций, по-прежнему действуют принципы, сформулированные во второй половине шестидесятых годов. Посмотрим, как эта линия отражается в китайской печати.

«ГЕРОИ» ИЛИ «КАРИКАТУРЫ»

В отчете об уже упомянутом «форуме» перечисляются и осуждаются руководящие принципы литературно-художественной жизни, которые применялись до того времени.

«До сих пор, — констатировали участники проведенного под наблюдением Цзян Цин совещания, — на фронте литературы и искусства в нашей стране осуществлялась диктатура вредной, антипартийной и антисоциалистической линии — линии, идущей вразрез с идеями Мао. Эта вредная линия была комбинацией буржуазных и современных ревизионистских принципов литературы и искусства, а также так называемых литературно-художественных принципов тридцатых годов. Типичным выражением этой линии являются такие теории, как «верность действительности в творчестве», «широкий фронт реализма», «углубление реализма», отрицание решаю-

щей роли объекта произведения, «слияние различных направлений в соответствии с духом времен», «средние характеры», боязнь «порохового запаха» и т. д. ... В результате проведения этой линии появилось мало таких хороших или относительно хороших произведений, которые прославляют героев из рабочих, крестьян и солдат, которые служат делу рабочих, крестьян и солдат».

О том, как оценивается использование упомянутых теорий с точки зрения «культурной революции», в отчете о «форуме» говорится следующее:

«В прошлом отдельные произведения искажали исторические факты, сосредоточивались на изображении не правильной, а ошибочной линии; некоторые описывали таких героев, которые всегда нарушали дисциплину, или же создавали героев только для того, чтобы те могли в конце произведения трагически погибнуть; в других произведениях вообще не были показаны героические типы, а изображались лишь «средние типы», которые в действительности были отсталыми типами, карикатурами на рабочих, крестьян и солдат; при изображении врагов некоторые авторы забывали продемонстрировать их классовую природу угнетателей и эксплуататоров и даже превозносили их; другие авторы занимались только любовью и романсами, обслуживая мещанские вкусы и утверждая, будто любовь и смерть — это вечные темы. Необходимо решительно выступить против этого буржуазного и ревизионистского мусора».

Как мы знаем, это наступление вскоре началось. С одной стороны, были попросту запрещены все литературные произведения, будь то новые или старые, за исключением нескольких пьес. С другой стороны, текст и сам сюжет оставшихся в репертуаре произведений были в корне переработаны.

Эти «образцовые революционные пьесы» можно разделить на две части. Действие одних пьес происходит до освобождения, во время войны против Японии или гоминьдана. Пьесы другой группы рассказывают о периоде после победы народной власти. Ко второй группе относятся всего две пьесы: «Морской порт» и «Ода о реке Луныцзян». Однако все «образцовые пьесы» имеют одну общую черту — их действие происходит в последние три с половиной десятилетия, то есть в период, когда во главе КПК стоял Мао Цзэ-дун, и все положительные герои

этих пьес прославляют председателя. Это самая важная часть их идейного содержания.

Что касается пьес о периоде до освобождения, все их герои (или героини) — это коммунисты, солдаты Народно-освободительной армии (необязательно с самого начала; есть герои, которые получают винтовку только в последней картине, но такое происходит лишь в одном балете). Все пьесы заканчиваются победой над врагом и огромным народным праздником. Враг, будь то японцы или гоминьдановцы, во всех пьесах исключительно зол, беспощаден и одновременно жалок, глуп, труслив и играет до смешного подчиненную роль по сравнению с положительным героем. Главным героем обеих пьес о жизни после освобождения является женщина, секретарь партийной организации, которая убеждает колеблющихся в правоте указаний партии и разоблачает (в обеих пьесах) скрытого контрреволюционера. Эти образцовые спектакли также заканчиваются праздником и ликованием народа. (Женщины-героини играют большую роль в этих пьесах, созданных под руководством Цзян Цин, однако тема любви не появляется ни в одной из них.)

ОБРАЗЦОВАЯ МЕТАМОРФОЗА ЯН КУ-ЖУНА

Одна из пьес, которая ставилась чаще всего и получила самые горячие похвалы, рассказывает о партизане-разведчике Ян Ку-жуне. Он переоделся в бандита и пробрался в цитадель разбойников, заключивших союз с гоминьданом. Там он похитил план расположения бандитских укреплений, напоил врага и привел свою часть к победе при горе Вэйхушань. Пьеса так и называется: «Взятие горы Вэйхушань».

Эту пьесу Цзян Цин впервые увидела в 1963 году, а затем под ее руководством пьеса была переписана в соответствии с «пролетарской революционной линией председателя Мао». Занимавшийся переработкой пьесы авторский коллектив (авторов не бывает) позднее отчитался о своей работе в пространной статье, которая была опубликована осенью 1969 года в «Хунци», а затем перепечатана в 1971 году в брошюре, изданной в Пекине.

В брошюре были собраны в один букет статьи, восхваляющие эту образцовую оперу, и называлась она «Чтобы найти действительно великих и благородных героев, их надо искать сейчас и здесь».

Прочитируем несколько отрывков из опубликованной в 1969 году статьи для того, чтобы дать читателю почувствовать дух современной китайской оперы.

«В новой постановке мы выбрали для характеристики действующих лиц новый путь, резко отличающийся от первоначального либретто. Ничтожная группа представителей буржуазии, преследуя свои реакционные политические цели (в прошлом), сделала все, чтобы очернить Ян Ку-жуна. Прикрываясь теорией «верности действительности», они бесстыдно лезли из кожи вон, чтобы выдвинуть на первый план «удаль и неудержимую твердость» Яна, то есть то, что он «похож на бандита». Поэтому в их старом тексте Ян Ку-жун напеваает непристойные песенки по дороге к гнезду разбойников, флиртует с приемной дочерью вожака бандитов и рассказывает пакостные истории разбойникам. Таким образом, они превратили Ян Ку-жуна в неприличного и отчаянного авантюриста с путаными мыслями, который с ног до головы провонял бандитским запахом. Такой характер может быть только примером путчистской, авантюристической, милитаристской линии Лю Шао-ци».

Авторский коллектив коренным образом изменил речь и поведение разведчика. Например:

«Хотя в первоначальном тексте рассказывалось, как Ян Ку-жун пробрался в бандитскую цитадель, там не был показан духовный фон его действий. Однако такой фон исключительно важен для героя-разведчика, коммуниста, вооруженного идеями Мао Цзэ-дуна. Поэтому в соответствии с указаниями товарища Цзян Цин в четвертой картине, где он добровольно вызывается выполнить эту задачу, мы добавили целый цикл песен... Эти арии выражают сознательность Яна и его решимость осуществить стратегическую и тактическую линию председателя Мао; они раскрывают его высокую пролетарскую политическую сознательность, твердую решимость и готовность к бою: «Пламя в моем красном сердце закаляет острый клинок, который убьет врага» и «Я знаю, меня ждет опасность, но я решительно иду вперед...» Все это дает его роли глубокое идеологическое

содержание. Тут видно, что Ян Ку-жун представляет многие миллионы рабочих, крестьян и солдат, которые воспитаны на идеях Мао Цзэ-дуна и закалились в революционных войнах. Если бы мы не выделили высокую политическую сознательность Ян Ку-жуна, являющуюся результатом того, что он вооружен идеями Мао Цзэ-дуна, зрители не смогли бы понять, какие идеи ведут его в осиное гнездо бандитов, зритель волновался бы из-за него и сомневался бы в успехе его миссии».

Как мы видим, зрителю не дано даже поболеть за положительного героя. Публике сразу дают понять, что подобный герой может только побеждать. В то же время такая характеристика действующих лиц в определенной степени продолжает традиции старой пекинской оперы в новых формах. На традиционной сцене на лице каждого героя было написано, вернее, накрашено, что он за характер. Лица злых людей красились в белый цвет, а добрых — в красный и т. д. В новой пекинской опере декорации сделаны вполне натуралистично, а действующие лица, костюмы которых и без того дают вполне определенную характеристику, сами рассказывают о себе: мы герои, вооруженные идеями Мао.

«Нет смысла повторять, — продолжают авторы нового варианта, — что старое либретто изображало Ян Ку-жуна не как героя, вооруженного идеями Мао Цзэ-дуна, более того, в том либретто даже не упоминались идеи Мао Цзэ-дуна. Но ведь идеи Мао Цзэ-дуна живут в сердцах всех героев маоцзэдуновской эпохи. Если мы забудем о необходимости выделить политическое сознание героя, то есть основную черту его характера, то создание образа пролетарского героя будет пустой болтовней. Поэтому мы полностью изменили восьмую картину и написали для Ян Ку-жуна главную арию, ставшую центром всей картины. Ян поет об «утрепнем солнце в его сердце» и тем самым выражает свою верность делу партии и народа, показывая, что источник всего его ума и сил — в идеях Мао Цзэ-дуна. Без идей Мао Цзэ-дуна Ян Ку-жун был бы всего-навсего болваном, вульгарным и жалким авантюристом на сцене».

Сам язык здесь отражает дух высшей точки «культурной революции», в 1971—1972 годах такие тексты

появлялись уже довольно редко, однако это связано только с изменением терминологии, но не содержания.

КОРШУН, КОНТРАСТ ДЛЯ ГЕРОЯ

Рассмотрим теперь других действующих лиц:

«Отрицательные герои должны использоваться как контраст по отношению к главному герою. Как говорит председатель Мао: «Отрицательные герои должны служить контрастом для главного героя, чтобы повысить сияние общей картины». Контраст играет подчиненную роль. Вопрос о том, кто ставит другого в подчиненное положение, — это вопрос, чья диктатура осуществляется на сцене, какой класс господствует на сцене. На социалистической сцене всегда должны господствовать пролетарские герои, а отрицательные герои должны служить только в качестве контраста... Другими словами, если отрицательным героям будет придаваться такое же значение, как и положительным, если они получают громкую или преобладающую роль, в результате история будет поставлена на голову, а на сцене будет осуществляться диктатура призраков и химер».

В качестве примера в статье приводится картина, когда Ян впервые попадает в пещеру бандитов (переодевшись в бандита) и передает секретную карту их вожаку, Коршуну.

«В первоначальном тексте Коршун был господином среди всех, а Ян оказался в пассивном положении и бежал за Коршуном, будто он подчинен вожаку. Мы теперь поставили на ноги перевернутую на голову историю... Когда Ян Ку-жун входит, он идет торжественно, как победитель, в сопровождении боевой музыки, все время он занимает середину сцены. С помощью музыки и танца мы изображаем Яна таким героем, который с самого начала до конца сохраняет инициативу в отношениях с Коршуном, он водит его за нос во всей сцене. Когда Ян Ку-жун передает вожаку секретную карту, он стоит выше всех, а Коршун и другие разбойники подходят к нему униженно, подметая землю лапами своих шинелей».

Это очень наглядное описание, только не надо забывать, что ситуация-то тут другая. Бандиты не знают Яна, он один, он находится в их власти и должен доказать, что он тоже бандит. Коршуну вовсе не нужно низко склоняться перед совершенно неизвестным человеком.

Эта переделка явно вызвала споры, потому что статья продолжается так:

«Такое изменение этой картины разгромило высокомерие буржуазии и укрепило мораль пролетариата. Революционные массы рады таким изменениям. Они говорят: «Это так! Это совершенно изменило всю оперу. Это сделано правильно!» Однако современные ревизионисты ненавидят такие изменения и дрожат перед их лицом, они очень опечалены. Они истерично обвиняют нас в том, что мы полностью отказались от учета «законов жизни и законов сцены». Ну так что же это за «законы жизни»? Каковы «законы сцены»? Коротко говоря, под законами жизни они понимают законы реставрации капитализма, а под «сценическими правилами» — «правила» того, как протащить на сцену контрреволюционную диктатуру буржуазии. Откровенно говоря, мы ископеем такие законы и правила. То, что мы разгромили «сценические правила», которые раньше были основой для чванства господствующих классов, в действительности было грандиозной победой пролетарской революции в литературе и искусстве...»

АБСОЛЮТНЫЙ ХЕППИ ЭНД¹

«Взятие горы Вэйхушань» в течение нескольких лет чаще всего ставилось на сцене, был снят фильм, по радио изо дня в день читались отрывки либретто; эту пьесу почти каждую неделю показывали по телевидению. Но в начале 1972 года две другие пьесы — «Морской порт» и «Ода о реке Луцззяп» — затмили даже звезду Ян Ку-жуна.

Секретари парторганизаций, стоящие в центре этих пьес, — тоже безупречные герои, причем особую актуальность придает им то, что они «идут по правильному пути» в повседневном и современном конфликте. Этот

¹ Счастливый копец (англ.). — Прим. ред.

конфликт, правда, в том виде, как он показан в пьесе о производственной бригаде «Луньцзян», в действительности вполне банален. Он подан так, что ни в ком не возникает ни малейшего сомнения относительно того, как следует действовать. Сюжет пьесы таков. Производственная бригада, работающая на берегу реки Луньцзян, рассчитывает на богатый урожай на площади в 300 му (20 га), однако на соседних полях существует угроза засухи. Воды реки можно провести на засушливые поля только через участок бригады, на котором ожидается большой урожай. Если это удастся, то будет спасен урожай на 90 тысячах му (6 тысяч га). Естественно, раз пропорция конфликта между общественными и групповыми интересами 300 : 1, не может быть сомнений в том, как следует действовать в этих условиях. В пьесе, однако, вокруг этого вопроса все время идет «упорная классовая борьба». В конце ее не только «колеблющийся» бригадир встает на сторону правильного дела, а массы самоотверженно трудятся над отводом воды, но разоблачен и скрытый «классовый враг», а «крестьянин-середняк», то есть бывший середняк, думающий лишь о собственных интересах, с ужасом понимает, что его приятель, скрытый контрреволюционер, в действительности был страшным гоминьдановским убийцей.

В заключительной картине бригада «Луньцзян» хочет сама выплатить сельскохозяйственный налог вместо других бригад, получивших богатый урожай (конечно, к этому времени бригада уже была освобождена от выплаты налога). Хотя ее поля были залиты водой, бригада, напрягая все силы, тоже добилась хорошего урожая. А руководитель закупочного пункта должен решить сложную проблему: чье зерно принять.

Теперь приведем эту идиллическую картину из либретто, публиковавшегося во всех китайских газетах. Когда выяснилось, что остальные бригады хотели лишь отблагодарить бригаду «Луньцзян» за принесенную жертву, а она в свою очередь тоже хочет сдать зерно (от чего она вообще-то освобождена), руководитель закупочного пункта говорит:

«Руководитель: Везите свое зерно обратно.

Все: Мы привезли зерно, обратно уж не повезем.

Сю Ин (секретарь парторганизации): Товарищ.

(Поет.)

Не отказывайтесь от нашего зерна.

Примите то, что мы привезли.

Члены коммуны (*поют*): Зерно здесь, примите его!

Сю Ин (*поет, обращаясь ко всем*): Ведь государство же покупает зерно, сданное другими.

Члены коммуны: Правильно, правильно! (*Поют.*)

У нас есть излишки, идеи великолепны!

Сю Ин (*поет, обращаясь к руководителю закупочного пункта*):

Вот еще зерно вдобавок к государственным запасам.

Руководитель пункта: Это действительно хорошо.

Все: Так примите все зерно! (*Выходят вперед со своими корзинами.*)

Руководитель пункта: Подождите. Вы уверены, что у вас осталось достаточно зерна для питания?

Все: Больше чем достаточно.

Руководитель пункта: Хватает ли зерна для посевов и для корма скоту?

Все: В избытке.

Руководитель пункта: А резервы зерна?

Все: Это уже отложено.

Руководитель пункта: Ну хорошо, тогда я покупаю у вас зерно. Вы поступили образцово, как коммунисты.

Мать (*старая крестьянка, которая помогла разоблачить контрреволюционера*): Мы должны учиться у бригады «Луньцзян». Если бы мы не получили воды из реки Луньцзян, мы никогда не добились бы такого высокого урожая. Ни золотая вода, ни серебряная вода, ни сладкая вода росы не сравнятся с водой из реки Луньцзян, которую нам дали так по-коммунистически.

Сю Ин: Как ни широка река, как ни огромны море, земля и небо, они не так велики, как забота председателя Мао о народе. Товарищи, мы смогли преодолеть самую ужасную засуху века только потому, что опирались на твердое руководство партии и непобедимых маоцзэдуновских идей.

Все (*поют*): Приветствуем дух коммунизма,

Бесподобный запах цветов коллективизма,

Приветствуем председателя Мао, нашего великого вождя,

И партию, которая определяет линию.

Сю Ин (*поет*): Мы будем вести революцию вечно!

Все (*поют*): И вечно будем решительно идти вперед!

(Блнстающее солнце разбрасывает тысячи лучей. Сю Ин вместе с членами ее бригады поднимает том произведений председателя Мао. Все встают в героическую позу)».

На этом опера кончается. Как мы видели, сцену заполняют поистине идеальные с точки зрения государственного руководства крестьяне. Во-первых, несмотря на засуху, они благодаря упорству и выдержке в труде собрали богатый урожай. Во-вторых, хороший урожай собран даже той бригадой, земли которой были залиты водой, причем бригада вносит налог, хотя ее и освободили от него. В третьих, члены бригады продают государству излишки зерна по закупочной цене, хотя они могли бы оставить это зерно себе. В-четвертых, все бескорыстны, благодарны, все хотят отплатить бригаде за помощь. При этом у всех осталось достаточно зерна для еды, для посева, для корма скоту. Все правильно понимают незаменимость маоцзэдуновских идей и, разоблачив контрреволюционера, полны решимости вечно вести «революцию». Таков хеппи энд современной пекинской оперы.

ОДА К ОДЕ

Посмотрим теперь, как оценивалось это новое «образцовое произведение» в марте 1972 года в «Хунци». (Впрочем, как мы уже знаем, произведение не так уж и ново: пьеса была впервые поставлена в начале шестидесятых годов, хотя и не совсем в такой форме, без непосредственного переписывания лозунгов руководства и статей из прессы.)

«...«Ода о реке Луньцзян» обогащает нас очень важным опытом, как следует отражать истинную борьбу в социалистической революции и социалистическом строительстве, как следует показывать героев из рабочих, крестьян и солдат, которые продолжают революцию в период диктатуры пролетариата».

Что касается идейного содержания, то автор статьи Вэй Цин заявляет:

«Равнение на узкие групповые интересы, которое в опере противопоставлено коммунистическому духу, только на первый взгляд отличается от открытого индивидуализма, так как оно прикрывается ярлыком «общих

интересов». В действительности же это форма проявления частнособственнического мышления, поскольку здесь находит отражение забота лишь о небольшом коллективе в ущерб большому коллективу. Это несовместимо с социалистической идеологией, которая исходит из интересов всей партии и всего народа страны».

Чтобы показать, насколько тесно связана эта аргументация с протекавшей тогда политической кампанией, направленной на ограничение типичных для периода «культурной революции» стремлений к местной самостоятельности и на восстановление централизованной государственной дисциплины, приведем другую цитату из статьи «Хунци» в апреле того же года. Без всякого упоминания об опере в этой статье, в частности, говорится:

«Когда общий интерес требует ущемления личных и местных интересов, хороший член партии не ведет себя двусмысленно или неуверенно... Лица, которые способны думать только о своем городе или селе и не в состоянии учитывать заботы всей страны и братских ячеек, совершенно лишены благородного коммунистического духа. Они думают лишь о трудностях своей ячейки и не обращают внимания на трудности других городов и сел, других ячеек, всего народа, а это может только нанести ущерб общему делу. Эти лица всегда говорят о «массах», но на деле нарушают элементарные интересы народа. Кажется, что они преследуют не личные интересы, но в действительности их поведение равнозначно самому узкому индивидуализму».

Героиня оперы Цзян Сю-ин, по официальной характеристике, олицетворяет «отличные качества передового пролетарского бойца». Она обладает глубоко революционным духом и проявляет полную преданность идеалам коммунизма. На своем посту в бригаде «Луньцзян» она учитывает возвышенные цели эмансипации всего человечества. Она первой бросается в воду для того, чтобы преградить путь воде, когда надо закрыть плотину. Несмотря на болезнь, она упорно работает днем и ночью на рисовых полях. (Вообще восхваление людей, которые работают, не обращая внимания на болезнь и советы врачей,— это постоянная тема китайской печати.— *Прим. авт.*) Все это показывает, что героиня — это

непоколебимый революционер, «который не боится ни испытаний, ни смерти».

Так что Цзян Сю-ин мало в чем отличается от Ян Ку-жуна, хотя и вышла на сцену времен «культурной революции» много позже, чем этот партизан-разведчик.

ФИЛОСОФИЯ И АРАХИС

В конце 1971 — начале 1972 годов на сцене шли уже не только созданные в централизованном порядке образцовые оперы, но и довольно много вдохновленных этими «образцовыми произведениями» местных, провинциальных опер, пьес, инсценировок.

Однако дух новых «творений» мало отличается от «образцов». Ниже мы коротко излагаем по майскому (1972 года) номеру журнала «Чайна пикториэл» пьесу «Полкорзины арахиса», которая была поставлена в оперном театре города Шаосин провинции Чжэцзян.

«Сяо-хуа, школьница из горной деревни, совершила хороший поступок в интересах коллектива, собрав полкорзины арахиса на поле, с которого недавно был убран урожай. Она отнесла арахис в контору звена, но кладовщика не было на месте, так что ей пришлось оставить арахис дома. Потом она снова ушла из дома.

Мать Сяо-хуа подумала, что арахис собрали для семьи, и принялась готовить его для обеда. Отец Сяо-хуа — крестьянин-бедняк, который любит коллектив и изучает философские произведения председателя Мао. Он возвратился с работы и увидел арахис, это показалось ему подозрительным. Как же такие крупные орехи оставили в земле? Он сразу же отправился, чтобы выяснить это дело. Он обнаруживает, что орехи были сознательно оставлены там зажиточным середняком Ван Ю-каем, в котором живы еще капиталистические тенденции. (Тут надо заметить, что все в пьесе — члены коммуны, никто не работает на собственной земле, так что лишь Ван был когда-то зажиточным середняком. — *Прим. авт.*) Ван послал своего сына, чтобы тот собрал орехи, оставленные им в земле для семьи, а чтобы скрыть свой эгоизм, он приказал ему идти вместе с Сяо-хуа.

Отец Сяо-хуа разоблачает и критикует бесчестное поведение Вана, с помощью которого тот пытался получить выгоду в ущерб коллективу, — пишет далее «Чайна пикториэл». — Все члены звена стремятся применять философскую мудрость председателя Мао для анализа вскрытого тут противоречия между общественными и личными интересами. Вся семья, и особенно мать, делают для себя соответствующие выводы из этого инцидента. Мать, повысив свою сознательность, с радостью отдает полкорзины арахиса коллективу».

Если мы теперь вспомним, как Цзао Цзинь-хуа революционизировал свою семью с помощью философского учения председателя Мао, то увидим, что между статьями «Жэньминь жибао» и новыми сценическими произведениями большой разницы действительно нет.

Неизменным остался не только дух пьес. Посмотрим, например, как формулировались задачи «пролетарской литературы и искусства» в совместной статье трех редакций 23 мая 1972 года. Эта статья была напечатана в связи с 30-летием публикации «яньаньских бесед» Мао Цзэ-дуна о литературе и искусстве:

«Пролетарская литература и искусство составляют часть всего революционного механизма. Партийные организации на всех уровнях должны оценивать этот вопрос с возвышенных позиций революционной линии председателя Мао и укрепления диктатуры пролетариата и, следовательно, должны обращать соответствующее внимание на укрепление руководящей роли партии в этой области».

«Прежде всего надо взять в свои руки линию и курс, надо придерживаться принципов, говорящих, что литература и искусство должны служить делу рабочих, крестьян и солдат, пролетарской политике. Надо нанести поражение всем попыткам вмешательства как справа, так и слева, вести активную борьбу, чтобы исключить и ликвидировать остатки влияния Лю Шао-ци и других политических мошенников на идеологическом и культурном фронте».

«Партийные организации должны обращать особое внимание на идеологическую перестройку писателей и художников».

Правда, эта же статья наряду с призывом к «использованию опыта, полученного при создании образ-

цовых революционных пьес», говорит о необходимости «иметь храбрость... и прокладывать новые, социалистические пути», о том, что «следует позволять людям ошибаться и предоставлять им возможность исправить свои ошибки». Но ведь почти такие же фразы были высказаны и на упомянутом уже армейском литературно-художественном «форуме» в феврале 1966 года. В практической политике действительно произошли некоторые изменения, но лозунги и первоочередные принципы все еще отражают дух «культурной революции». Так, крупнейший из живущих ныне китайских писателей Го Мо-жо получил возможность опубликовать книгу о дружбе двух классических китайских поэтов Ду Фу и Ли Бо, которую он написал, живя в уединении, в годы бурь «культурной революции». Однако газета «Жэньминь жибао» ни словом не упомянула об этом действительно крупном событии в литературной жизни, несмотря на то, что Го, объявивший в начале «культурной революции» свои всемирно известные произведения «с точки зрения современных мерок» достойными огня, сохранил все свои посты в общественной жизни и остался одним из немногих ведущих китайских интеллигентов, которые все еще играют какую-то роль в Китае.

**«ИЗОБРАЖЕНИЕ
ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПРОТИВОРЕЧИТ ИДЕЕ
КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ»**

В то время как журнал «Китайская литература», выходящий только на иностранных языках, в апреле 1972 года опубликовал отрывок из книги Го Мо-жо (который ни разу не упоминает председателя Мао и его учение), другие органы печати выступали по-прежнему.

«Пекин ревью» — где обыкновенно помещаются авторитетные статьи, — то есть орган, который выполняет функцию официального вестника на иностранных языках, в номере от 9 июня 1972 года поместил статью о том, как проходит борьба «между теориями классовой борьбы и «человеческой природы» в литературе и искусстве». Подобные «теоретические статьи», ставшие очень частыми в период «культурной революции», обык-

повенно злобно бичуют многие теории, представители которых уже давно не имеют возможности выйти к широкой аудитории, нападают на пьесы, которые уже давно не ставятся, на фильмы, которые давно сняты с экрана, на романы, которые невозможно купить (и получить в библиотеке, потому что последние в течение долгих лет были закрыты).

Статья в «Пекин ревью» ведет спор прежде всего с «ревизионистами». Как их преступление в статье упоминается, что, по их мнению, типичный образ — это «прежде всего человек», «имеющий общие со всем человечеством черты», и что, лишь обращая основное внимание на эти общие чувства, можно изобразить «правильных, хороших людей с истинно человеческой природой». Автор статьи резко отвергает такой подход. «Возьмем, например, «любовь», — пишет он, ставя это слово в кавычки, — люди, относящиеся к разным классам, любят разные вещи, так как их мысли и чувства различны». С другой стороны, пишет автор, «ревизионисты» приводят свои доводы, будто «человеческие чувства противоречивы и у плохих людей иногда бывают хорошие стороны характера», в то же время на героев из рабочих, крестьян и солдат «также действуют отсталые идеи». Эта теория, по выводу автора, «в действительности служит приукрашиванию помещиков и капиталистов и принижению рабочих, крестьян и солдат».

Литературно-художественная жизнь Китая в 1972 году по-прежнему определяется той же линией, которая демонстрируется словами упомянутой статьи в «Пекин ревью».

«Исторический опыт говорит нам, что теория человеческой природы очень вредна, вводит в заблуждение, а ее влияние широко распространено и оно глубоко». (Несмотря на то, что из духовной жизни страны вот уже полдесятилетия удалено все, хотя бы отдаленно напоминающее о ней. — *Прим. авт.*) «Люди, трудящиеся на поприще литературы и искусства, могут добиться успехов в изображении типичных пролетарских героев только на пути самого радикального разрыва с буржуазным мировоззрением и подходом, только так они могут сделать нашу литературу и искусство по сути своей иными, чем искусство помещичьих и капиталистиче-

ских классов, отличающимися от ревизионистских трудов, которые только для вида занимаются темой революционных боев, а на деле проповедуют человеческую природу капиталистов и помещиков».

Следовательно, «человеческая природа» по-прежнему остается категорией, отвергаемой в литературной и художественной жизни Китая. Душа человека пока еще не является темой для китайских инженеров человеческих душ.

Глава 14 ОТ КАМПАНИИ К КАМПАНИИ

Одна из наиболее характерных черт стиля китайского политического руководства — это постоянно повторяющиеся кампании, и эта черта нагляднее всего проявляется именно в прессе. Содержание газет и журналов всегда определяется прежде всего протекающим в данное время движением, изложением задач, которые руководством признаются особо актуальными. Все факты жизни преломляются в призме кампаний.

Эта важная особенность китайской системы информации и пропаганды была показана читателю в предыдущих главах. Как уже говорилось, с конца 1970 года в Китае была начата постоянная кампания по изучению и применению «философии». В ходе ее все, начиная с осадки почвы до боевой подготовки военных частей, связывалось с различными философскими положениями. В начале 1970 года по всей стране прошла кампания в интересах того, чтобы повсюду, на каждом заводе, в народной коммуне, воинской части, один час в день посвящался изучению произведений Мао Цзэдуна. Тогда сотни статей объясняли, почему это необходимо и как следует организовывать каждодневный часовой семинар в соответствии с местными возможностями, например, на селе, а также рассказывали, насколько постоянное перелистывание произведений председателя способствует успешному разрешению любых проблем.

ДИЛЕММА ГАНЬБУ

Как явствует из вышеизложенного, китайская печать и весь информационный аппарат занимаются чаще всего проблемами, поставленными в неестественные

взаимосвязи, и одновременно отражают задачи беспрерывно протекающих движений, имеющих целью постоянное воспитание населения, его мобилизацию, повышение дисциплины и лояльности по отношению к руководству.

Статьи адресуются, по сути дела, главным образом, кадровым работникам — ганьбу. Образцы для поведения выбираются из их круга; они подвергаются критике, и объяснения, как следует достигать цели какого-либо движения, обращены прежде всего к ним.

Ганьбу — это специфически китайская категория. В Китае считаются кадрами все, кто занимает любой пост в различных областях жизни, кто ответствен за дела большого или маленького коллектива. Кадровыми работниками считаются руководители и счетовод звена в народной коммуне, служащий уездного ревкома, партийные работники всех уровней, то есть, собственно говоря, все, кто играет какую-то политическую руководящую роль вне зависимости от того, идет ли речь о маленькой группе или о самом высоком уровне. Ганьбу выполняют официальную политику, но, как уже говорилось, печать и все директивы высшего руководства передают им эту официальную политику вовсе не прямо и не однозначно. И если изменяется политика, то за совершенные ошибки, за якобы неправильное толкование генеральной линии ответственность несут ганьбу. Сегодняшняя кампания завтра может оказаться ошибочной, и тогда роль козла отпущения опять играют ганьбу. Привлечение их к ответственности может принимать разные формы: от увольнения и унижений до угрозы самому физическому существованию людей (как во времена подъема «культурной революции»), до «революционной массовой критики» и, естественно, самокритики.

Следовательно, первым адресатом статей китайской прессы является ганьбу, руководитель, вернее, местный руководитель. Это тот самый человек, который должен проводить в жизнь вновь и вновь изменяющуюся линию, от него зависит успех политики. Даже в самой китайской печати можно найти довольно много публикаций о том, какие сложные проблемы встают в связи

с выполненнем постоянно изменяющихся указаний, с неизменной лояльностью к ним.

«Жэньминь жибао» в номере от 18 сентября 1972 года поместила статью ревкома народной коммуны «Жэньло» (уезд Гаохо провинции Гуандун), в которой говорилось о кризисе, вызванном среди руководителей коммуны поворотом в сельскохозяйственной политике. Удивительно уже то, что статья рассказывает о самом новом изменении политики в области сельского хозяйства. Обычно проходят годы, прежде чем китайская печать направляет огонь на «ошибки прошлого», а здесь статья сразу же начинается с ошибок, которые совершались «до и после 1970 года». Посмотрим же эту статью.

«До и после 1970 года мы под влиянием формально «левой», а по сути правой контрреволюционной ревизионистской линии мошенников типа Лю Шао-цзи не были способны провести ясное различие между некоторыми политическими направлениями, поэтому одно время мы считали ошибочной и осуждали оплату труда в соответствии с выработкой. В то время отдельные члены коммуны не соглашались с нашей точкой зрения, а мы считали, что их протесты — это намеренный вызов нам. Многие из нас думали, что сдельная оплата труда — это одна из форм проявления «десяти больших зол», и ратовали за применение только демократической оценки труда и демократического определения количества трудодней, а сдельная оплата, мол, не должна допускаться».

«Демократическая оценка труда» — это не что иное, как уже излагавшаяся в нашей книге система распределения доходов, разработанная дачжайскими крестьянами и пропагандировавшаяся по всей стране в течение нескольких лет. «Сдельная» же оплата — это то же, что и один из вариантов известной в социалистических странах системы трудодней. Но на той же полосе, где была помещена статья членов этой коммуны из Гуандуна, газета в нескольких других статьях провозглашала лозунг «Учиться у Дачжая». То есть образец остался, но принуждение к использованию образцовых методов работы теперь уже считается проявлением «контрреволюционного ревизионизма».

Заслуживает внимания упоминание о том, что у метода, который теперь объявлен ошибочным, с самого начала были противники, однако руководители коммуны (явно по указанию из центра) осудили этих людей и даже заклеили их в такой форме (как проявление «десяти больших зол»), что это не так далеко от политических обвинений.

«Несколько позднее, — продолжает ревкомовская статья, — мы пошли работать в производственную бригаду «Хэчуань» (в соответствии с системой обязательной физической работы для руководителей. — *Прим. авт.*) и обнаружили, что эта бригада тайно использует систему сдельной оплаты труда».

Это красноречивое признание: ведь так, вопреки указаниям руководства, поступает целая производственная бригада (по размеру она соответствует примерно среднему венгерскому кооперативу и работает в условиях хозрасчета).

«Это был большой урок для нас. Почему на низшем уровне не проводилась демократическая оценка труда? Мы снова изучили произведения Мао и политику партии и поняли причины этого. Проблемы были не в массах, а в нас, зараженных «левой» по форме, но правой по существу контрреволюционной ревизионистской линией, которую проповедовали мошенники типа Лю Шао-ци. Принцип, в соответствии с которым каждый должен получать плату по труду, мы спутали с идеей «важнее всего трудодень». (А это, по нынешним обвинениям, провозглашалось самим Лю Шао-ци.)

Это довольно редкое явление для китайской печати — ведь тут хвалят людей, втайне саботировавших указания центра. В большинстве случаев такие примеры приводятся для демонстраций как раз обратного: что классовый враг попытался воспрепятствовать проведению политики партии, но был разоблачен. Но тут политика «наверху» изменилась, и вдруг выяснилось, что тихая акция местных руководителей оказалась выражением правильного поведения масс. В результате во всей коммуне была пересмотрена система распределения доходов.

И здесь идет самая интересная часть статьи:

«Но ведь мы до сих пор все время критиковали сдельную оплату. Что же делать теперь? Не ударим ли

мы сами по себе, вновь введя сдельную оплату труда? Не будет ли это дискредитацией нас в глазах народа? Мы совсем запутались».

Такое признание в китайской печати абсолютно уникально, хотя сам случай не только не исключителен, но вполне типичен. Конечно, решение проблем, как всегда, заключено в изучении произведений председателя Мао. Руководители коммуны рассказывают, что в результате они пришли к выводу: раз они допустили ошибку, ее надо решительно исправить. «В соответствии с этим выводом ответственный товарищ коммуны выступил с самокритикой, ясно начертал линию проведения политики и активно способствовал введению системы сдельной оплаты труда».

Тут нет смысла особо подчеркивать, что руководство в центре, которое давало неправильные указания, с самокритикой не выступало. Так что ответственность принял на себя местный кадровый работник на уровне коммуны. Правда, в масштабах всей страны эти изменения были отмечены падением «мошенника типа Лю Шаоци», то есть Линь Бяо. Конечно, мало кто знает, была ли эта «по форме левая», но по существу правая, контрреволюционная ревизионистская линия» в сельском хозяйстве действительно политикой Линь Бяо или же он играет здесь только роль козла отпущения.

Прочитав эту статью «Жэньминь жибао», мы уже не удивляемся, что в китайской печати довольно часто можно встретиться с осуждением взглядов, по которым «опасно быть кадровым работником» и «у кадровых работников нет будущего». Эта проблема, постоянно проявляющаяся в Китае, со времени «культурной революции» особенно обострилась. Ведь, с одной стороны, атака в те годы была прямо направлена против старого партийного и государственного аппарата, а с другой стороны, руководство в центре не может действовать без лояльности кадровых работников на местах. В Китае кадровые работники призваны выполнять очень сложные и противоречивые задачи.

Раскритикованные и униженные во время «культурной революции» кадровые работники, если даже они снова попали на свои места, не смели быть инициативными, выступать активно и уверенно из страха перед репрессиями. Они выполняли только такие задачи, ко-

которые считали достаточно «безопасными». Что же касается новых кадров, которые выдвинулись и заняли свои посты во времена «культурной революции», то они отличаются недостатком знаний и умения работать. Так что, когда печать ведет какую-либо кампанию, она уделяет поведению проводящих ее на практике кадровых работников столько же внимания, сколько и теме самой кампании.

В редакционной статье «Жэньминь жибао» от 24 апреля 1972 года был поставлен вопрос о кадровых работниках. В заголовке статьи — цитата из высказывания Мао: «Надо учиться на ошибках прошлого, чтобы избежать их в будущем, надо лечить болезнь и спасти больного». Эта редакционная статья была проявлением политики, которая уже перенесла акцент на возвращение руководителей, удаленных в ходе «культурной революции». Однако в конце концов она и в целом характерна для дилемм, встающих в кадровой политике в КНР. Во введении к статье снова цитируются слова председателя:

«Надо верить, что 90 процентов кадровых работников хорошие или относительно хорошие. Большинство кадровых работников, допустивших ошибки, может эти ошибки исправить».

«Следует строго различать, — говорится далее в статье, — противоречия, возникающие между нами и нашими врагами, и противоречия внутри народа. Это два совершенно различных по природе противоречия. За исключением нескольких классовых врагов, пробравшихся в ряды революционеров, а также тех элементов, которые даже после повторного перевоспитания не желают исправлять свои ошибки и становятся неисправимыми, ко всем надо применять формулу «сплочение — критика — сплочение». Надо следовать принципу, что допустившие ошибки кадры должны прежде всего перевоспитаться, будь то старый кадровый работник или новый, член партии или беспартийный... Прежде всего надо провести серьезную критику и различить правильное и неправильное... во-вторых, необходимо также исходить из стремления к единству, прилагать усилия к исправлению ошибок, допущенных кадровыми работниками, и горячо приветствовать прогресс кадровых работников на этом пути...»

Таким образом, китайская печать постоянно громко критикует кадровых работников, тех, кто осуществляет политику руководства, однако эта критика главным образом идет сверху (за исключением короткого и бурного периода в разгар «культурной революции»). Подчиненные центру кадровые работники подвергаются ей потому, что они неправильно толкуют указания, не проводят новые движения с должным рвением, не проявляют достаточной самостоятельности, а, возможно, поступают слишком уж самостоятельно. Однако, как мы уже могли видеть, провести все кампании, назначаемые из центра, не так-то просто, особенно если они не находятся в действительной связи с проблемами данного предприятия или области.

ВОСЕМЬ ВОПРОСОВ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ МАССОВОЙ КРИТИКЕ

На втором пленуме Центрального комитета КПК, избранного IX съездом партии, в сентябре 1970 года был выдвинут призыв к проведению давно уже развернутого движения под названием «борьба — критика — преобразование», а также к постоянному использованию этого метода для углубления «революционной массовой критики». В октябре 1970 года «Хунци» поместил сообщение ревизионной комиссии шанхайского городского ревкома по поводу восьми вопросов «революционной массовой критики» на заводе по производству котлов. (Если учесть, что во главе шанхайского ревкома стояли два члена Политбюро ЦК КПК — Чжан Чун-цяо и Яо Вэнь-юань, — становится очевидным значение статьи.) Статья называется «Пока существует классовая борьба, необходима и революционная массовая критика». Во введении перечисляются трудности движения и говорится: «Какие бы проблемы ни возникали в массовой критике, основную проблему надо искать прежде всего в мышлении группы руководителей». То есть виноваты опять же кадровые работники.

«Хунци» перечисляет восемь проблем в форме восьми вопросов: «Что делать, если направление революционной критики неправильно? Что делать, если интен-

сивность критики время от времени изменяется? А если высказывается мысль о том, что уже «хватит» критики, что революционную массовую критику уже невозможно углубить? А если мишень «не была поражена точно»? Что делать с массовой критикой, если предприятие стоит перед сложными задачами, а времени мало? Что делать, если в движении принимает участие немного людей? А если «качество» критики невысоко? Что делать, если некоторые люди думают, что массовая критика «слишком отвлеченна»?»

Вопросы говорят о трудностях «массовой критики», и для стороннего наблюдателя они уже сами по себе показывают, что это движение рождено не только задачами данного предприятия. (Тут следует заметить, что слово «революционный» в китайских средствах массовой информации и во всем подходе к действительности означает, по сути дела, не что иное, как постоянную деятельность по отношению к нынешнему руководству.)

Посмотрим же, что, по мнению авторов, надо делать, когда «направление революционной массовой критики неправильно». Очень краткий ответ звучит так (впрочем, на все вопросы дается подобный рецепт):

«Надо рассмотреть, в чьих руках находится оружие революционной массовой критики. Перенеся основной акцент на классовую борьбу, надо мобилизовать массы, чтобы управление массовой критикой было прочно взято в руки пролетариатом».

То есть массы мобилизуются против массовой критики в том случае, если ее направление не совпадает со взглядами руководства. Например, как говорится в статье, на упомянутом заводе во второй половине 1967 года (значит, на вершине хаоса, возникшего в результате «культурной революции») «руководство массовой критикой было захвачено отдельными щелкоперами, которые имели серьезные политические недостатки» и плодили «буржуазную фракционность» (то есть и в «дацзыбао» на этом заводе шла борьба между группами и кликами, возникшими на волне «культурной революции»). Даже после образования на заводе ревкома (как известно, в этих органах власти был осуществлен тройственный союз пришедшей извне армии, лояльных по отношению к линии Мао Цзэ-дуна старых, теперь уже «революционных» кадровых работ-

ников и «революционных бунтарей») эти люди продолжали «распространять ядовитые сорняки на форумах революционной массовой критики». Заметив это «странное явление», заводской ревком, опираясь на массы и связав задачу с лозунгом «очистки классовых рядов», то есть осуществляя внутреннюю чистку, «разоблачил плохие элементы», реорганизовал «группу революционной массовой критики» и снова развернул массовую критику (которая теперь уже не была направлена против образовавшегося на заводе ревкома).

Но в чем же тогда смысл революционной массовой критики? Очевидно, такие вопросы задают и трудящиеся завода, потому что шанхайский городской ревком приводит следующие высказывания рабочих: «Заниматься революционной массовой критикой — все равно что жарить сырой рис»; «Времени у нас нет, чтобы статьи писать»; «Давайте подождем еще несколько дней»; «Массовая критика — это дополнительная нагрузка»; «Я подожду выступить с революционной массовой критикой, пока руководящая группа не попросит меня об этом». Выражались и другие мысли: «Врага мы выгнали, кого надо покритиковали, так что теперь нет смысла вести революционную массовую критику»; «Мы уже раскритиковали шесть вредных теорий Лю Шао-ци, больше уже критиковать нечего»; «Производство ставит срочные задачи, откуда же у нас будет время на массовую критику?» и т. д. В статье, конечно, эти высказывания приводятся для того, чтобы опровергнуть их, но уже по ним можно почувствовать, на какое сопротивление натолкнулась эта кампания, из которой теперь уже исключена всякая самостоятельная инициатива (см. «Я подожду выступить с революционной массовой критикой, пока руководящая группа не попросит меня об этом». — *Прим. авт.*).

Однако целью этой статьи (как вообще всех статей, которые провозглашают какие-либо движения или кампании) является как раз показ необоснованности всех возражений, а также изложение инструкций по их преодолению. Чаще всего это ведется через разъяснение учения председателя Мао (а в то время еще и статей Линь Бяо). Если кадровые работники считают, что критиковать уже нечего, их предупреждают, что они попали под влияние «контрреволюционера и скрытого

предателя Лю Шао-ци», так как китайская печать именно его обвиняет в провозглашении теории о «затухании классовой борьбы». Они должны изучать теорию председателя Мао, по которой «никогда нельзя забывать о классовой борьбе», и т. д. А затем, как обычно, приводится десяток примеров успешного усиления массовой критики. Вот пример полного успеха:

«Хотя у некоторых женщин много работы дома и много детей, товарищи женщины заявили: «Революционная массовая критика — это большое дело. А домашняя работа, как бы она ни была важна, все же остается маленьким делом». Они не только сами активно писали статьи, но и в свободное время помогали рабочим-ветеранам писать статьи в ходе движения массовой критики».

Другие же, хотя у них была срочная работа, остались на ночь в цехе и написали сразу пять статей с критикой. «В результате этого удалось разоблачить одну крысу, которая злоупотребляла своим руководящим положением на производстве». (Это не очень лестное выражение относится к одному из заводских руководителей.)

Приведенная здесь статья из Шанхая очень наглядно показывает, как развернутая тогда актуальная политическая кампания была искусственно привита на этом заводе и вошла в его жизнь (авторы статьи жалуются даже на то, что некоторые трудящиеся редко участвуют в массовой критике из-за загруженности работой или по болезни). Естественно, позднее это движение постепенно отмерло таким же образом, как это происходит обычно: кампании официально никогда не кончаются, исчезновение их можно заметить по тому, что вдруг о них перестают говорить и писать так часто, как это было раньше. Однако очень редко какая-нибудь кампания исчезает полностью: поскольку официально они не кончаются, их всегда можно вытащить снова на поверхность, как будто ничего не произошло. Так, о «трех великих красных знаменах» «большого скачка», провозглашенного в 1958 году, в Китае и сегодня говорят как об актуальной политике (если о них вдруг заходит речь). Тот факт, что сейчас лозунги того времени не важны, становится очевидным только из-за редкого их упоминания.

То же самое относится и к крупным политическим движениям, развертывающимся по всей стране и стоящим в центре политической жизни. На многообразные проблемы политики, хозяйственного строительства, промышленности, сельского хозяйства, литературы и искусства в большинстве случаев ответом являются подобные кампании. В прессе это проявляется просто в том, что в течение нескольких недель или месяцев страницы газет заполняют тождественные по теме и содержанию статьи. Кампания в прессе может быть вызвана, например, появлением новой «образцовой революционной пьесы» или ее нового варианта, которые приветствуются десятками восторженных статей. А вот движение «учиться у Дачжая» рассчитано на длительную перспективу и особенно выдвигается на первый план зимой, когда на селе меньше работы, — тут уже в течение нескольких недель следуют одна за другой большие или маленькие статьи на эту тему.

Очень важен вопрос, насколько эти кампании и вообще публикации в китайской печати отражают реальные проблемы жизни, насколько они отражают действительность.

Конечно, сам метод отклика средств массовой информации на возникающие в жизни проблемы уже является частью, даже немаловажной частью китайской действительности. Ведь если не одна, десять, сто или тысяча статей, а почти все бесконечно, изо дня в день, из года в год излагают одни и те же мысли, приводят одни и те же цитаты, провозглашают те же задачи (например, задачи применения «философии» Мао Цзэ-дуна для решения вопросов повседневной жизни), да если к тому же на работе, на собрании жильцов, по радио и телевидению, на сеансах в кино речь идет о том же самом, если эти лозунги видны повсюду: на улицах городов, в автобусах и даже на прогулочных лодках в местах отдыха, если они снова и снова повторяются через громкоговорители на остановках городского транспорта и в железнодорожных вагонах, то все это и правда становится действенной частью жизни, становится реальностью.

Но очевидно и другое: конфликты жизни человека и общества никак нельзя сузить, чтобы они вместились в искусственно придуманные рамки этих кампаний.

А система пропаганды в Китае очень неохотно затрагивает лежащие в глубине явлений проблемы, так называемые «негативные явления», пытается затуманить эти проблемы, лишь приблизительно описывая их, не называя конкретно.

Рассмотрим теперь одну почти конкретную историю, взяв за основу рассказ бывшего хунвэйбина, высланного в деревню. Эта история была опубликована в «Жэньминь жибао» 17 февраля 1972 года. Газета в этом номере поместила подборку писем родителей «образованных» молодых людей, которые были посланы на житьельство на село. Публикация была частью широкой кампании, перед которой ставилась цель предотвратить массовое возвращение этой молодежи в города в связи с праздником весны. Естественно, все письма родителей говорили о том, как благоприятно сказалось на их детях переселение на всю жизнь в деревню для работы в сельском хозяйстве.

У Сунь-ин из города Яньчжоу пишет о своем сыне Сяо-сяне, который попал в деревню в 1968 году:

«Юноша изменился не только потому, что участвует в физическом труде. Еще важнее, что он повысил свою сознательность с точки зрения классовой борьбы и борьбы за линию. Однажды, увидев, что у Сяо-сяна и его друзей нет достаточно большого сосуда для солки овощей, один богатый крестьянин воспользовался случаем, чтобы дать им в долг такой сосуд. Мой сын и его друзья были очень тронуты и сразу же засолили в этом кувшине овощи. Однако через несколько дней крестьяне-бедняки и низшие середняки узнали о том, что кувшин принадлежит семье богатого крестьянина. Они сразу же наставили молодежь, воспитали ее следующими словами: «До освобождения мы, бедняки и низшие середняки, голодали и видели, что у этого богача было много пшеницы, но мы не могли тогда взять у него ее в долг. Теперь же он сам вызвался дать вам в долг кувшин. Ясно, что он хочет «привлечь вас к воде». Это же проявление классовой борьбы. Когда Сяо-сян и его друзья услышали это, — говорится далее в письме столь воодушевленного отца, — они удивились и сразу же отдали кувшин, а потом вместе с бедняками и низшими середняками разоблачили хитрый и преступный маневр богача. Под воздействием этого примера Сяо-сян понял,

как важно сознавать классовую борьбу и борьбу за линию. Вместе с руководством партийной ячейки он снова изучил генеральную линию партии и усвоил принцип «никогда нельзя забывать о классовой борьбе».

То есть в данном случае классовая борьба означала, что человек, который двадцать два года назад не давал в долг свою пшеницу, до сих пор считается врагом, он не имеет права устанавливать контакты с другими людьми, не может быть приятелем приехавших в деревню молодых людей. Если же он ведет себя не так, это уже «заговор».

Но рассказ о подобных конкретных случаях чаще всего касается таких тем, которые совпадают с общей линией печати в данное время. Например, в газетах постоянно поднимается вопрос о том, что «классовый враг» пытается «подкупить» молодежь, высланную на село. Один из конкретных примеров на эту тему и был дан в рассказе о Сяо-сяне и кувшине. Словом, большинство приводимых в печати конкретных случаев — это подобные истории с моралью.

ФАКТЫ И ИХ ПРЕДЕЛЫ

Несмотря на завесу, которой в печати прикрывается действительность, на идеализацию и уход от конкретных фактов, пресса в Китае является самым точным зеркалом внутренних конфликтов китайского общества, наиболее аутентичным источником информации о стране. Мы уже говорили, что первой и непосредственной целью работы китайской печати является воспитание путем передачи массам официальной линии, восхваления хороших примеров и критики осуждаемой в данный момент практики. Реальные факты и проблемы общества, таким образом, проникают в печать в тех случаях, когда в ней либо излагается пример преодоления явления, которое оценивается как негативное (например, случай с Сяо-сянем. — *Прим. авт.*), либо когда критикуется какое-либо подобное явление. Как отмечал Дик Вильсон в своей книге «Четвертая часть человечества», проблемы Китая, движение общественных сил и различные мнения в зеркале китайской печати видны так, будто слушаешь дискуссию, но доходят до тебя

лишь слова одного из спорящих. Сторонники взглядов, которые характеризуются как «ошибочные», слова не получают, но все же для того, чтобы публично заклеить эти взгляды, надо хотя бы в общих чертах упомянуть о мнении противной стороны.

Например, китайская печать постоянно возвращается к теме положения молодых людей, высланных из города на село. В провинцию было выслано несколько миллионов грамотных юношей и девушек, и их жалобы на жизнь в деревне остались почти неизменными вот уже в течение нескольких лет. Правда, ответы на эти жалобы тоже не изменились. Печать занимается этой темой в самых разных формах: публикуются передовые редакционные статьи, излагаются результаты различных исследований, печатаются письма крестьян о молодежи, молодежи о крестьянах, родителей о своих детях и, конечно, дневники образцовых героев. Рассмотрев несколько сотен подобных материалов, мы можем уже создать для себя определенные представления о проблемах, с которыми сталкивается это движение, о характере жалоб молодежи, однако размеры и глубину трудностей определить невозможно. Трудности описываются всегда как изолированные отдельные ошибки, нетипичные явления. Мнение, не совпадающее с официальным, всегда высказывается «некоторыми», «ничтожным числом» людей или даже «одним запутавшимся человеком». Большинство же, как пишет пресса, чрезвычайно довольны своим положением и отвергает опасения меньшинства.

Мы уже приводили письмо отца Сяо-сяна. В этой же подборке «Жэньминь жибао» помещено письмо еще одного отца, Инь Чженя.

«Моей дочери Инь Чжуан-синь было шестнадцать лет, когда она поехала в деревню. Вся семья тогда поддерживала мысль о необходимости ее переселения в деревню, но мы немного беспокоились. Во-первых, мы боялись, что она слишком молода для того, чтобы самой устраивать свою жизнь. Во-вторых, мы опасались, что она, уехав так далеко от дома, не сможет выдержать трудностей. Однажды Чжуан-синь приехала домой на короткое время. Лицо ее стало совсем темным от загара, а руки были все исцарапаны. Наши соседи говорили: «Если бы Чжуан-синь поселилась недалеко от го-

рода, ей не пришлось бы терпеть таких испытаний». Жаловалась и моя жена: «Что это за будущее — работать в такой далекой деревне?»

Само собой разумеется, отец дальше рассказывает, насколько безосновательными были эти опасения, но совершенно очевидно, что письмо не нужно было бы публиковать, если бы такие заботы были характерными только для этой семьи.

Перед Новым годом и четырехдневным праздником весны обыкновенно у молодых людей, высланных на село, усиливается ностальгия¹. Нет сведений о том, какие административные меры принимаются для пресечения настоящего «переселения народов» из деревни в города в это время, во всяком случае, печать реагирует на эту проблему по-своему.

«Гуанмин жибао» в номере от 17 декабря 1970 года поместила подборку писем юношей и девушек, которые решили не возвращаться на праздник домой. В первом звене производственной бригады Эртаолинь в провинции Ляонин работали молодые люди, переселенные из городов, и все они написали:

«В прошлый раз поговаривали: «Раз мы целый год работали прилежно, раз зерно собрано, солома убрана в стога, то нам надо ехать в город отдыхать». Или же: «После года работы неплохо съездить домой и навесить родственников». Недавно такие мнения распространились и у нас, и некоторые готовились вернуться в город». Что же тогда произошло?

«Партийная организация производственной бригады раскрыла это и организовала всех на изучение идеи председателя Мао о том, что никогда нельзя забывать о классовой борьбе... В результате мы поняли, что теория, будто «после осенних работ надо вернуться в город», непосредственно мешает работе бедняков и низших середняков по перевоспитанию нас... Эти взгляды показывают, что в головах некоторых из нас все еще живет мысль лишь об «удобствах», а сознание необходимости продолжения революции еще недостаточно сильно... Все наши товарищи решительно сказали, что не вернутся в город и будут еще упорнее содействовать успеху трех революционных движений на селе» — так заканчивается письмо.

¹ Ностальгия — тоска по родине (греч.). — Прим ред.

Точно так же мы могли бы цитировать статьи о том, как молодые горожане были расстроены, увидев пещеры, выделенные им под жилье (в Китае есть районы, где многие живут в вырытых в склоне лёссовых гор пещерах); как молодежь приходила к выводу (который потом был расценен как ошибочный), что на селе она не имеет будущего, что жизнь там монотонна, труд тяжел, а знания пропадают без пользы и т. д. Но затем, конечно, в статьях сразу же дается ответ и рассказывается, как молодежь отказалась от «ошибочных идей». По всем этим материалам мы можем составить впечатление о том, с какими проблемами столкнулись миллионы высланных из городов юношей и девушек. С другой стороны, некоторые статьи приводят отрывочные данные о том, сколько представителей переселенной молодежи получили различные руководящие посты, сколько «активистов распространения маоцзэдуновских идей» вышло из их рядов и т. д.

Из таких кусочков можно сложить мозаичную картину, а китайский читатель, к которому обращена информация, конечно, добавляет к официальным сообщениям и свой личный опыт.

НЕ СУЩЕСТВУЕТ НЕПРЕОДОЛИМЫХ ТРУДНОСТЕЙ — ОШИБКИ БЫЛИ ТОЛЬКО В ПРОШЛОМ

Рассмотрим еще одну подобную проблему: что писала китайская пресса о положении врачей и других работников здравоохранения, которые во время «культурной революции» были посланы на село. «Гуанмин жибао» в номере от 5 ноября 1970 года сообщала о результатах исследования, проведенного ревкомом города Шэньяна. В статье говорилось:

«Среди некоторых приехавших в деревню медицинских работников проявилось два направления. По мнению одних, врачи приехали в деревню, чтобы лечить крестьян-бедняков и низших середняков, поэтому и речи не может быть об их перевоспитании. По мнению других, врачи — это объект перевоспитания, поэтому они сами не могут играть никакой роли».

Далее в статье проблема ставится еще конкретнее: «У нас нет времени заниматься лечением, потому что мы участвуем в физическом труде». Приведя это мнение и критикуя его, авторы статьи тут же цитируют и другое высказываемое мнение, также достойное осуждения: «Мы не можем участвовать в физическом труде, когда занимаемся лечением». Читатель явно уже начинает понимать, что врачи должны заниматься и тем и другим.

Дальше идет «конкретный» пример: «Один врач, не отказываясь от физической работы днем, лечил больных крестьян утром и вечером. Иногда собрания кончались только поздно вечером, но он все-таки ходил по домам пациентов и осматривал их».

Конечно, в этом исследовании нет ни слова о том, какой бездумной тратой сил является направление получивших образование медицинских работников на физическую работу в Китае, где так не хватает врачей. Такая постановка вопроса противоречила бы общему принципу, по которому любой кадровый работник, любой интеллигент время от времени должен заниматься физическим трудом, так как это позволяет ему не отрываться от масс.

О том, что удаление старых квалифицированных кадров во время «культурной революции» вызвало трудности в производстве, печать стала говорить только через несколько лет, когда была начата кампания в интересах обеспечения старых кадров соответствующей работой и придания им авторитета. Читатель узнал из газет, что начатая в свое время кампания за ликвидацию «нерациональных правил» во многих местах привела к нарушению технологических норм, к крупным трудностям, анархии и сокращению производства, только несколько лет спустя, когда в начале 1972 года была развернута кампания за соблюдение «разумных правил». О том, какой хаос был вызван мобилизацией крестьянства на убыстрение индустриализации страны, стали писать лишь тогда, когда печать уже громко кричала, что из сельского хозяйства нельзя отвлекать рабочую силу под лозунгом индустриализации...

29 мая 1972 года «Жэньминь жибао» перепечатала сообщение агентства Синьхуа, в котором говорилось, как в отдельных округах и уездах провинции Гуандун

было создано правильное соотношение между развитием сельского хозяйства, легкой промышленности и тяжелой промышленности. Здесь приводится пример уезда Чуншань.

«Руководители уезда отвлекали рабочую силу из деревень на строительство сахарного завода и на другие работы. В результате завод был построен, но не осталось достаточно рабочей силы для закладки плантаций сахарного тростника, и посадки велись небрежно. Урожайность была низкая, а площадь, освоенная под сахарным тростником, — небольшой. Так что для переработки поставлялось очень мало тростника, и завод пришлось переместить в другой район страны».

В статье не называется период, когда проводился этот провалившийся эксперимент с сахарным заводом, но можно предположить, что речь идет о времени «большого скачка». Теперь же был применен другой метод:

«В прошлом сезонные рабочие для сахарного завода привлекались из деревень, теперь же вопрос решен по-другому. Рабочая сила набирается в городах из рабочих и членов их семей. Многие коммуны и производственные бригады использовали такой метод. В сезоны, когда в сельском хозяйстве мало работы, они выполняют больше работ на шахтах, а в основной сезон — меньше, чтобы обеспечить рабочую силу для своего производства».

Ошибочную практику прошлого уже можно и даже должно критиковать во имя новой линии. Для тех же, кто выдвигал (если выдвигал) принятые теперь решения давно, местные руководители, центральная и местная печать приводили одинаковые разъяснения о том, что все трудности можно преодолеть и крестьяне, не боясь ничего, в конце концов добьются победы, опираясь на правильную линию. Хотя, конечно, уездное руководство было вынуждено исправлять ошибку ввиду полного провала и необходимости закрыть завод, а в масштабах всего Китая изменение методов было вызвано крахом «большого скачка».

Исследуя подход китайской системы информации к проблемам, нельзя забывать, что печать в Китае, хотя и не так широко, как в других странах, все же выполняет роль форума обмена опытом и дискуссий по от-

дельным вопросам, например когда речь идет о формах применения генеральной линии. Этот элемент можно обнаружить и в материалах кампаний, о которых уже говорилось в нашей книге. Ведь статьи о проблемах переселенной на село молодежи, ответы на эти вопросы дают указания не только молодежи, но и всем читателям.

Есть группы вопросов, при рассмотрении которых печать прямо ищет новые методы. В 1971—1972 годах публиковались сотни отличающихся друг от друга по деталям и даже противоречащих друг другу статей о том, как следует реорганизовать систему образования, как вести обучение в начальной школе, а также в средней школе и в вузах. Обсуждался вопрос, какая школа — пяти- или семиклассная — соответствует современным требованиям, стоит ли делить школы в городах на начальные и средние и так далее. Конечно, по содержанию обучения дискуссий не было, да и кто может подвергнуть сомнению, что первостепенной и самой важной задачей обучения от детского сада до вуза является преподавание «маоцзэдуновских идей». Но поскольку «великая пролетарская культурная революция» поставила под сомнение все, что считалось основой методов обучения, средние школы были закрыты целый год, а вузы даже более четырех лет, понятно, что в этой области накопились вопросы, которые стоит обсудить, по которым можно провести обмен опытом в масштабах всей страны.

Но такие ограниченные дискуссии ведутся в средствах информации только по строго определенным темам; если же противоречащие друг другу мнения по другим вопросам выходят на поверхность, то это уже указывает не на возможности свободной публикации разных точек зрения, а на противоречия между руководителями и группами в руководстве. Так, в 1970 году по всей стране было развернуто движение, направленное на развитие электронной промышленности, с которым была связана кампания в печати по пропаганде успехов, публиковались статьи о домашних хозяйках, производящих силиконовые кристаллы. И когда в мае 1971 года вдруг сразу появилось несколько статей о том, что «мошеники типа Лю Шао-ци» хотели развивать электронику в ущерб черной металлургии, эти вы-

ступления явно указывали на пересмотр целей движения и принятие нового подхода к капиталовложениям. Больше дискуссий не было — никто не пытался выступить против статьи, провозгласившей первоочередную важность черной металлургии.

* * *

В заключение мы хотели бы подчеркнуть, что читатели, приученные за более чем два десятилетия к стилю и методам китайской печати, в большинстве случаев понимают передаваемые им через прессу сообщения и указания. По крайней мере это относится к тем читателям, прежде всего кадровым работникам, которые понимают специфический язык пекинских средств массовой информации, читают и в строках и между строк, обращают внимание на самые мелкие изменения формул и ощущают действительность, скрытую за намеками в печати. И если они правильно толкуют эти сообщения, то им легче приспособиться к политике китайского руководства, применять или осуществлять эту политику. И благодаря этому они лучше или по крайней мере с меньшим трудом приспособляются к жизни, в меньшей степени становятся объектами «революционной массовой критики».

Чтение статей прессы, групповая читка газет или прослушивание передач радио стали неотъемлемой частью жизни китайских заводов и сел. Никто из живущих в Китае не может уклониться от непрерывного наступления официальной информации и пропаганды. Ее цель — создание стомиллионной армии людей, мышление которых пронизано «маоцзэдуновскими идеями», людей, которые лояльны по отношению к революции, одинаково мыслят и даже одинаково реагируют на события.

Без сомнения, эта система массовой информации является эффективным средством воздействия в руках нынешнего руководства Китая. Вопрос лишь в том, какая цена платится за это. Вернее, какой она окажется в будущем? Ведь такой механизм может действовать только тогда и только до тех пор, пока есть возможность закрывать от китайских масс другие источники получения сведений. А это не может длиться вечно. Как будет реагировать практически мыслящий и талантливый ки-

тайский народ на более полное ознакомление с действительностью? Что будет, когда этот народ увидит обстановку во всем мире и положение в собственной стране такими, какими они являются в действительности?

Этот вопрос, который встанет завтра или послезавтра. А сейчас, хотя в последнее время в китайской печати несколько расширился круг тем, в увеличении количества информации и стиле, по существу, никаких изменений нет — сохраняется сильно урезанная и искаженная информация о мире и националистическая линия. В нашей книге показан современный период, вернее, период 1970—1972 годов и то, какие явления международного положения и китайской действительности информационная машина в Китае считала нужным показать массам. С тех пор проявилась новая внешнеполитическая линия, которая имела свои последствия и в печати. Но и теперь в любом случае остается истиной вывод о том, что житель Китая может видеть мир только через призму китайской системы массовой информации.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительная статья	5
Вместо предисловия	11
<i>Первая часть</i>	
Глава 1. «Горизонты» книжного рынка	23
Глава 2. Механизм массовой информации	38
<i>Вторая часть</i>	
Глава 3. Мир в изображении Пекина	57
Глава 4. Хроника одного месяца	74
Глава 5. Война и дипломатия	95
Глава 6. В ожидании Никсона	113
Глава 7. Два действующих лица в «Жэньминь жибао»	131
<i>Третья часть</i>	
Глава 8. Пекинские расчеты	150
Глава 9. «Мнимый товарищ по оружию»	171
Глава 10. «Линия» и «две линии»	194
Глава 11. Философия или ассоциация	210
Глава 12. Образцы и герои	224
Глава 13. «Диктатура пролетариата» на сцене	243
Глава 14. От кампании к кампании	263

И. ДЬЕРДЬ

ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПЕКИНА

Редактор *Е. Филимонов*

Художник *В. Блинов*

Художественный редактор *В. Пузанков*

Технический редактор *Л. Полякова*

Слано в производство 27.08 1974 г.

Подписано к печати 28.09 1975 г.

Бумага 84×108^{1/32} тип. № 1. Бум. л. 4^{1/2}.

Печ. л. 15,12.

Уч.-изд. л. 14,26. Изд. № 19137.

Цена 58 к. Заказ № 843.

Тираж 50 000 экз.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета
Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградской типографии № 2
имени Евгении Соколовой
Союзполиграфпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
198052, Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29,
с матриц ордена Трудового Красного Знамени
Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
Москва, М-54, Валовая, 28

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Вышла из печати:

МАНЯ Й. Досье насилия.

Перевод с румынского.

В книге рассмотрена проблема насилия как одна из характерных черт капиталистического мира. Йон Маня обращает внимание читателя на некоторые наиболее разительные примеры насилия, в частности на использование убийств в качестве средств борьбы с политическими противниками, похищение различных видных деятелей как форму давления и политического шантажа (убийство президента США Дж. Кеннеди и Мартина Лютера Кинга; похищение прогрессивного марокканского лидера Бен Барки и т. д.), разоблачает деятельность американского ЦРУ в Южном Вьетнаме, странах Западной Европы и других районах земного шара.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Вышла из печати:

УИНСТОН Г. Стратегия борьбы черно-го населения.

Перевод с английского.

Автор книги, национальный председатель Коммунистической партии США, анализирует основные вопросы стратегии и тактики негритянского движения в Соединенных Штатах. Уинстон связывает его успехи с рабочим движением США в целом, с деятельностью Коммунистической партии США. Автор показывает негритянское движение как одну из форм освободительной борьбы в США, Латинской Америке и Африке.

В книге дана острая критика шовинистического курса нынешнего пекинского руководства, его раскольнической деятельности в мировом коммунистическом движении и предательской роли по отношению к национально-освободительному движению. Аргументированной критике подвергнуты также наиболее реакционные буржуазные концепции негритянского вопроса.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Вышла из печати:

ГЛОМБИНЬСКИЙ С. Китай и США.
Перевод с польского.

Книга посвящена одной из самых актуальных международных проблем современности — китайско-американским и китайско-советским отношениям новейшего времени.

В книге содержится много интересных фактов о различных сторонах жизни современного Китая, собранных автором за годы пребывания в этой стране в качестве корреспондента Польского агентства печати.

ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПЕКИНА

Данная книга посвящена анализу системы массовой информации в Китае. По словам ее автора, в результате «культурной революции» эта система практически перестала быть каналом передачи объективной информации и превратилась исключительно в средство манипулирования, удобного на данный момент толкования политической линии пекинского руководства, иллюстрирования лозунгов каждодневного потребления. Описывая некоторые изменения, характерные для политики маоистов в последнее время, автор показывает, что суть их националистического, антисоциалистического и антисоветского курса осталась прежней.

В книге исследуется только официальная печатная пропаганда. Система закрытой информации для кадровых работников (ганьбу), а также устной информации для широких масс почти не рассматривается. Предметом анализа являются прежде всего материалы китайской прессы за период 1970—1972 годов.